

ISSN 0321-0359

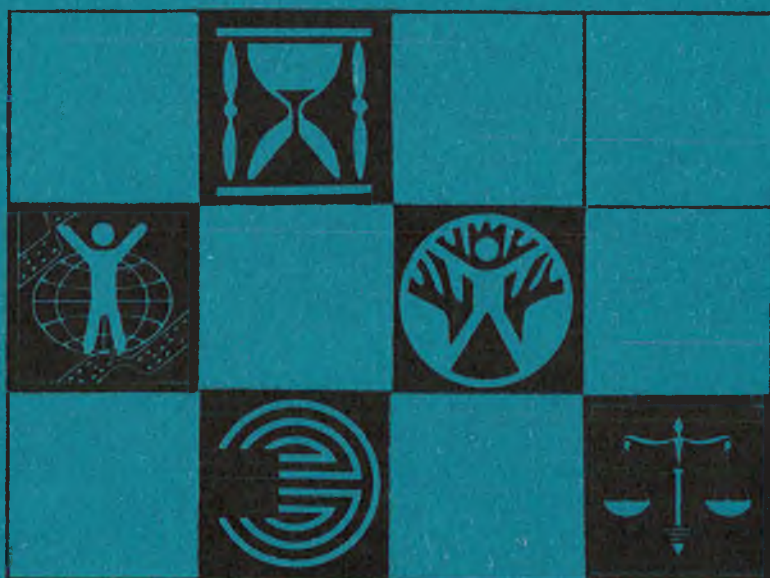
ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

3 '94

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

3'94

ЛІСТАПАД

МІНСК
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ”

Галоўны рэдактар В. Р. РУДЗЬ
Адказны сакратар П. М. БАРАНОЎСКІ

Рэдакцыйная калегія серыі:

У. К. КОРШУК (адказны рэдактар),
М. І. БАЗЫЛЕЎ, А. М. БАЙЧОРАЎ, П. І. БРЫГАДЗІН, В. М.
ГАДУНОЎ, С. Р. ДРАБЯЗКА, А. М. ЕЛСУКОЎ, Э. М. ЗАГА-
РУЛЬСКІ, А. І. ЗЕЛЯНКОЎ (нам. адказнага рэдактара), Ю. Л.
КАЗАКОЎ (адказны сакратар), П. М. КОБРЫНЕЦ, М. В. НА-
ВУЧЫЦЕЛЬ, П. А. ШУТЛЯК

В. І. МЕНЬКОЎСКИ

ГІСТАРЫЧНАМУ ФАКУЛЬТЭТУ — 60 ГОД

У кастрычніку гістарычнаму факультэту Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта споўнілася 60 гадоў. Гісторыя факультэта — значная з’ява не толькі беларускай навукі, але і гісторыі Беларусі: сапраўдная плеяда выдатных навукоўцаў, грамадскіх і палітычных дзеячаў падрыхтавана ў сценах гістфака. Нашы дыпломы атрымалі тысячы спецыялістаў, працуючых у школах, у культурна-асветніцкіх і навуковых арганізацыях, архівах, музеях, вышэйшых навучальных установах.

Першы набор студэнтаў на гістарычны факультэт налічваў усяго 67 чалавек. Вучэбныя дысцыпліны выкладалі два акадэмікі, тры прафесары, чатыры дацэнты і шэсць аспірантаў. У склад факультэта ўваходзілі кафедры гісторыі СССР і БССР, гісторыі старажытнага часу і сярэдніх вякоў, новай і найбольшай гісторыі. Дэканам факультэта быў прызначаны акадэмік В. К. Шчарбакоў.

Да часу адкрыцця самастойнага факультэта ў выкладанні гісторыі ў Беларускім дзяржаўным ўніверсітэце ўжо былі назапашаны пэўныя традыцыі. З 1921 г. ажыццяўлялася падрыхтоўка гісторыкаў на факультэце грамадскіх навук, а з 1922 г. — на педагагічным факультэце. Знамянальна, што вучэбныя заняткі ў БДУ былі пачаты лекцыяй па сусветнай гісторыі, прачытанай 30 кастрычніка 1921 г. прафесарам Д. П. Канчалоўскім.

Асабліва роля ў станаўленні сістэмы падрыхтоўкі кадраў гісторыкаў належыць першаму рэктару БДУ акадэміку У. І. Пічэту. Выдатны вучоны быў і відным арганізатарам навукі. Яму ўдалося прыцягнуць да працы ва ўніверсітэце вядомых гісторыкаў: У. М. Ігнатоўскага, У. М. Перцава, Ф. Ф. Турука, А. А. Савіча і інш. У перыяд станаўлення гістарычнай адукацыі ў Беларусі не хапала ўласных гістарычных кадраў, таму запрашаліся навукоўцы, выкладчыкі з-за межаму Беларусі, у першую чаргу — з Расіі.

Паступова складалася ўласная беларуская школа. М. М. Нікольскі, М. В. Доўнар-Запольскі, У. М. Перцаў, У. І. Пічэта падрыхтавалі дастойных пераемнікаў. У 20—30-я гг. пачалі педагагічную і навуковую дзейнасць І. Ф. Лочмель, А. П. П’яноў, Д. А. Дудкоў, К. І. Кернажыцкі.

У гэты перыяд беларускім гісторыкам давялося прапаваш у вельмі складаных і супярэчлівых умовах. Беларусь адной з першых рэспублік СССР увяла ўсеагульную пачатковую адукацыю, пацпыралася сетка сярэдніх школ і ВНУ. Ва ўсіх абласных цэнтрах былі адкрыты інстытуты ўдасканалення настаўнікаў і педагагічныя інстытуты. Усё гэта патрабавала пашырэння падрыхтоўкі кадраў інтэлігенцыі, у тым ліку і гісторыкаў. Але для дзяржаўнага ідэалагічнага апарату галоўным было не развіццё гуманістычных каштоўнасцей, а прапаганда класавых прынцыпаў, падпарадкаванне навукі так званым «дзяржаўным інтарэсам».

Нацыянальная культура ўціскалася. У канцы 20-х гг. абвастралася барацьба з ідэалогіяй нацыянал-дэмакратызму, якая вызначалася як варожая Савецкай уладзе контррэвалюцыйная плынь. Інтэлігенцыя рэспублікі панесла значныя страты: многія навукоўцы, пісьменнікі, дзеячы мастацтва паплаціліся жыццём за вернасць ідэям нацыянальнага адраджэння. Але нават у такіх няжкіх умовах самаадданыя навукоўцы знаходзілі сілы адстойваць гонар чалавека і навукі, даводзіць да студэнтаў аб’ектыўна пацверджаныя навуковыя погляды на гістарычны працэс, на месца нашай Айчыны ў сусветнай гісторыі.

Да 1941 г. на гістарычным факультэце было падрыхтавана каля 200 спецыялістаў-гісторыкаў. У цяжкіх умовах пачатку Вялікай Айчыннай вайны і акупацыі Беларусі патрабавалася прыкласці значныя намаганні па ўзнаўленню навучальнага працэсу ва эвакуіраваным ўніверсітэце. У кастрычніку 1943 г. на станцыі

Сходня пад Масквой пачаліся заняткі. У ліку шасці факультэтаў, што адчынілі дзверы для студэнтаў, быў і гістарычны.

Усе пасляваенныя гады гістарычны факультэт працягваў заставацца буйнешым у рэспубліцы цэнтрам падрыхтоўкі педагогічных і навуковых кадраў. У 50—70-я гг. значны асабісты ўплыў на развіццё гістарычнай навукі ўнеслі выкладчыкі факультэта Л. С. Абенэдарскі, М. П. Баранава, Г. М. Ліўшыц, Я. П. Навуменка, Ф. М. Нячай, Л. М. Палетыка, П. З. Савачкін, Р. М. Трухноў, Л. М. Шнеерсон.

Зразумела, што ва ўмовах аўтарытарнага аднапартыйнага рэжыму «ідэалагічны факультэт», яго супрацоўнікі і выхаванцы былі вымушаны прытрымлівацца дэкрэ-таванага зверху класавага падыходу да ацэнкі гістарычных падзей.

Тым не менш нельга ацэньваць гэтыя гады проста як «застой» у навуцы. Факультэт правалічваў прыём студэнтаў, уводзіў новыя спецыяльнасці, апрабоўва-ліся розныя метадыкі навучання, пашыраліся міжрэспубліканскія і міжнародныя сувязі. І самае галоўнае — факультэт рыхтаваў кадры кваліфікаваных вучоных і выкладчыкаў. Калі склаліся спрыяльныя ўмовы і яны атрымалі магчымасць рэалізаваць назапашаны патэнцыял, стала відэавочным, што ў рэспубліцы існуе сапраўдная своеасаблівая гістарычная школа. Беларускія гісторыкі аказаліся ў стане ствараць і адстойваць уласную канцэпцыю развіцця Айчыны, аказваць дзейсны ўплыў на фарміраванне грамадскіх працэсаў сённяшняга дня.

Дэмакратызацыя грамадскага жыцця, палітычныя і эканамічныя рэформы стварылі ўмовы для беларускага сацыяльнага і культурнага адраджэння. Дзяржаў-ны суверэнітэт Беларусі сцвярджаўся ў імя высокай мэты — свабоднага развіцця і павышэння дабрабыту кожнага грамадзяніна рэспублікі. Дзякуючы дзейнасці дзяржаўных і грамадскіх арганізацый аднаўляюцца нацыянальна-культурныя каштоўнасці, праўда аб гістарычным мінулым, вяртаюцца забытыя імяны.

У перыяд станаўлення нацыянальнай самасвядомасці гістарычная навука павінна адпавядаць асабліва высокім стандартам. Зараз на гістарычным факультэце працуе дзесяць кафедраў: гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў; гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу; гісторыі старажытнага свету і сярэднявекі; гісторыі новага і навішага часу; археалогіі, этнаграфіі і дапамож-ных гістарычных дысцыплін; расійскай і славянскай гісторыі; навішай гісторыі славянскіх краін; крынізнаўства і музеязнаўства; міжнародных адносін. Супра-цоўнікі факультэта вядуць плённую даследніцкую працу, падрыхтавалі новыя падручнікі, вучэбныя дапаможнікі для ВНУ і школ, метадычныя распрацоўкі па ўсіх гістарычных дысцыплінах; больш 20 праграм па вучэбных дысцыплінах рэкамендаваны для зацвярджэння ў якасці тыповых для вышэйшых навучальных устаноў рэспублікі.

Гістфак падтрымлівае шырокія сувязі з многімі навуковымі цэнтрамі замежжа. Выкладчыкі і супрацоўнікі актыўна ўдзельнічаюць у міжнародных кангрэсах, сустрэчах, сімпозіумах. Студэнты факультэта ўдзельнічаюць у выкананні разна-стайных навуковых прац, уваходзяць у склад археалагічных экспедыцый, высту-паюць з дакладамі на канферэнцыях. На аддзяленнях гісторыі, архівазнаўства, музеязнаўства і міжнародных адносін сёння займаецца больш за 1200 студэнтаў дзённай і завочнай форм навучання. Заняткі вядуць 75 выкладчыкаў, сярод якіх 15 прафесараў і дактароў навук і 50 дацэнтаў. Вялікі ўклад у стварэнне структуры сучаснага факультэта ўнеслі дэканы П. З. Савачкін, І. О. Царук, Э. М. Загарульскі, П. А. Шупляк; загадчыкі кафедраў І. В. Аржахоўскі, А. П. Ігнаценка, У. С. Кошалеў, А. П. Салькоў, У. Н. Сідарцоў, В. А. Фядосік, А. В. Шарапа.

У мэтах задавальнення патрэбы рэспублікі факультэт стаў рыхтаваць кадры па трох новых спецыяльнасцях: архівазнаўства, музеязнаўства і міжнародных ад-носін. У хуткім часе мяркуецца стварыць яшчэ аддзяленне, на якім будучь рыхтавацца такія новыя спецыяльнасці, як археалогія і этнаграфія. З 1993 г. на гістарычным факультэце ажыццяўляецца падрыхтоўка па новай спецыялізацыі «рэлігія ў гісторыі чалавецтва».

Асноўныя напрамкі канцэпцыі выкладання гісторыі накіраваны на прыярытэт агульначалавечых каштоўнасцей, аб'ектыўных падыходаў да аналізу і асвятлення гістарычнага працэсу. Галоўнае месца ў навучальным працэсе факультэта, на-туральна, займае цыкл дысцыплін па гісторыі і культуры Беларусі. Гэта такія курсы, як «Гісторыя Беларусі», «Археалогія Беларусі», «Гісторыяграфія Беларусі», «Крыніцазнаўства гісторыі Беларусі», «Этнаграфія Беларусі» і іншыя. Выкладчыкі факультэта чытаюць лекцыйныя курсы па гісторыі Беларусі на іншых падраздзя-леннях універсітэта, у розных навучальных установах.

Пры вывучэнні агульнай гісторыі асаблівае месца належыць гісторыі суседніх народаў — рускага, украінскага, польскага і літоўскага, з якімі беларусаў звязвае многае як у мінулым, так і сёння. У сувязі з тым, што гісторыя СССР і Расіі зараз стала разглядацца як частка ўсеагульнай гісторыі, патрабавалася ўнесці змяненні ў арганізацыю навучальнага працэсу, стварыць новыя кафедры.

Задача фарміравання ўласнага погляду на гісторыю, выпрацоўкі канцэпцыі і падрыхтоўкі кадраў беларускіх гісторыкаў вельмі складаная. Тым больш, што вышэйшая школа рэспублікі знаходзіцца ў цяжкім становішчы: не хапае падруч-нікаў і вучэбных дапаможнікаў, у занябаным выглядзе знаходзяцца архівы

Рэспублікі Беларусь, па многіх гістарычных пытаннях неабходны цесныя і рэгулярныя навуковыя кантакты з «бліжэйшым і далёкім» замежжам. Сапраўды жабрацкім можна назваць матэрыяльнае становішча вышэйшай школы. Усё гэта вельмі трывожыць. Але ёсць галоўнае, што дазваляе захоўваць надзею, гэта — магчымасць мець уласны пункт гледжання, свабода навуковых дыскусій, адсутнасць дагматызму і навязанага зверху афіцыйнага пункту гледжання. Беларускі народ атрымаў гістарычны шанц для свабоднага развіцця. Яго немагчыма здзейсніць без дасканалага ведання свайго мінулага, без аб'ектыўнай адзнакі ролі і месца Беларусі ў міжнародным супольністве і сусветным гістарычным працэсе.

А. Г. БАГДАНОВІЧ

ІДЭЯ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ Ў ПРАГРАМАХ ЛІБЕРАЛЬНА-БУРЖУАЗНЫХ ПАРТЫЙ БЕЛАРУСІ (сакавік — кастрычнік 1917 г.)

Па насычанасці падзеямі 1917 г. займае асобае месца ў гісторыі барацьбы беларускага народа за нацыянальнае вызваленне, палітычную і эканамічную незалежнасць. Менавіта ў гэты час на першы план выходзіць пытанне дзяржаўнага самавызначэння беларускай нацыі, больш акрэслены выгляд набываюць уяўленні аб формах і змесце дзяржаўнасці, шляху яе дасягнення.

Палітычная атмасфера ў Беларусі пасля Лютаўскай рэвалюцыі была яшчэ больш забытанай, чым у Расіі. Тут перапляліся ўлада Саветаў з уладамі камісараў Часовага ўрада і камітэтаў грамадскай бяспекі, што, акрамя таго, ускладнялася нямецкай акупацыяй, знаходжаннем у Магілёве стаўкі Вярхоўнага галоўнакамандуючага і барацьбой розных палітычных сіл. Справа нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння перацікалася таксама нізкі стан самасвядомасці беларускага насельніцтва, ігнараванне беларускага пытання з боку Расіі — Часовага ўрада і рэвалюцыйнай апазіцыі, якую ўвасабляла большавіцкая партыя.

Лютаўская рэвалюцыя ўнесла новы змест у беларускі рух, значна пашырыла яго сацыяльную базу. Тут, як і ва ўсіх нацыянальных рэгіёнах Расіі, пачаў складвацца памешчыцка-буржуазны блок. Грамадска-палітычныя арганізацыі гэтага блоку абаранялі інтарэсы розных пластоў беларускага грамадства, у першую чаргу — буржуазіі, часткова — памешчыкаў, заможнага сялянства, чыноўніцтва, прыватнага і каталіцкага духавенства. Праграмы іх мелі ліберальны характар, асноўныя праграмныя палажэнні былі запазычаны галоўным чынам у кадэтаў.

Наогул, канстытуцыйна-дэмакратычная партыя (кадэты) была адной з найбольш масавых і ўплывовых сярод дзесяткаў партый, што дзейнічалі на тэрыторыі Беларусі ў сакавіку — кастрычніку 1917 г. Кадэты дамінавалі ў Часовым урадзе Расіі.

Асноўныя праграмныя палажэнні партыі былі прыняты на ўстаноўчым з'ездзе ў кастрычніку 1905 г. Канчаткова зацвердзіў праграму кадэтаў другі з'езд у студзені 1906 г. Змяненні ў праграму ўносіліся на VII і VIII з'ездах партыі ў сакавіку і маі 1917 г.

Як вядома, асаблівую вастрыву нацыянальныя праблемы набылі ў гады першай сусветнай вайны. Кадэты разумелі, што нацыянальная палітыка царызму садзейнічала ўзмацненню сепаратысцкіх тэндэнцый. Разам з тым яны не маглі не ўлічваць актывізацыі вызваленчых настрояў у нацыянальных рэгіёнах краіны. У той жа час кадэты павінны былі лічыцца з міжнароднымі абставінамі, пазіцыямі ваюючых дзяржаў, якія імкнуліся выкарыстоўваць у сваіх мэтах невырашанасць нацыянальнага пытання ў Расіі. Менавіта гэтыя абставіны аказалі свой уплыў на распрацоўку кадэцкай нацыянальнай праграмы ў 1917 г.

З першых дзён вайны кадэты лічылі неабходным «захаваць нашу краіну адзінай і непадзельнай»¹. Робячы акцэнт на ўнітарны характар дзяржаўнага ладу Расіі, яны актыўна не прымалі заклікаў да палітычнага самавызначэння народаў, федэралізму, права на тэрытарыяльную аўтаномію.

Пасля Лютаўскай рэвалюцыі пазіцыі кадэтаў па нацыянальнаму пытанню, па сутнасці, не змяніліся. Аб гэтым сведчаць пастановы VIII партыйнага з'езда, які адбыўся ў маі 1917 г. На з'ездзе быў заслуханы і абмеркаваны даклад вядучага тэарэтыка партыі, маскоўскага прафесара дзяржаўнага права Ф. Ф. Какошкіна «Аб аўтаноміі і правах нацыянальнасцей», унесены змяненні ў адпаведныя раздзелы праграмы. Падкрэсліваючы сваю адданасць прынцыпу захавання «адзінай і непадзельнай Расіі», дакладчык і большасць дэлегатаў з'езда выказалі супраць дэвалюцыі народнаасцяжнага права як палітычнага самавызначэння, так і нацыянальна-тэрытарыяльнай аўтаноміі. На дадзеным гістарычным адрэзку, ва ўмовах палітычнай дэстабілізацыі і ўзмацнення канфрантацыі ў міжнацыянальных адносінах, на думку кадэтаў, падзел краіны па нацыянальна-тэрытарыяльнаму прынцыпу з лагічнай непазбежнасцю прывёў бы «да поўнага разбурэння дзяржаўнага адзінства Расіі і ўсталяванню не федэрацыі (саюзнай дзяржавы), а канфедэрацыі (саюза дзяржаў)»². Аптымальным рашэннем нацыянальнага пытан-

ня ў рамках поліэтнічнай дзяржавы з'явілася б наданне народнасцям не тэрытарыяльнай, а культурна-нацыянальнай аўтаноміі.

Даклад Какошкіна і прапанаваны ім праект рэзалюцыі выклікалі прэччанне з боку кадэтаў-нацыяналаў. Прадстаўнік мінскай групы кадэтаў У. І. Самойла асцярожна выказаўся за неабходнасць развіцця прынцыпу аўтаноміі, заявіўшы, што «гутарка павінна весціся не аб абласцях-губернях, як Ферганская, Тургайская, а аб абласцях-краях». Разам з тым ён паспяшаўся заверыць, што патрабаванне абароны нацыянальных праў нярускіх народаў зусім не пагражае Расіі раздзяленнем. Насупраць, Самойла выказаў надзею, што «ў нацыянальным духу знойдуцца тыя новыя крыніцы, якія пабудуюць вялікую Расію»³.

У выніку абмеркавання з'езд зацвердзіў асноўныя пункты даклада «Аб аўтаноміі і правах нацыянальнасцей».

Наогул, кадэты выступалі супраць магчымага ўладкавання Расіі на грунце федэрацыі. Па-першае, на думку кадэтаў, у свеце не існавала ніводнай дзяржавы-федэрацыі, пабудаванай па нацыянальнаму прынцыпу. Па-другое, для Расіі была характэрнай крайняй колькаснай няроўнасць нацыянальнасцей і несуразмернасць займаемых імі тэрыторый. Таму, лічылі кадэты, план федэратыўнага будавання Расіі практычна не ажыццявімы. У якасці альтэрнатывы нацыянальнаму падзелу кадэты прапаноўвалі тэрытарыяльную аўтаномію «правінцыяльнага тыпу», з дэваленнем праў толькі ў сферы культуры. Як заявіў у дакладзе па нацыянальнаму пытанню на IX кадэцкім з'ездзе Б. Э. Нольдэ (ліпень 1917 г.), «ЦК канчаткова пастанавіў адмовіцца ад прынцыпу палітычнага самавызначэння нацый і выступіць за арганізацыю так званых нацыянальных «саюзаў», якія вырашалі б выключна нацыянальна-культурныя праблемы»⁴. Менавіта кіруючыся такімі прынцыпамі, дзейнічалі арганізацыі агульнарасійскай партыі кадэтаў на тэрыторыі Беларусі.

Як ужо зазначалася, пасля Лютага 1917 г. на Беларусі заявілі аб сваім існаванні некалькі партый ліберальна-буржуазнага накірунку. Гэтыя партыі і арганізацыі зарадзіліся і дзейнічалі ў рамках беларускага нацыянальнага руху ў якасці яго правай плыні. У той ці іншай меры прытрымліваліся ліберальнай арыентацыі наступныя беларускія партыі: Магілёўскі беларускі нацыянальны камітэт, Гомельскі саюз беларускай дэмакратыі, Віцебскі саюз беларускага народа, Аршанскі беларускі народны камітэт, Хрысціянска-дэмакратычная злучнасць, Беларуская партыя народных сацыялістаў і Беларуская партыя аўтанамістаў.

Магілёўскі беларускі нацыянальны камітэт аформіўся ў канцы сакавіка 1917 г, ён аб'ядноўваў некалькі дзесяткаў чалавек, праграмы наогул не меў.

Сваю задачу Магілёўскі беларускі нацыянальны камітэт бачыў у аб'яднанні ўсяго беларускага насельніцтва ў мэтах: «а) аказання падтрымкі Часоваму ўраду ў барацьбе са знешнім ворагам і ў справе ўладкавання Расіі на пачатках дэмакратычнай рэспублікі; б) арганізацыі выбараў ва Усерасійскі Устаноўчы сход; в) распрацоўкі пытанняў, якія павінны будзе вырашыць Устаноўчы сход у згодзе з нацыянальнымі імкненнямі беларускага народу; г) эканамічнага і культурнага ўладкавання Беларусі»⁵.

Саюз беларускай дэмакратыі быў утвораны на агульным сходзе ў Гомелі 18 чэрвеня 1917 г. Лідэр арганізацыі — П. В. Каранкевіч. Мэтай саюза была абвешчана «поўная лучнасць Беларусі з астатняй Расіяй, з шырокім самакіраваннем на дэмакратычных пачатках», «захаванне цэласці тэрыторыі Беларусі з горадам Вільня як галоўным яе культурным цэнтрам»⁶. Наогул, саюз прытрымліваўся ідэалогіі «заходнерусізму», выступаў супраць прызнання нават нацыянальна-культурнай адметнасці беларусаў, супраць імкненняў да краёвай аўтаноміі.

Саюз беларускага народа ўзнік у маі 1917 г. у Віцебску на сходзе мясцовай інтэлігенцыі. На гэтым сходзе быў зацверджаны Часовы камітэт з 13 членаў, старшынёй быў абраны В. Палонскі.

11 мая, на наступным сходзе, была прынята праграма Саюза беларускага народа. У ёй сцвярджалася, што Беларусь «уяўляе сабой самастойную нацыянальную велічыню», таму «яна можа дасягнуць свайго росквіту толькі пры ўмове вылучэння яе ў самастойную адміністрацыйна-гаспадарчую адзінку, з пакіданнем ёй шырокага правінцыяльнага самакіравання». Для нацыянальных меншасцяў прадугледжвалася стварэнне культурна-нацыянальнай аўтаноміі. У той жа час падкрэслівалася, што Беларусь ёсць «толькі непадзельная частка адзінай Вялікай Расіі». Канчатковае ўладкаванне Беларускага краю павінна быць вызначыць Усерасійскі Устаноўчы сход⁷.

У ліпені 1917 г. Віцебскі саюз беларускага народа прадставіў Часоваму ўраду праект «Аб асновах самакіравання Беларусі». Паводле праекта самакіраванне павінна было будавацца на аснове існуючых гарадскіх дум і земстваў і абмяжоўвацца толькі пытаннямі гаспадарчага характару⁸.

Падобныя патрабаванні вылучаў таксама Аршанскі беларускі народны камітэт, які выступаў за адраджэнне беларускай нацыянальнасці і ўсебаковае развіццё Беларусі⁹.

Улічваючы папулярнасць у масах слова «беларус», магілёўская, гомельская, віцебская і аршанская арганізацыі ўключылі яго ў сваю назву. Але гэтыя аб'яд-

нанні не ставілі сваёй мэтай усур'ёз змагацца за карэнныя сацыяльныя і нацыянальныя патрабаванні беларускага народа. Яны выступалі супраць беларускай дзяржаўнасці, не заўсёды паслядоўна прызнавалі права на культурнае самавызначэнне беларусаў.

Больш дэмакратычных поглядаў на будучае дзяржаўнае ўладкаванне прытрымліваліся Беларуская хрысціянска-дэмакратычная злучнасць, Беларуская партыя народных сацыялістаў і асабліва Беларуская партыя аўтанамістаў.

Беларуская хрысціянска-дэмакратычная злучнасць узнікла ў 1917 г. у Петраградзе на грунце былой Хрысціянскай злучнасці¹⁰. Першая партыйная праграма была выпрацавана толькі ў 1920 г.

24—25 мая 1917 г. Злучнасць арганізавала ў Мінску з'езд ксяндзоў-беларусаў. У рэзалюцыі з'езда ўздымалася патрабаванне «шырокай аўтаноміі Беларусі ў Расійскай Федэратыўнай дэмакратычнай рэспубліцы»¹¹.

Пасля Лютаўскай рэвалюцыі завяршылася арганізацыйнае афармленне Беларускай партыі народных сацыялістаў. У кіраўніцтва партыі ўвайшлі Сушынскі, Лявіцкі, Плаўнік (З. Бядуля), Аляксук, генералы Кандратовіч і Багдановіч. Да БПНС прымкнула і група буйных памешчыкаў на чале з Раманам Скірмунтам.

Праграма БПНС, распрацаваная ў маі 1917 г., патрабавала нацыянальна-тэрытарыяльнай аўтаноміі для Беларусі «ў складзе Расійскай федэратыўна-дэмакратычнай рэспублікі з заканадаўчым органам — Беларускай Краёвай Радай», адраджэння беларускай культуры і «ўсебаковага развіцця беларускага нацыянальнага жыцця на фундаменце інтарэсаў працуючага народу», забеспячэння праў нацыянальных меншасцяў на тэрыторыі Беларусі¹².

Найбольш паслядоўна і абгрунтавана пытанні будучага дзяржаўнага ўладкавання Беларускага краю абмяркоўваліся ў праграмных дакументах аўтанамістаў. Арганізацыі Беларускай партыі аўтанамістаў узніклі вясной 1917 г. у Маскве, Петраградзе, Мінску і іншых гарадах.

У верасні 1917 г. газета «Вольная Беларусь» (орган Беларускага Нацыянальнага камітэта, пазней — Цэнтральнай Рады беларускіх арганізацый) надрукавала Праект платформы беларускіх аўтанамістаў, які з некаторымі дапаўненнямі быў зацверджаны партыйнай канферэнцыяй 7 верасня 1917 г.

Праект беларускіх аўтанамістаў змяшчаў наступныя патрабаванні: 1) Асновай дзяржаўнага ладу Расіі з'яўляецца дэмакратычная федэратыўная рэспубліка. 2) За беларусамі прызнаецца права на нацыянальнае, культурнае і палітычнае самавызначэнне ў межах шырокай краёвай аўтаноміі Беларусі з захаваннем адзінства і непадзелнасці яе з Расіяй і з забеспячэннем правоў нацыянальных меншасцяў краю. На чале мясцовага самакіравання павінна стаяць Рада, выбраная на грунце ўсеагульнага выбарчага права і прапарцыянальнага прадстаўніцтва нацыянальнасцей края. Вышэйшай выканаўчай уладай на Беларусі павінна стаць Генеральны сакратарыят, абраны Радай. 3) У агульнадзяржаўнай кампетэнцыі застаюцца знешняе прадстаўніцтва, ваенная арганізацыя, грошы, мытня, часткова фінансы, шляхі зносін, пошта і тэлеграф.

Для паспяховага ажыццяўлення гэтага праекту меркавалася стварыць мясцовыя камітэты, якія падпарадкоўваліся б Выканаўчаму Камітэту Цэнтральнай Рады беларускіх арганізацый¹³.

19 кастрычніка 1917 г. «Вольная Беларусь» змясціла папраўкі да Праекта платформы беларускіх аўтанамістаў. Гэта былі канкрэтныя прапановы па рэалізацыі праекта і патрабаванні да Часовага ўраду: 1) неадкладна абвясціць дэмакратычную рэспубліку на федэральных пачатках; 2) правесці ў жыццё асновы аўтаноміі Беларусі, 3) выдаць дэкрэт аб раўнапраўі моў. Прапанавалася стварыць пры Часовым урадзе Раду нацыянальнасцей з прадстаўніцтвам усіх нацый, якія насяляюць Расію.

Галоўным пунктам гэтых паправак было патрабаванне «выдання Часовым урадам акту аб аўтаноміі Беларусі ў межах Расійскай федэратыўнай дэмакратычнай рэспублікі з канчатковым далучэннем да аўтаномнай Беларусі ўсіх забраных зямель і гарадоў, ляжачых у межах этнаграфічнага рассялення беларускага народу»¹⁴.

Праграмныя палажэнні па нацыянальнаму пытанню аўтанамістаў істотна адрозніваліся ад адпаведных палажэнняў астатніх партый ліберальнай арыентацыі. Калі апошнія свядома абмяжоўвалі вырашэнне беларускага пытання ў лепшым выпадку культурным самавызначэннем беларусаў, то аўтанамісты вялі гутарку і аб самастойным палітычным жыцці. Акрамя таго, прадстаўнікі Беларускай партыі аўтанамістаў не толькі распрацоўвалі праекты, але і імкнуліся іх рэалізаваць.

Наогул, распрацаваны ва ўмовах пачатку XX ст. ліберальны варыянт рашэння нацыянальнага пытання прадугледжваў захаванне поліэтнічнай расійскай дзяржавы. Ён быў разлічаны на кампраміс і ўзаемаразуменне паміж рознымі нацыянальнасцямі. Але рамкі абласной гаспадарчай і культурнай аўтаноміі не задавальнялі нацыянальных рэгіёны, якія імкнуліся да дзяржаўнага самавызначэння.

Часовы ўрад рашуча выступіў супраць ідэі стварэння прыгнечанымі народамі Расіі нацыянальных дзяржаў. Так, дэлегацыю Беларускага Нацыянальнага камітэта, накіраваную ў Петраград у красавіку 1917 г., не прынялі ні старшыня

Часовага ўрада князь Львоў, ні міністр юстыцыі Керанскі. Керанскі праз чыноўніка па асобых даручэннях паведаміў, што «прыняць не можа, паколькі гэта азначала б прызнанне самастойнасці, роўнапраўя беларускага боку. Што датычыцца будучыні Беларусі, то гэта — функцыя Устаноўчага сходу»¹⁵. Такая пазіцыя Часовага ўрада дазваляла рэвалюцыйным партыям усяляць у народныя масы думку, што, прыйшоўшы ў Лютым 1917 г. да ўлады лібералы ў нацыянальным пытанні прытрымліваюцца вялікадзяржаўнай палітыкі.

Імкненне да стварэння ўласнай незалежнай дзяржавы з'яўляецца найвышэйшай ступенню нацыянальнай самасвядомасці любога народа. Партыі і арганізацыі ліберальнай арыентацыі, якія дзейнічалі на тэрыторыі Беларусі ў сакавіку — кастрычніку 1917 г., па сутнасці, выступалі супраць ідэі беларускай дзяржаўнасці. Таму невыпадкова, што іх праграмныя палажэнні па нацыянальнаму пытанню не атрымалі масавай падтрымкі і засталіся нерэалізаванымі.

¹ Милюков П. Н. Тактика фракции народной свободы во время войны. Пг., 1916. С. 5.

² Воля народа. 1917. 12 мая.

³ Вестник партии Народной Свободы. 1917. № 14—16. С. 18.

⁴ Думова Н. Г. Кончилось ваше время... М., 1990. С. 198—199.

⁵ Могилёвский вестник. 1917. 20 апр.

⁶ Коронкевич П. В. Белорусы. Гомель, 1917. С. 10.

⁷ Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 60, воп. 3, спр. 81, арк. 13.

⁸ Вольная Беларусь. 1917. 11 чэрв.

⁹ НАРБ. Ф. 60, воп. 3, спр. 81, арк. 55.

¹⁰ «Хрысціянская злучнасць» заснавана ў 1915 г. ў Заходняй Беларусі.

¹¹ Станкевич А. Да гісторыі палітычнага вызвалення. Вільня, 1935. С. 87.

¹² НАРБ. Ф. 62, воп. 1, спр. 194, арк. 11.

¹³ Вольная Беларусь. 1917. 17 верасня.

¹⁴ Там жа. 19 кастр.

¹⁵ Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. Мн., 1986. С. 233.

Э. М. ЗАГОРУЛЬСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЗАПАДНОЙ РУСИ СО СКАНДИНАВИЕЙ

В истории Белоруссии и Скандинавии было немало периодов, отмеченных тесными историческими связями. Исследованиями доказана сингадиальность и синхронность многих процессов, протекавших в славянских и скандинавских странах.

В свете последних археологических изысканий, варяги проникают на территорию Белоруссии (исключая ее южные районы) почти одновременно со славянами. Пик их активности приходится на начало IX в. Они вступали в контакты и взаимодействие с местным населением.

Русская летопись, освещающая события этого времени, хоть и в сильно искаженном виде (они были описаны значительно позже самих событий), рассказывает об известной зависимости от скандинавов кривского (по летописи, кривичского) населения Белоруссии и соседней Смоленщины, так же как и ряда других народов северных регионов Восточной Европы (чуди, мери). Сообщается, что недовольные варяжскими поборами корснине народы, объединившись, изгнали их за море. Отсюда следует, что до этого наряду удалось установить контроль над значительной территорией Восточной Европы, включающей и какую-то часть Белоруссии.

Последующая история, связанная уже с образованием Руси и постепенным распространением ее власти на обширные пространства Восточной Европы, не только не исключила эти контакты, но, наоборот, еще более укрепила их, придав им новое содержание.

Период начальной древнерусской государственности был тесно связан с варягами как опытными воинами, которые составляли заметную часть древнерусского воинства.

До сих пор не ясно происхождение одного из первых властителей древнейшего в Белоруссии города Полоцка. Русская летопись, рассказывая о призвании на Русь варягов, отмечает, что Рюрик начал строить и раздвигать своим мужам города «тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро»¹. Затем уже, спустя более 100 лет, в 980 г. летопись упоминает о Рогволоде, который будто пришел из-за моря и владел Полоцком. Личность Рогволода достаточно легендарна. Большинство исследователей склонно признавать в нем варяга. Другие считают, что он был выходцем из прибалтийских славян.

Остается также невыясненным, было ли в это время Полоцкое княжение независимым государственным образованием одного из варяжских конунгов или

оно составляло одну из земель киевской державы, а сам Рогволод был наместником киевского князя, быть может, и варягом по происхождению.

При западнорусских княжеских дворах, как и в других местах, очевидно, были профессиональные варяжские отряды, составлявшие часть русского войска. Есть основания предполагать участие варягов и в борьбе полоцкого князя Брячислава Изяславича с киевским Ярославом в 1021 г.

Основные связи между славянами и скандинавами установились и окрепли на почве общих торговых интересов. Через территорию Белоруссии проходил основной торговый путь «из варяг в греки», который, возможно, сложился еще до возникновения древнерусского государства. С появлением в Верхнем Поднепровье славян он приобрел общегосударственное значение. В пределах Белоруссии по нему на относительно небольшом протяжении располагалось немало древнерусских поселений городского или замкового типа: Орша, Одрск, Копысь, Рогачев, Вишин, Стрешин, Речица.

После того, как в X в. мадьяры отрезали Западную Европу от Византии, основным поставщиком византийских товаров на Запад и север Европы становится Киевская Русь. После разгрома турками-сельджуками арабских государств и появления на южных границах Руси кочевников-половцев связь Руси с Востоком и Византией затрудняется. Прекращается приток арабского серебра в виде дирхемов, и интерес варягов к этому пути затухает. Позже, в 1204 г., когда под ударами крестоносцев пала Византия, происходит переориентация русской торговли в направлении Западной Европы.

Одним из вариантов знаменитого торгового пути «из варяг в греки» была Западная Двина, и ее значение все более усиливалось по мере сокращения торговых связей со странами Востока. По Западной Двине можно было проникнуть и в северные русские земли. В этом были заинтересованы не только полоцкие, но и смоленские князья, через территорию которых проходил еще более древний путь и волоки на русский север — в Новгородскую землю.

Политика полоцких князей в значительной степени определялась стремлением не только владеть и подчинять себе великий торговый путь, но и обеспечивать его безопасное функционирование. Они смогли (скорее всего, во времена Всеслава Брячиславича — вторая половина XI в.) установить полный политический контроль над бассейном Западной Двины вплоть до ее устья, обеспечив таким образом своим и другим русским купцам наиболее удобный выход в Балтийское море.

В исторической литературе бытует мнение, что полоцкие князья уделяли внимание и техническому обеспечению безопасности судоходства по Западной Двине, организовывали очистку ее русла от подводных камней, особенно очень крупных валунов. Подтверждением этой версии считают наличие больших валунов с высеченным на них крестом и надписями с именем полоцкого князя Бориса (начало XII в.). В начале XX в. их было известно свыше десяти и большинство из них находилось в русле Западной Двины. К сожалению, все они к настоящему времени утрачены. До наших дней сохранился только один такой крупный подписанный камень в Полоцке.

Одним из самых замечательных исторических документов начала XIII в. является «Договор Смоленска с Ригой и Готским берегом» (1229). С русской стороны договор был подписан смоленским князем от имени также полоцкого и витебского князей. Есть мнение, что договор был составлен по образцу заключенных еще раньше подобных договоров Полоцка с Ливонским Орденом. В его основу были положены многие нормы Пространной Русской Правды, действовавшей на территории всех древнерусских земель. В договоре подробно рассмотрены различные виды казусов, которые могли возникнуть с иноземными или отечественными купцами, или связанными с ними людьми при осуществлении торговых операций: об убийствах, увечьях, оскорблениях купцов, моральных преступлениях, долговых обязательствах и гарантиях и т. д. Договор свидетельствует о высокой и хорошо разработанной правовой культуре того времени, прочных, надежных и традиционных связях Западной Руси со своими балтийскими соседями.

Богатые русские города привлекали к себе купцов. Скандинавы складывали о них саги, а саму Русь называли Гардарикой (страной городов). Русские купцы плавали по Балтийскому морю и имели свой постоянный двор на острове Готланде.

Из Средней Азии и Ирана шли серебряные изделия и серебро. Южные области Руси влились в торговые связи Хазарии с арабским миром. Русские дружинники IX—X вв., как и варяги, были одновременно и купцами. Арабский писатель Ибн-Хордадбек в «Книге путей и государств» рассказывает о торговле купцов из Руси мечами западноевропейского производства. Вполне вероятно, что здесь речь идет о варягах, которых арабские источники называли собирательным именем — русы.

Западных купцов Русь привлекала своей пушниной. Еще Святослав, один из первых русских князей, перечислял основные товары, которые шли из Руси за

границу: мех, воск, мед и челядь (рабы). Среди мехов, поступавших на Восток из Руси, арабский автор X в. Аль-Мукадаси называет бобра, лисицу, зайца, широко распространенных в Белоруссии.

О ценности пушнины на Руси можно судить по тому факту, что княжеская дань исчислялась в пушнине. Эквивалентом пушнины служила серебряная монета. Некоторое представление об оживленной торговле на проходивших через Белоруссию торговых путях сегодня могут датьклады восточных монет. Некоторые из них содержат до десятка тысяч монет и весят несколько килограммов. Так, клад, найденный у дер. Казьянки в Полоцком районе, содержал 7588 куваческих дирхемов Арабского халифата общим весом около 20 кг. Зарыт он был в сороковых годах X в.² С торговлей связаны находки миниатюрных весов и гирек для взвешивания серебра.

Б. А. Рыбаков включает в русский экспорт уже раннего периода (IX—X вв.) также серебряные изделия, кольчуги. О торговле рабами говорится не только в русских, но и в арабских и византийских источниках. В XII—XIII вв., судя по пошлине, за рабыню платили в 2,5 раза больше, чем за мужчину-раба.

С быстрым развитием русских городов и городского ремесла торговля постепенно утрачивает свой транзитный характер, и предметами вывоза становятся ремесленные изделия. Так, среди привозных тканей в Италии источники называют «русскую ткань». Очевидно, льняную. Культура льна известна в Белоруссии с неолитических времен. Льняные ткани, собиравшиеся в качестве дани (пошлины?), названы в Уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича (1136 г.), владения которого распространялись и на восточную часть современной Белоруссии с ее поднепровскими городами.

Потребителями русского экспорта на Балтике были прежде всего прибалтийские славяне, а также население Скандинавии и Нижней Германии. Так, в договоре 1229 г. упомянуты серебряные сосуды, которые покупались у русских «немцами» (этим термином на Руси нередко называли всех иностранцев). Русские эмалированные изделия и глиняные игрушки с поливой попадали в Швецию³.

Ранний период русской истории отмечен наличием варяжских памятников и на территории Белоруссии. В ближайшем соседстве с Белоруссией, на Смоленщине, находится знаменитый гнездовский курганный могильник с варяжскими захоронениями. В разных местах Белоруссии известны отдельные варяжские находки.

Важной статьей импорта были мечи, нередко встречающиеся в курганах IX—XI вв. Наиболее известны древние мечи с клеймом «ULFBERT», которые изготовлялись в Нижней Германии или во Фландрии. В Полоцке при земляных работах на месте разрушенного курганного могильника был найден меч X в., целый, с надписью «ULFBERT». Этим же веком можно датировать и другой меч, найденный в Гродно. На нем сохранился подковообразный знак-клеймо, судя по которому он завезен из Скандинавии. В кургане около Брагина найден меч с инкрустированным бронзовой проволокой знаком в виде цифры «8». В Гродненском парке во время земляных работ в захоронении воина нашли два меча. В Слониме найден типичный варяжский шлем. В Браславе в слоях XI в. найдена варяжская фибула. В курганном могильнике XI в. (Избище) среди 9 подвесок одна оказалась скандинавской серебряной в стиле «Борре», с изображением хищного зверя⁴.

Свыше 100 костей с надписями и рисунками найдены на городище Масковичи в Браславском районе. Надписи состоят из отдельных букв и лигатур. Некоторые представляют скандинавские рунические письмены. На одной кости изображена парусная ладья с людьми. В этих же раскопках выявлено и две фибулы скандинавского типа⁵.

В курганном могильнике XI в. (Лудчицы, Быховский район) в женском захоронении с труположением найдена бронзовая литая фигурка — изображение варяга с мечом⁶.

Серия интересных варяжских предметов недавно найдена в Припятском Полесье (вилка, наконечник ножен меча, подвеска)⁷. По Припяти, очевидно, проходил самый короткий путь в Скандинавию и на остров Готланд.

Как видно, археологические свидетельства пребывания варягов на территории Белоруссии пока не столь уж обильны. В основном они представлены отдельными находками, которые могут объясняться прежде всего торговыми связями варягов с этим регионом. Характерных варяжских поселений, так же как и исключительно им принадлежавших могильников, здесь пока не выявлено. Возможно, это объясняется и недостаточной изученностью данного исторического периода. Несомненно, последующие археологические исследования дадут новые материалы такого рода.

Мне приходилось раскапывать несколько городов на днепровском пути «из варяг в греки», но ни один из них своим происхождением не связан с жизнью и деятельностью варягов. Большинство из них возникали относительно поздно — в XI—нач. XII в., когда этот путь уже в значительной мере утратил свое международное значение, а варяжские дружины сошли с исторической сцены.

Если правы исследователи, которые считают, что первые поселения варягов в Восточной Европе были представлены открытыми поселками как переходной формой к городу (Гнездово, Рюриково городище)⁸, то подобные памятники в Белоруссии практически не изучены.

¹ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. I. С. 215.

² Рябцевич В. Н. Козьянковский клад // Археологические открытия 1973 г. М., 1974.

³ Рыбаков В. А. Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. I. С. 321.

⁴ Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энциклапедыя. Мн., 1993. С. 424, 425, 96, 282.

⁵ Дучиц Л. У. Браслаўскае Паазер'е. Мн., 1991; Вараг ў Беларусі. Полацак, (США), 1993. Т. 8 С. 9; Надписи и знаки на костях с городища Масковичи Северо-Западной Белоруссии // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981. С. 185.

⁶ Археалогія і нумізматыка Беларусі. С. 374.

⁷ См.: Иоу А. В., Вяргей В. С. Гандлёва-эканамічныя сувязі насельніцтва Заходняга Палесся ў IX — пач. XI ст.: Гістарычна-археалагічны зборнік. Ч. I. Мн., 1993. С. 117.

⁸ Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. М., 1980. С. 160.

Е. Н. СУРТА

ГАЛЛО-ФРАНКСКАЯ ЦЕРКОВЬ И РИМСКИЕ ЕПИСКОПЫ

(конец V—VII вв.)

После крушения Западной Римской империи в 476 г. территория Галлии была поделена между тремя германскими народами: вестготами, занявшими юго-западную и южную части этой бывшей римской территории; бургундами, расположившимися в юго-восточной и восточной Галлии, и франками, все активнее в конце V в. расширявшими сферу своего влияния на севере и северо-востоке страны. Вестготы и бургунды еще до падения империи исповедовали христианство в его арианском варианте, как практически все германские варварские народы, за исключением только франков, вождь которых Хлодвиг принял крещение со своей дружиной лишь в 496 г. До этого франки оставались язычниками. Принятие католицизма обеспечило франкам не только мощную поддержку со стороны ортодоксальной галльской церкви, но и римской кафедры, обладавшей особенно значительным авторитетом на территории южной Галлии. Галльские епископы обращались к папам как к высшим арбитрам в церковно-административных спорах¹.

Религиозный аспект сыграл, очевидно, не последнюю роль в успехах завоевательной политики франков, которые уже к середине VI в. овладели практически всей территорией Галлии, оказав тем самым серьезную поддержку католической церкви в ее борьбе с арианскими церквями вестготов и бургундов. Такой ход событий устраивал и пап, несмотря на то, что римским предстателям не удалось ни юридически, ни фактически подчинить себе галло-франкскую церковь, которая была второй после римской крупнейшей католической церковью на Западе. Будучи естественной опорой и союзницей папства, она вместе с тем была и привлекательной целью для его властных амбиций. Именно этим прежде всего объясняется тот факт, что галльские епископы первыми в истории западной церкви стали получать от римских предстателей паллий (особая белая шерстяная лента с шестью нашитыми крестами) — знак митрополичьего достоинства, олицетворявший зависимость местной церкви от папской власти. В 513 г. папа Симмах дал первый паллий арльскому митрополиту Цезарию, а в 514 г. поручил последнему следить за религиозными спорами в Галлии и Испании, разбирать их на соборах, а в спорных случаях испрашивать окончательного решения у папы².

Награждение паллием римские предстатели использовали для привлечения на свою сторону духовенства франкской церкви, хотя этот знак не давал каких-либо важных преимуществ паллиеносцу. Если им был простой епископ, то он не освобождался от подчинения митрополиту. Награжденный епископ становился только первым среди других епископов и должен был подписывать решения соборов сразу после митрополита³. Но и этой небольшой привилегией отмеченные знаком паллия епископы не пользовались на франкских национальных соборах.

Кроме паллиев, папы наделяли франкских епископов правами викариев, т. е. предоставляли им статус постоянных представителей и блюстителей интересов римской кафедры на местах. Первая попытка учреждения в Галлии викариата была предпринята еще в V в. папой Зосимом, наделившим епископа Патрокла Арльского различными привилегиями и фактически рассматривавшим последнего в качестве собственного легата⁴. Но опасения преемников Зосима, что Арль может стать конкурирующим с Римом патриархатом, привели к ликвидации этих привилегий. Однако в течение VI в. было еще четыре случая наделения правами папских викариев арльских епископов. Так, папа Вигилий (537—555) предостав-

лял такие права епископам Авксанию и Аврелиану, Пелагий I (556—561) — Сапауду Арльскому и Григорий I — епископу Виргилию⁵. О всех важных событиях, происходивших в южногалльской церкви, местные епископы были обязаны сообщать римскому предстоятелю, который выступал в качестве высшей судебной и апелляционной инстанции для галло-франкских епископов и мог даже отменять решения соборов и своих предшественников⁶.

Однако подобная ситуация в южногалльской церкви сохранялась только до середины VI в., т. е. до тех пор, пока там окончательно не закрепились франки, создавшие одно из самых сильных государств в Европе. Правители молодого сильного государства теперь считали недопустимым вмешательство римских епископов во внутренние дела галло-франкской католической церкви, ибо эта церковь уже обладала значительными земельными богатствами и не испытывала более потребности в поддержке Римо ее борьбы с арианскими церквями покоренных франками вестготов и бургундов.

De jure римские папы находились под покровительством императоров Восточной империи. Поэтому в трех из шести известных случаях награждения паллиями епископов франкской церкви в период Меровингов римские предстоятели прежде всего испрашивали (пусть и формально) согласия на это у восточного императора⁷. Византийский патриарх, вероятно, считал раздачу паллиев иностранным епископам своим единоличным правом, опасаясь, что папы самостоятельно распоряжаясь этой привилегией, будут насаждать антивизантийские настроения.

Однако всякие попытки со стороны Константинополя через своих ставленников на римской кафедре навязать Западу цезарепапизм вызывали резкий протест во Франкском государстве. Так, король франков Хильдеберт I (511—558) потребовал от Пелагия I разъяснений о христианской религии, заподозрив римского предстоятеля в отступлении от ортодоксальной веры⁸. Тем не менее франкские короли, питавшие уважение и почтение к древнеримской цивилизации, воспринимали и римского епископа как одного из представителей этой цивилизации и преемника апостола Павла. Именно в рамках такого представления и формировались отношения между галло-франкской церковью и римской кафедрой в VI в. Об авторитете Рима свидетельствуют франкские соборы, которые зачастую ссылались на декреты римских епископов, как на соборные каноны. Свидетельства этому содержатся, например, в третьем каноне III Орлеанского собора 535 г., в первом каноне IV Орлеанского собора 541 г., двадцатом каноне II Турского собора 567 г. и других⁹.

Римские предстоятели нередко давали франкским епископам и королям советы, напоминали о соблюдении церковных норм, не выражая при этом откровенных претензий на юридическую и законодательную власть во франкской церкви. Характерна в этом смысле деятельность папы Григория Великого, ведущего обширную переписку как с франкскими епископами, так и с их королями.

Наделение арльских митрополитов правами викариев предполагало, по мнению римских предстоятелей, и право их первенства среди остальных галльских епископов¹⁰. Однако, как свидетельствуют факты, многие из тех привилегий, которые предоставлялись папским викариям de jure, на практике во Франкском государстве не признавались и не соблюдались. Так, арльские митрополиты не пользовались правами созыва и председательствования на национальных соборах. Федерально-коллегияльный принцип организации галло-франкской церкви препятствовал реализации многих единоличных викариатских полномочий, в частности таких, как разрешение спорных вопросов между епископами (по решению соборов спорные дела епископов рассматривались либо соборами, либо митрополитами), как выдача *littera formata* галльским епископам, отправлявшимся в Рим, и т. п. И даже обязанность викария сообщать папе о всех важных церковных делах и руководствоваться папскими советами и наставлениями в церковном управлении нельзя назвать его особенной обязанностью, так как и другие галло-франкские епископы обращались по аналогичным вопросам к папе, который общался с ними без посредничества викария.

Римские предстоятели, покровительствуя своим ставленникам во Франкском государстве, стремились освободить викариев от подчинения дисциплинарной власти провинциального собора. Так, когда король Хильдеберт приказал Сапауду Арльскому (по жалобе подчиненного ему епископа) предстать перед судом провинциального собора, то папа Пелагий I указал королю на нарушение церковных норм и настойчиво просил не допускать подобных случаев в будущем¹¹. Нам не известно, обратил ли франкский король внимание на подобное папское притязание, но зато достаточно определенно можно сказать, что ни сама церковь, ни светская франкская власть не особенно стремились соблюдать привилегии папского викария, если они не соответствовали местным интересам.

Таким образом, во Франкском государстве многие привилегии и преимущества, которыми викарий наделялся Римом, имели во многом формальный характер. Франкская церковь так же, как и короли, не была склонна признавать за папским представителем эти права. Не имели успеха и обращения и наставления римских предстоятелей к меровингским королям содействовать признанию пап-

ского викария всей франкской церковью и устранить препятствия в исполнении его обязанностей. Слабость авторитета викария свидетельствовала также и об относительной слабости влияния папства во франкской церкви в VI в. и об одновременно усиливавшемся влиянии королевской власти. По мнению Ж. Ле Гоффа, «став христианскими, варварские короли пытались вернуть себе ту власть царя-жреца, которой обладали франкские языческие вожди»¹².

Вообще, супрематические папистские амбиции Рима на Западе в VI в., как и в целом в меровингский период, объективно не могли быть реализованы не только из-за федерально-коллективной организации франкской церкви и отсутствия в ней единого церковного центра, но и из-за непрерывных территориально-политических перетасовок и разделов Франкского государства между потомками Хлодвига, а также определенной зависимости франкского епископата от меровингских королей, земельные пожалования которых были одним из основных источников обогащения церкви.

После смерти папы Григория Великого общение римских предстоятелей в VII в. как с франкскими епископами, так и с их королями становится нерегулярным, ибо ослабленный междоусобными войнами и шедший к собственному краху меровингский правящий дом не мог представлять для Рима надежного союзника в решении проблем, волновавших пап. Викариатские полномочия арльских епископов также ликвидируются. После Виргилия, которого еще Григорий I назначил своим викарием, ни один из преемников арльского архиепископа не получил титула папского представителя. По мнению Ю. Келлера, отказу римских предстоятелей от своего викариата в Арле способствовало и то обстоятельство, что арльская митрополия в этот период оказалась на периферии государства и утратила прежнее значение¹³. Постоянные войны и неурядицы в государстве франков VII в. не позволяли епископам полностью посвящать себя церковным делам, и роль клира фактически свелась к охране церковного имущества от расхищения. Кроме того, церковь, уже достаточно интегрированная к тому времени в структуру меровингского государства, находилась в состоянии такого же кризиса, как и гибнущая королевская династия. В этих условиях прочные контакты франкских епископов с римскими предстоятелями были крайне проблематичны.

¹ Symmachus papa. Epist. III; IV; VIII.

² См.: Vita S. Caesarii, IV, 30; Symmachus papa. Epist. IX.

³ Gregorii I papa. Lib. IX; Epist. C VII.

⁴ См.: Zosimi papa. Epist. I.

⁵ См.: Vigilius papa. Epist. VII; IX; X; XI. Pelagius I papa. Epist. XI; XII; Gregorii I papa. Lib. V, Epist. LIII; LIV.

⁶ См.: Ioannes II papa. Epist. IV; V; Agapetus I papa. Epist. VII.

⁷ См.: Vigilius papa. Epist. VI, X; Gregorii I papa. Lib. IX. Epist. XI.

⁸ См.: Лозинский С. Г. История папства. М., 1986. С. 39.

⁹ См.: Хронологическая таблица соборов и церковного законодательства в Галлии с IV по X век // Гизо Ф. История цивилизации во Франции. Т. III—IV. М., 1881. С. 171—172; 177—179; 185.

¹⁰ См.: Pelagius I papa. Epist. XI; XII. Gregorii I papa. Lib. V. Epist. LIV.

¹¹ См.: Pelagius I papa. Epist. XIII.

¹² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 252.

¹³ См.: Keller J. // *Katolicyzm starozytny jako forma rozwoju pierwotnego chrześcijaństwa*. Warszawa, 1969. S.308.

Д. Ю. КОРОЛЬ

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЭТИКИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ФОРМ РАННЕГО НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА

Внимание исследователей немецкого романтизма все больше привлекают те аспекты поэтического, философского, этического и жизненно-бытового опыта романтиков, которые, оставаясь невыраженными рефлексивно и систематично, ускользают от традиционных методов интерпретации и требуют иного аналитического режима понимания — реконструкции. Как таковые, эти значимые моменты романтического опыта рассеяны по различным знаковым и жизненным контекстам. Сама интенция рассеяния, конечно, не случайна, так как соответствует центральной формуле романтической поэтики становления — поэтической стратегии открытых эстетических форм. В этом смысле заметно стремление современных исследователей обновить и расширить контекстуальную базу реконструирующего анализа, фундированную в классических подходах единством идеального когито и гносеологическим приоритетом картезианского образа субъективности¹. Поиску интегрирующего контекста посвящена и эта работа, причем автор уделяет главное внимание концептуализации (там, где это допускается логикой поиска) смысла поэтики становления в двух, не исчерпывающих, естественно, содержание этой поэтики, экзистенциальных формах «мелодического» и «речевого», различие между которыми восходит к древнегреческому парадигмальному противопоставлению «мелоса» и «логоса».

Обновляя канонический репертуар речевого поведения, романтизм стремился если не создать, то обозначить контуры единой поэтики как поэтики «органических форм» в контексте более общей задачи «поэтизации бытия». («Обедненный эпохой Просвещения мир» испытывает гносеологическое превращение: «Новое, реальное единство и целостность мира из факта отвлеченного сознания, теоретических построений и редких книг стали фактом конкретного (обычного) сознания и практической ориентации, фактом обычных книг и каждодневных размышлений, связались с устоявшимися зрительными образами, стали наглядно-зримым единством; для того, что не обладало непосредственно зримостью, могли быть найдены зрительные эквиваленты»²). Для выполнения этой задачи, согласно романтической установке, необходимо найти такие поэтико-жизненные формы, в которых осуществлялись бы моменты максимальной близости искусства и жизни. «Беседа» (в более широком смысле — «устная литература») становится в романтизме одной из таких форм. Устная речевая форма поэтической коммуникации предполагает ситуацию «взаимопонимания», по логике которой смысл не может быть окончательно зафиксирован в языковой структуре дискурса, пытающегося его отобразить и передать, потому что сам смысл всегда возникает в таком виртуальном пространстве, которое самостоятельно язык как система создать не в состоянии. В этом смысле «взаимопонимание» следует определить как противобъективацию тех, кто вошел в сферу речи, действительную настолько, насколько «понимание» обуславливается и сопровождается аффектом, освобождающим форму сообщаемого от непосредственного языкового воплощения, одновременно лишая участников коммуникации традиционных грамматологических гарантий понимания и принуждая их постоянно соотносить себя с процессом аффективного отклонения и рассеивания выражения. В романтизме есть собственный термин для обозначения того, что здесь названо противобъективацией, — это «развоплощение», помогающее появиться в речевой практике «мистической речи, мистической по тону и образам»³, которая больше не нуждается в референциальной сводимости языка и реальности, той зрительно-аподиктической проекции,

из которой герой поэтического опыта был вынужден вначале исходить. Это в свою очередь порождает особую топологию чувств романтической субъективности, в которой привилегированным объявляется «чувство парения между небом и землей, чувство романтического героя, застывшего между «Все» (Alles) и «Ничто» (Nichts)»⁴. Как символический оператор «между» действует в любом эстетическом акте опространствливания, придавая романтическому опыту поэтического познания мира топологическое единство.

Театр экзистенциальных форм романтизма выявляется в противостоянии визуально-языковому характеру эстетики Просвещения. С этим обстоятельством связана символическая образность «разрывов» в затвердевшей визуально-языковой ткани: «Все видимое нависает вокруг нас подобно коврам с мерцающими красками и фигурными изображениями. За коврами находится область, населенная снами и бредом, никто не смеет приподнять ковры и заглянуть за кулисы», — пишет Людвиг Тик в романе «Вильям Ловелль»; «Авторы романов, чтобы найти живой материал для них, ищут, нет ли в этом мире «отверстия» (irgend eine Öffnung)» (Ф. Шлегель). Когда Эмерсон утверждает: «ось зрения не совпадает с осью вещей», то он, на наш взгляд, указывает, что в феноменологическом разломе «осей» необходимо располагается определенная речевая практика, конституирующая со-бытийность человека и вещи. «То, что мы видим, не есть то, что мы видим, а то, что мы превращаем в видение посредством определенных языковых форм»⁵. Романтическая ирония помогает осознать визуализированный тип со-бытия как локальный и для романтизма в принципе вторичный по отношению к тому, на чем романтический герой экзистенциально сфокусирован и что он ищет в символе «разрыва», «несовпадения», «отверстия».

Что значит отделить вещь от зрения на основе программного тезиса — «романтический порядок задается мелодической акцентуацией, а не логической» (Новалис)? Взаимопроникновение «мелоса» и «логоса» позволяет Новалису в романе «Генрих фон Офтердинген», как отмечают исследователи, сделать мир «главким» и «ковким», пластичным и открытым, ибо «говорить» здесь означает «превращать предмет в эфирное тело, одухотворять его, делать легче воздуха»⁶. Но что за способность лежит в основе такого превращения? Какой психо-телесный опыт делает это превращение вообще возможным? Стремление ответить на эти вопросы побуждает реконструировать феноменологическую матрицу романтического опыта. Не находится ли в основе этого опыта такая экзистенциальная прото-форма романтического героя, которая отменяет прежнюю психотелесную геометрию поэтической идентичности (например, символическую ось «глаз—сердце»)? Геометризм «глаза» смеяется у романтиков амегизмом «уха». Ведь ухо — это такой символический орган, который способен, по мнению романтиков, заставить чувственную телесность испытать удивительное превращение: никакой отдельный орган вследствие этого превращения больше не обладает прерогативой репрезентировать «внутреннее», порождать, задерживать и овладевать чувством «Я». Теперь чувство до всякой органо-образной символизации создает все «тело» переживания события и тем самым разрушает органоподобную структурированность «Я-тела». Необходимо пояснить, что «ухо» здесь следует понимать не как физический орган, а как экзистенциальное «место органа», открывающееся только в особом топологическом измерении субъективности. Не находящееся «снаружи», поскольку ему не соответствует проекция «во-внутри», как «место органа» ухо ничего не воспринимает и не передает, но превращает, в силу своей топологической неопределенности, все тело в экзистирующий контур события, переводя всю прежде «внутреннюю» и «внешнюю» символическую органику в режим поверхности тела. В этом смысле показательна топологическая размытость для говорящего собственного голоса: то, что по объективной геометрии тела распространяется изнутри, в направлении внешнего, самим говорящим воспринимается в двойном режиме внутреннего и внешнего одновременно, образуя «место органа», где встречаются силы имманентного и трансцендентного, создавая фонологичный порог зарождения «Я-чувства». Следовательно, самовосприятие проходит в условиях, когда голос и слух теряют временную и идеально-пространственную дистанцию по отношению друг к другу; задавая подвижную психотелесную границу «Я», голос «течет» по поверхности тела, вызывает «тотальный резонанс всего существа»⁸ и не дает возникнуть дифференцирующему телесно-символический образ «Я» классическому визуальному геометризму. Исчезает важнейшее измерение экзистенциального существования тела — оно теряет «глубину». Поскольку фонологическая стратегия разрушает перспективу «внутреннего» и «внешнего» и соответствующую этой перспективе символическую иерархию органов, постольку становится невозможной налаженная по правилам этой иерархизации циркуляция чувственно-поэтических энергий. Отменяя глубинную перспективизацию феноменального образа «Я», топологическая стратегия поверхности, мембраны, волны, ткани, занавеси или покрова, всего, что способно стать топологическим препятствием для познавательной экспансии рационализованного зрения, оказывается необходимо связанной с романтической «политикой» фоноцентризма.

Но если тело создается пробеганием чувства, то что такое чувство? Предварительно можно предположить, что чувство — это форма интенсивности отношений внешнего и внутреннего. Чувство, по сути, не принадлежит ни тому, кто его испытывает, ни тому, кто его вызывает, вследствие чего оно способно овладевать всем, не зная, именем кого оно становится, ибо оно и есть имя самого становления, для которого персонологический код «Я» выступает лишь фрагментом и осколком процесса становления. В связи с этим нельзя не затронуть «нерва» любой топологической стратегии анализа — проблемы «расстояния» или «дистанции». Мелодическая дистанция романтиков прежде всего предполагает, что звук — это трансцендентальная плоть того расстояния, которое в оптической стратегии признается пустотным. Поэтому мелодическая дистанция непреодолима в опыте оптического регулирования экзистенциальным движением. Каково же это «расстояние» — не геометрическое, которое всегда относится к чему-то, определяется бесконечной серией соотносимостей, но «расстояние» как дистанция к истине и ее экзистенциальным двойникам: «женщине», «Я», «смерти», как одно и то же «расстояние»? «Расстояние», которое не проходит, вынуждает отказаться от геометризованного понимания его происхождения, ибо это «расстояние» ничего не разделяет и не соединяет, осуществляясь тем не менее как сила, побуждающая включенного в это «расстояние» становиться другим, иным по отношению к себе. Быть не тем, кто ты есть, но, продвигаясь в экзистенциальном промежутке между самой собой и собой-для-других, находиться в процессе становления в тех виртуальных пространствах, которые этот процесс становления создает и которые недоступны «человеческому глазу», закрыты для «разглядывания», «прослушивания», поскольку само становление проходит по границе «внешнего» и «внутреннего», тем самым нейтрализуя их отношение к себе. Описания эпизодов становления «другим-к-себе» часто встречаются в произведениях романтиков. Выберем для анализа один из самых характерных: Клеменс Brentano проводит самонаблюдение в эссе «Чувства, испытываемые перед морским пейзажем Фридриха». Морской пейзаж — это знаменитая картина К. Д. Фридриха «Монах на берегу моря». На картине изображена фигура монаха-капуцина, одиноко стоящего на берегу моря, спиной к зрителю, что создает единый ракурс восприятия, в котором точки зрения монаха, художника и зрителя концентрически помещены друг в друга. Эта конструкция созерцания используется Brentano для того, чтобы достичь определенной интенсивности переживания эстетического события. Его намерение осуществляется, когда он как зритель теряет конечность «своей» точки зрения (что возможно, если он отказывается от нее как от «своей»), поскольку она, эта точка, уже не завершает конечной серии визуальных эстетических пространств. Ее привилегированность исчезает в фонологической трансформации начального переживания Brentano: «...по настоящему это пережить», значит, «чтобы чудилось — нет вокруг жизни, и чтобы все равно слышались тебе ее голоса» (Вообще экзистенциальный статус слуховой галлюцинации в романтизме очень высок⁹. Галлюцинация как звук, данный в его становлении, балансирует между «живым» и «мертвым», образует музыкальное пространство перехода, в котором галлюцинирующий зависает, парит, освобождаясь от необходимости отождествлять себя с тем или иным состоянием.)

«Все это пережить перед картиной невозможно, — разъясняет Brentano, — а потому все, что следовало бы обрести в самой картине, я нашел лишь в пространстве между самим собой и картиной»¹⁰. Пространство предстояния зрителя картине, подчиняющее восприятие законам оптической перспективы и дистанции, преодолевается ради пространства «между» зрителем и картиной, открытым вследствие его нейтральности и промежуточности, экзистенциальным переходам-превращениям того, кто начинал эстетическое созерцание, подчиняясь правилам оптической дистанции: «...И так я превратился в капуцина, картина превратилась в песок прибрежных дюн, моря же, в которое я всматривался с такой тоской, не стало вовсе»¹¹. Показательно, что описываемая Brentano серия виртуальных трансформаций ведет, в сущности, к исчезновению картины в ее аутентичном живописном варианте и возникновению на ее экзистенциальном «месте» романтической версии эстетического события картины, проявившейся только потому, что классический «глаз созерцания» был подвергнут самоослеплению одновременно с изменением его символической функции: теперь он обретает способность «слышать» и «осознать».

Это приближает нас к пониманию того, что, переживаемое как «расстояние» в идеологической метрике пространства, в романтической поэтике мыслится как граница. Здесь, совершая топологический скачок от Логоса к Мелосу (на основе перцептивного перехода от Глаза к Уху), романтический герой совершает трансгрессивный ход становления. В фоноцентричном модусе романтиков «расстояние» оказывается «границей», в своем становлении топологически перпендикулярной тому фронту экзистенциального движения, который стремится воссоздать субъективность, опирающуюся на опыт оптического дистанцирования и последующую его генерализацию.

Становящаяся граница романтического экзистенциального движения топологически соединяет те места существования, где «мелос» и «логос» составляют до-дифференцированное смысловое единство. «Речевое» и «мелодическое» как конгломерат поэтических сил вводят телесные структуры в те смысловые области, которые в предшествующей философско-эстетической традиции объявлялись привилегированными в силу их способности трансцендировать любое содержание эмпирической реальности к идеальным единствам выражения этого содержания в искусстве, науке, философии (что само по себе являлось гарантией реалистичности этого содержания). Романтическая стратегия в свою очередь придает экзистенциальную ценность тому, что условно можно назвать «метафизическим интервалом» в бытии, нередуцируемым анти-событием, находящим в романтизме способ стать самостоятельной фигурой поэтического творчества.

¹ Современные зарубежные исследования по романтизму. М., 1976.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1988. С. 238.

³ Эстетика немецких романтиков. М., 1987. С. 44–45.

⁴ Современные зарубежные исследования по романтизму. С. 89.

⁵ Подорога В. А. Метафизика ландшафта. М., 1993. С. 59.

⁶ Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 189.

⁷ См.: Махов А. // Апокриф. Б. Г. № 1. С. 36.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ См.: Эстетика немецких романтиков. С. 51, 574; Бонавентура. Ночные бдения. М., 1990. С. 10.

¹⁰ Эстетика немецких романтиков. С. 364.

¹¹ Там же. С. 364.

А. И. БОБКО

О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ СОВПАДЕНИЯ ЛОГИКИ И МЕТАФИЗИКИ У ГЕГЕЛЯ

Идейные искания человечества обрели в творчестве Гегеля целый ряд надежных, солидных мировоззренческих и методологических ориентиров. Один из самых важных среди них — гегелевская концепция философского знания как высшего типа духовности. Истоки духовной высоты философии мыслитель открыл в ее способности к постижению фундаментальных противоположностей — мышления и бытия, всеобщего и особенного, субъекта и объекта — в их глубоком, неразрывном единстве. Здесь заключена, по убеждению Гегеля, сокровеннейшая природа философского знания, отсюда проистекает его всесторонний, конкретный и целостный характер. Ключ к ответу мыслителя на вопрос, что есть философия, лежит, таким образом, в теоретическом освоении его диалектоспекулятивной методологии, в раскрытии глубокого смысла его трактовки абсолютного тождества противоположных начал. Потеряв эту путеводную нить, верно истолковать великие идеи ученого невозможно, о чем убедительно свидетельствует пример одного из интереснейших моментов его концепции философского знания — положения о совпадении логики и метафизики.

Становление творчества Гегеля происходило в переломное, революционное время, в ту удивительную эпоху, когда с колоссальной мощью проявился страстный порыв человечества к новому, свободному миру и оно решительно отвергло обветшавшие формы общественной жизни. Глубокое сознание неудовлетворительности прежних типов философствования, вскрытие присущих им и неразрешимых в их составе фундаментальных противоречий явило собой одно из ярчайших духовных знамений глубокого социального кризиса и одновременно одну из существеннейших предпосылок его разрешения. Вместе с тем оно положило начало чрезвычайно интенсивному философскому движению, которое можно смело назвать великой духовной революцией, создавшей мировоззренческие и методологические основы нового, освобожденного от средневековых пут общества. Среди выдающихся результатов этого процесса — снятие традиционного, обретшего силу предрассудка противопоставления метафизики и логики, видение философии как науки логико-метафизической по своему существу, нашедшее наиболее последовательное и глубокое выражение в творчестве Гегеля.

В своей трактовке совпадения метафизики и логики на уровне спекулятивного философствования Гегель опирался на глубокое постижение сокровеннейшей природы обоих типов знания, на всесторонне взвешенную и продуманную оценку их состояния в современную ему эпоху. То, что оценка носила прежде всего отрицательный, критический характер, общеизвестно. Однако от пристального взгляда великого философа не смогли укрыться и положительные стороны каждого из указанных теоретических направлений. Так, рассматривая прежнюю метафизику, он отмечает ее нацеленность на всеобщее, абсолютное, вечное. Ведь ее предметами были «тотальности, которые в себе и для себя принадлежат разуму, мышлению конкретного в себе всеобщего — душа, мир, бог»¹. Высокой гегелев-

ской оценки удостоивается и то, что свои категории выразители данной точки зрения воспринимают как реально значимые и рассматривают тем самым «определения мышления как основные определения вещей»². Поэтому философ находит по меньшей мере странной потерю народом своей метафизики, вследствие чего «дух, занимающийся своей чистой сущностью, уже не имеет в нем действительного существования»³.

Что касается формальной логики, то несомненное достижение этой науки состоит, по Гегелю, в том, что в ее рамках логические формы как таковые вычленины из эмпирического многообразия сознания и «сделаны предметом самостоятельного рассмотрения»⁴. Отсюда и его восхищенный отзыв о великих заслугах Аристотеля в естественноисторическом описании мышления⁵. Гегель убеждает также, что формальная логика имеет существенное значение как логика и методология всякой рассудочной деятельности. А поскольку сфера данной деятельности достаточно обширна (это сфера, где «наличные предметы познаются в их определенных различиях»⁶), то и формально-логические законы находят себе весьма широкое применение.

Итак, утверждение, что Гегель «третирует» формальную логику или начисто отвергает метафизическую традицию, не соответствует действительности. Мыслитель отрицает в них лишь то, что достойно отрицания: необоснованные претензии на универсальный статус. Необоснованность этих претензий проистекает, по его убеждению, из неадекватности базирующейся на разрыве противоположностей методологии, используемой в рамках обоих направлений, изучаемому предмету, в котором противоположное нераздельно. Отсюда — их безжизненная, застывшая односторонность, приведшая в итоге к роковым последствиям для каждого из них. Ведь именно здесь коренится неспособность как рассудочной метафизики, так и формальной логики воплотить в жизнь свою цель, свое непосредственное предназначение.

Для прежней метафизики, например, оказался принципиально недостижимым уровень всеобщего, абсолютного, вечного, уровни подлинных первых начал и причин, на который ее нацеливал еще Аристотель⁷. Ведь, отрывая всеобщее от особенного и относительного, она получала в результате абстрактную всеобщность, которая вследствие своей односторонности оставалась на деле лишь чем-то особенным. Совершенно недоступным оказалось для рассудочной метафизики и видение абсолютного как саморазвертывающейся тотальности, ибо, разрывая фундаментальные противоположности, она утратила глубинный источник такого развертывания. Единственное, что позволял ей в данном отношении ее скудный методологический арсенал, — это превращение абсолютного в мертвого, застывшего носителя внешних ему предикатов, изысканием которых она усердно занималась⁸.

Аналогичным образом, утверждает Гегель, обстоят дела и с формальной логикой, оказавшейся несостоятельной перед лицом разумного мышления. Ведь последнее есть не абстрактная, односторонняя форма, но живое и деятельное всеобщее, которому неведом панический страх перед противоречием, столь характерный для традиционного формализма. Напротив, противоречие необходимо здесь как источник жизни и развития, а уверенность в обращении с ним разумное мышление черпает в своей способности к его разрешению, состоящему в полагании глубокого единства противоположных начал. Формальная логика не может справиться с мышлением как движением и развитием: довлеющий над ней принцип непротиворечия запрещает ей вход в более высокую по отношению к ограниченному рассудочным определениям сферу.

Таким образом, покорное подчинение своим собственным установлениям приводит формальную логику к совершенно закономерному драматичному итогу: она не может выполнить свою формальную миссию: именно в формальном плане она оказывается наиболее ущербной. Ведь когда ее законы «вырывают из этой связи движения и беруг в отдельности, им недостает не содержания — ибо некоторое определенное содержание у них есть, — а, напротив, они лишаются формы, составляющей их сущность»⁹.

Возмущение мыслителя вызывает и тот факт, что в рамках старой логики формы мышления никогда не исследовались с точки зрения их истинности в себе и для себя. Наука, претендующая на логический статус, не имеет права, по его мнению, обойти эту проблему, тем более что данная истинность отнюдь не есть нечто само собой разумеющееся: на уровне суждения, например, она достаточно проблематична¹⁰. Формально-логическая точка зрения вообще весьма часто грешит непоследовательностью, неумением довести мысль до конца. Подобным образом обстоит дело и с ее фундаментальными законами. Философ показывает, что при последовательном их осмыслении эти законы выявляют текучую, диалектическую природу и в итоге с необходимостью переходят в свою противоположность, выступая в качестве моментов единого, целостного логического движения.

Следовательно, поскольку кризисное состояние обоих направлений обусловлено их отречением от идеи нераздельности противоположностей, от диалектико-спекулятивной методологии, то очевидно, что преодоление этого кризиса

возможно здесь лишь при условии ее усвоения. Однако обращение метафизики и логики к принципу абсолютного тождества противоположных начал, последовательное применение данного принципа с необходимостью влечет за собой снятие их собственной противоположности. В самом деле, помимо общности методологии у них выявляется в таком случае принципиальная общность предмета исследования, ибо бытие при его спекулятивном рассмотрении совпадает с мышлением, а мышление — с бытием. (Поэтому совершенно иллюзорно представление о возможности создания спекулятивной метафизики и логики вне друг друга и рядом друг с другом: не объединившись в конкретную целостность, они не могут обрести диалектико-спекулятивный характер). В этой бесконечной точке совпадения мышления и бытия, субъекта и объекта, логики и метафизики и выступает, по убеждению Гегеля, в своем истинном облике философское знание, являющееся по его глубинной сути абсолютным, т. е. целостным и всесторонним знанием.

Анализируя совпадение логики и метафизики в составе философской науки, Гегель приходит к выводу, что она осуществляется на логической основе. Закономерность и справедливость такого вывода несомненна, если мышление понимать как бесконечную, абсолютную, богатую содержанием форму, как тот уровень, где всеобщее поглощается в адекватном его сокровенной природе виде. Наука, полагающая всеобщее как всеобщее, всеобщее как понятие, есть логика. Однако, хотя метафизика и утратила здесь свое имя, хотя не ей принадлежит здесь пальма первенства, она отнюдь не умерла. Напротив, она возродилась к новой жизни, преобразованная, обновленная, ибо пробил час постижения ее глубинной сути, состоящей в том, что ее предмет — объективная сторона мышления, неразрывно связанная с субъективной его стороной. Метафизика отрицается и вместе с тем сохраняется в рамках логики, она есть объективная логика, существующая в абсолютном единстве с логикой субъективной.

Как подчеркнута выше, не имея достаточно четкого представления о том, что означает нераздельность противоположных начал у Гегеля, можно столкнуться с серьезными трудностями в интерпретации его теории логико-метафизического характера философской науки. Проанализируем несколько подробнее характер этих трудностей. А поскольку в идее совпадения логики и метафизики четко и ясно проявились основные черты гегелевской трактовки принципа единства противоположностей, то при этом появляется прекрасная возможность рассмотреть их на конкретном примере. Прежде всего здесь необходимо напомнить о том, что данный принцип у Гегеля несет в себе как момент единства, так и различия противоположных начал, но идеального различия, неотделимого от их единства, и что, интерпретируя его творчество, ни в коем случае не следует абсолютизировать один из этих моментов.

Если не учитывать, например, идеальный, снятый характер различия, то абсолютное тождество превращается в примитивное, эклектичное соединение противоположностей. В аспекте совпадения логики и метафизики это означало бы, что два разнородных типа знания просто поставлены друг возле друга, что их противоположность сохранилась, лишь видоизменив свою форму. В действительности, нет ничего более противного духу гегелевской методологии, чем внешнее связывание различных моментов. Философ неоднократно протестовал против такого «синтеза» и постоянно подчеркивал, что на уровне абсолютного единства противоположности трансформируются, превращаются в идеальные моменты целостного процесса, и их различие имеет здесь смысл именно как различие моментов, как исчезающее различие. Таким образом, если противоположность логики и метафизики и имеет какое-либо значение на уровне абсолютного знания, то она, по Гегелю, являет собой исчезающую, снятую противоположность. Процесс снятия — это целостное научное движение, каждый момент которого «соединяет в непосредственном единстве предметную форму истины и знающей самости»¹¹, соединяет объективное и субъективное, бытие и мышление, метафизический и логический аспекты.

Недоразумения могут возникнуть, если абсолютизировать момент тождества противоположных начал. В таком случае появляется соблазн упрекнуть Гегеля в nepозволительном смещении субъекта и объекта, понятия и реальности, логики и метафизики. В этой связи хотелось бы отметить справедливую и глубокую критику, которой подвергает подобного рода воззрения Э. В. Ильенков, доказывающий, что тождество субъекта и объекта у великого философа отнюдь не есть результат примитивного игнорирования их различия, а являет собой их фундаментальную нераздельность, необходимую в составе теории объективного мышления¹².

В самом деле, разве мог мыслитель, не устававший полемизировать против абстрактного характера истолкования идеи абсолютного тождества в творчестве Шеллинга, неоднократно указывавший, что в диалектико-спекулятивном единстве противоположностей момент различия столь же значим, как и момент идентичности, в данном конкретном случае проявить непростительную забывчивость относительно своего фундаментального принципа и упустить из виду

различность метафизического и логического аспектов философского знания? Однако следует помнить, о каком различии идет речь. В этом пункте мы вновь возвращаемся к великой гегелевской идее, к идее тотального процесса-синтеза, несущего в себе противоположность, но противоположность снятую, преодоленную, преобразованную.

Итак, концепция логики-метафизической природы философского знания разработана Гегелем в духе его диалектико-спекулятивной методологии. Диалектико-спекулятивный метод позволяет ему глубоко осознать и полно выразить текучий, живой, конкретный и целостный характер философской науки, и в этом — бесценный вклад мыслителя в дело интеллектуального развития человечества.

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 137.

² Там же. С. 134.

³ Он же. Наука логики. М., 1970. Т. 1. С. 75.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Там же. М., 1972. Т. 3. С. 30.

⁶ Он же. Энциклопедия философских наук. Т. 1. С. 203.

⁷ См.: Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 69.

⁸ См.: Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. С. 134 и след.

⁹ Он же. Соч.: В 14 т. М., 1959. Т. 4. С. 161.

¹⁰ Он же. Наука логики. Т. 3. С. 29.

¹¹ Он же. Соч.: Т. 4. С. 432.

¹² См.: Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1984. С. 129 и след.

Л. Ф. ЛУЦОК

ПОНЯТИЕ ЭКОСИСТЕМЫ И ЕГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС

Широкое распространение системных идей — одна из характерных черт развития биологической науки в первой половине XX в. Проявлением этой тенденции в области экологии можно считать формирование понятий биогеоценоза и экосистемы, которые хотя и близки по своему содержанию, но имеют существенные различия в методологическом статусе. Понятие экосистемы в настоящее время вышло за рамки биологической экологии и широко используется в иных областях познания, в частности при исследовании проблем экологии человека, социальной экологии. В связи с этим появилась необходимость проведения содержательного анализа данного понятия и уяснения его методологического статуса.

Заметным этапом развития системных идей в биологии стали исследования функционирования и развития надорганизменных образований — биогеоценозов. Изучая закономерности развития лесных ассоциаций, В. И. Сукачев пришел к выводу, что в природе существуют не просто биоценозы, а системы, объединяющие органические сообщества с абиотическими условиями на определенной территории. Такого рода образования были названы экотопом. Единство же биоценоза, экологических условий и экотопа В. И. Сукачев предложил называть биогеоценозом. Биогеоценоз, по мысли этого исследователя, определяется как участок земной поверхности, «где на известном протяжении биоценоз и отвечающая ему часть атмосферы, литосферы, гидросферы и педосферы остаются однородными и имеющими однородный характер взаимодействия между ними и поэтому в совокупности образующими единый, внутренне взаимообусловленный комплекс»¹. Выделяя основные компоненты биогеоценоза, В. И. Сукачев отмечает наличие глубоких интегральных связей между ними, которые наделяют биогеоценоз качествами целостной системы.

Более широкий контекст изложения идей системного единства живой и неживой природы был представлен в исследованиях А. Тэнсли. В своей статье «Правильное и неправильное использование концепций и терминов в экологии растений» он обосновывает представление об экосистеме как целостном образовании, включающем организмы и весь комплекс физических факторов их местобитания, рассматривает экосистему как одну из категорий разнообразных физических систем, где нельзя «отделить их [организмы] от их специфической среды... Именно системы, образованные таким способом, являются основными природными единицами лика Земли... Эти экосистемы чрезвычайно разнообразны по типам и размерам»².

В размышлениях А. Тэнсли фиксируется универсальный характер понятия «экосистема» и его отличие от «биогеоценоза». Оно не ограничивает экологические исследования строгими рамками, что позволяет относить к экосистемным разнообразные по масштабам биотические сообщества с их средой обитания, охватывая все природные экологические образования разных уровней организа-

ции. Таким образом, контуры границ экосистем относительно, подвижны и площадь не является основным их признаком.

В экологии выделяются экосистемы различных таксономических уровней. При этом в одном случае речь идет о трех уровнях: микроэкосистемы (типа пня, дерева или муравейника), мезоэкосистемы (лес, лесная ассоциация, т. е. биогеоценозы), макроэкосистемы, соответствующие биомам, географическое распространение которых коррелируется с климатическими зонами; к этому уровню относят биосферу³. Иногда выделяют четыре таксономических уровня, где к четвертому уровню относят глобальные экосистемы⁴.

Главное же значение понятия экосистемы для экологической теории по-видимому состоит в том, что оно акцентирует внимание на обязательном учете взаимоотношений, взаимозависимостей, неодносторонности причинно-следственных связей, выделяя и объединяя компоненты экосистемы по признакам их функционального единства на основе биогеохимического и энергетического подходов. Взаимодействие абиотических и биотических компонентов экосистемы представляет единую композицию функциональных зависимостей, где активная роль принадлежит биотическим компонентам.

В экологической литературе сложилось достаточно четкое понимание того, что следует понимать под биологической экосистемой. Приведем определение экосистемы, данное Ю. Одумом: «Любая единица [биосистема], включающая все совместно функционирующие организмы [биотическое сообщество] на данном участке и взаимодействующая с физической средой таким образом, что поток энергии создает четко определенные биотические структуры и круговорот веществ между живой и неживой частями, представляет собой экологическую систему, или экосистему»⁵.

Взаимодействия составляющих компонентов экосистемы происходят на основе вещественных, энергетических и информационных процессов. Перенос энергии, круговорот питательных веществ, информационный обмен определяются специализацией компонентов трофического уровня экосистемы, которые, взаимодействуя, выполняют функции продуцентов, консументов и редуцентов.

В физической научной картине мира экологическая система интерпретируется как открытая неравновесная термодинамическая система, которая, понижая внутреннюю энтропию, повышает стабильность, стремится к динамической устойчивости, гомеостазису. Для функционирования организмов в такой системе важна отрицательная энтропия, которую называют негэнтропией⁶. Элементы экосистемы могут развиваться только в процессе постоянного извлечения из окружающей среды отрицательной энтропии. Результатом этой работы является и увеличение таксономического разнообразия, усложнение его морфологической структуры и усложнение экосистемных связей (формирование разнообразных жизненных форм с эффективной фотосинтезирующей поверхностью, возникновение гетеротрофных организмов, способных максимально использовать аккумулированную автотрофами энергию и др.)⁷. Таким образом, в экосистемные процессы вовлекаются новые материально-энергетические ресурсы, что обеспечивает процесс поступления информации в экосистему. Увеличение информационного содержания такой системы происходит по мере возрастания ее сложности. На основе накопленной информации в управляющем «регуляторе» экосистемы за счет ненарушенных механизмов обратной связи обеспечивается процесс саморегуляции системы, сбалансированность гомеостатического состояния.

Наряду с традиционным биологическим понятием экосистемы в экологических исследованиях все более широкое внимание уделяется ее антропоприродным аспектам. В начале 70-х годов, в рамках исследований по медицинской географии, в научный оборот вводится понятие «антропоэкологической системы» или «территориальной антропоэкологической системы» (ТАЭС), разработанное Преображенским В. С., Райх Е. Л. и др.⁸. ТАЭС — это система, в пределах которой однородная (городская, сельская и т. п.) в определенном отношении группа населения (популяция) взаимодействует с заселенным ею пространством, в пределах которого взаимосвязи и взаимоотношения этой группы с окружающей средой однородны. Данная система моноцентрична, роль ее центрального объекта играет человек, который выступает как на организменном, так и на популяционном уровне и рассматривается с точки зрения его биосоциальной природы. Окружающая среда охватывает природные, технические и социальные условия жизни человека. В анализе многогранных отношений между составляющими компонентами ТАЭС акцент делается на адаптирующей связи человека со средой существования, так как характер адаптации определяет, насколько полно окружающая среда удовлетворяет в каждом конкретном случае биологические и социальные потребности человека, насколько правильно человек строит свои взаимоотношения со средой, в каком качественном состоянии она находится⁹.

В модели ТАЭС выделяют два блока: управляемый и управляющий. Управляемая часть характеризуется саморегуляцией, которая основана на адаптации между всеми элементами антропоэкологической системы. Работа управляющей части ТАЭС

нацелена на изменение окружающей среды в интересах человека. Информация о динамике управляемой части системы поступает в орган управления, оценивающий ее. Для этого можно использовать медико-биологические, социальные, экономические и другие критерии, что и позволяет применять модель ТАЭС в различных междисциплинарных исследованиях. Оценочные критерии соотносятся с целевыми функциями и определяют тенденции развития системы. Затем разрабатываются мероприятия, необходимые для регулирования и изменения тенденций развития системы в соответствии с целевыми функциями, и принимается решение. Такие разработки должны базироваться на научно обоснованном материале. Человек, выполняя роль управляющего компонента ТАЭС, обеспечивает обратную связь в системе на основе своего информационного потенциала, запас и качество которого помогает ему реализовать негэнтропийную функцию в ТАЭС.

Содержательный анализ понятия экосистемы будет неполным, если не отметить специфику его интерпретации в той области экологического познания, которую называют сегодня социальной экологией. В социальной экологии обычно рассматривается глобальная экосистема «общество—природа» и ставятся задачи раскрытия фундаментальных законов ее развития¹⁰. Социоэкологическая система определяется как система, составленная всей биосферой, человечеством как социально-экономической совокупностью (со всем его хозяйством) и человечеством как биосоциальной видовой разностью или их территориальными подразделениями, выступающими в этой системе как взаимодействующие подсистемы¹¹. Понятия же локальной и региональной экосистем в социальной экологии пока разработаны слабо.

Как видно, содержательная структура понятия экосистемы является весьма сложной многоаспектной и многоуровневой. Данное понятие вполне может претендовать на статус общенаучного, что в значительной мере проясняет и его методологический статус.

Некоторые исследователи полагают, что экологическая наука есть скорее методологический подход, чем строгая научная дисциплина. Так, например, И. П. Герасимов, А. Г. Доскач полагают, что экология становится специфическим общенаучным подходом, который обозначает отношение любого изучаемого объекта к окружающей его среде¹². Целью экологического подхода является выявление и анализ связей, существующих между изучаемым той или иной наукой объектом и средой его «обитания». Такой экологический подход основывается на объективном единстве принципов экологического взаимодействия между любой выделенной системой и окружающей ее средой, независимо от принадлежности к тому или иному уровню организации материи.

Экологический подход в такой интерпретации очевидно может использоваться многими традиционными науками, изучающими разнообразные системы, построенные по схеме «объект — окружающая среда». Экологические исследования правомерны не только в биологии, но и в географии, химии, технике, экономике и т. п. Современный этап развития естественных, технических и общественных наук подтверждает высказанные положения тем, что в структуре традиционных наук выделяются разделы, специальные ответвления, которые рассматривают свой объект с позиций экологического подхода (экоэтика, экохимия, экоматематика и др.), ассимилируя экологические термины, идеи и теории.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что понятие экосистемы характеризуется отсутствием жесткой привязки к той или иной научной дисциплине и его методологический статус вполне соответствует статусу общенаучного понятия.

¹ См.: Сукачев В. И. // *Вопр. географии. Ландшафтоведение*. М., 1949.

² Цит. по: Смит Р. Л. *Наш дом — планета Земля*. М., 1982. С. 24.

³ См.: Дювиньо П., Танг М. *Биосфера и место в ней человека*. М., 1973. С. 13.

⁴ См.: Бачинский Г. А. *Социоэкология: теоретические и прикладные аспекты*. Киев, 1991. С. 152.

⁵ См.: Одум Ю. *Экология*: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 24.

⁶ См.: Шредингер Э. *Что такое жизнь? С точки зрения физика*. М., 1972.

⁷ См.: Камшилов Н. И. *Значение взаимных отношений между организмами в эволюции*. М.; Л., 1961. С. 130.

⁸ См.: Преображенский В. С., Райх Е. Л. // *Теория и методика географических исследований экологии человека*. М., 1974.

⁹ См.: Райх Е. Л. // *Проблемы экологии человека*. М., 1986. С. 74—75.

¹⁰ См.: Трибулев Б. С. *Экосоциальная система: проблемы структуры, основных факторов и законов развития*. Вильнюс, 1990. С. 18.

¹¹ См.: Реймерс Н. Ф. *Природопользование*. М., 1990. С. 478.

¹² См.: Герасимов И. П., Доскач А. Г. // *Горизонты экологического знания*. М., 1986.

СИСТЕМНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И СТИЛИ МЫШЛЕНИЯ В ХИМИИ

Системная методология сегодня весьма широко используется в самых различных отраслях знания при решении разнообразных задач. Она включает в себя системный подход, системный анализ, общую теорию систем, системные, в том числе информационные, технологии, а на метатеоретическом уровне — философский принцип системности.

В основе системной методологии лежит ряд требований операционально-когнитивного плана. Среди них: 1) проведение последовательной детализации объекта с учетом его иерархической организации; 2) исследование субстрата системы: элементов и их взаимоотношений — поиск системообразующего фактора; 3) изучение влияния внутренних и внешних факторов на бытие системы; 4) изучение генезиса объекта с точки зрения изменения его целостности.

Сама системная концепция не нова. Она может быть идентифицирована (хотя и в неразвитой форме) уже на ранних этапах становления европейской философской и научной мысли. Более того, отдельные науки, в том числе и химия, имеют определенные «системные традиции». Химия одна из первых стала использовать системно-структурные представления и внесла определенный вклад в разработку системной концепции¹. Поэтому интересно проследить проникновение системных идей в химию на фоне дрейфа стиля научного мышления химика. Идентификация последнего зависит от многих факторов. И поэтому представленная в работе периодизация стилей научного мышления (а через них и реконструкция истории химии) не является единственно возможной. Итог во многом определяется тем, какие основания стиля мышления доминируют и взяты как системообразующие. Это могут быть философско-методологические основания: научная картина мира, идеалы и нормы познавательной деятельности, философские идеи и методологические принципы; социокультурные: особенность менталитета эпохи — включенность науки в социум; логические: законы и правила построения знания; когнитивные: характер научных проблем и алгоритмы их решения и даже праксеологические: образцы научной деятельности.

Применительно к настоящему исследованию в качестве главного среди stileобразующих факторов взят когнитивный: та центральная проблема, которая объединяет в единое целое теоретические представления химической науки на каждом из этапов ее развития. В работе проблемы такого рода получили название «гносеологические уровни» или «уровни сущности». Они определяют стереотипы научного мышления эпохи, задают общий алгоритм исследования, его стратегию. Предложенные уровни сущности выделены на основе изучения истории исследования отношений химических систем и их организации.

Согласно избранному критерию выделяются четыре этапа развития системных представлений в химии: доструктурный, структурный, электронный и структурно-кинетический. В центре внимания каждого — определенная гносеологическая проблема: «простого и сложного», «внутренней структуры», «внутреннего и внешнего» генезиса или «прошлого, настоящего и будущего химических систем». Им в соответствие приведены четыре стиля мышления в химии: элементаристский, структурный, системный и системно-эволюционный. Для наглядности изложенное можно представить в виде таблицы. В ней графа I — разработанный В. И. Кузнецовым строй концептуальных систем (КС) в химии². Основной критерий перехода от одной КС к другой — способ решения проблемы соотношения свойств и реакционной способности соединения. Причем каждой КС соответствует определенная материальная химическая система (в таблице они указаны в скобках). Графа II — этапы развития системных представлений в химии, III — гносеологические уровни, IV — стили научного мышления. Гносеологические уровни включают в себя КС и указывают на центральную проблему, решаемую в рамках каждого уровня. И наоборот, каждая КС конкретизирует содержание уровней, выступая средствами их связи и перехода от одного уровня к другому.

В основе данной логической схемы — путь движения от суммативного представления химических систем к целостному. При этом выделенные уровни и стили мышления отражают не только ступени познания сущности химических явлений, но и ступени развития самой практической химии. Уровни находятся в тесном генетическом единстве; каждый последующий уровень включает в себя проблемы предыдущих этапов развития химии, но представляет несравнимо большие возможности для их решения. Так, проблема простого и сложного в химии ставится практически на всех уровнях. Более того, принципы системной методологии раскрывают свое содержание от этапа к этапу, реализуясь в полной мере лишь в современных условиях.

Как видно из таблицы, в анализ включены и воззрения древних о веществе, ибо первоначальные химические знания во многом определили состояние химии в последующие периоды.

Этапы эволюции и уровни системных представлений в химии

I	II	III	IV
Учение об элементах (атом)	Деструктурные представления: — протохимические знания вплоть до становления научной химии, — атомно-молекулярное учение, — деструктурные теории строения	Проблема простого и сложного	Элементаристский стиль научного мышления
Структурная химия (простейшие молекулы)	Структурные представления: теории строения и влияния атомов Электронные представления	Проблема внутреннего строения, структуры	Структурный стиль научного мышления
Кинетические теории (кинематические системы). Эволюционный катализ (предбиологические системы)	Структурно-кинетические представления	Проблема внутреннего и внешнего Проблема генезиса	Системный стиль научного мышления Системно-эволюционный стиль научного мышления

Античность дает нам идею зернистого строения вещества и первые оригинальные концепции Эмпедокла, Анаксагора, Левкиппа — Демокрита, Платона и Аристотеля. Для сравнения этих концепций интересно поставить три вопроса: существует ли небытие? существует ли предел деления бытия? имеют ли элементы бытия структуру? Элеаты отвечали: «нет», «нет», «нет». Атомисты: «да», «да», «да». Платон: тоже «да», «да» (предел — в единиче, что отражено в его математической программе). Аристотель: «да», «нет», «да». В дальнейшем в состоянии конкуренции по проблеме строения оказались программа атомистов и «континуалистская программа» Аристотеля³.

Провозгласив зернистость бытия, древние задумались над вопросами: что есть простое и что есть сложное? В чем различие смесей и соединений? Что есть составное и что есть смешанное? и т. п. Благодаря работам Аристотеля поиск ответов на эти вопросы привел к пониманию специфичности сложных тел. У него сложное тело — нечто принципиально новое по сравнению с образующими его элементами и нечто иное, нежели простая механическая смесь. За вопросами о природе простого и сложного встали вопросы о соотношении части и целого, частей друг с другом в составе целого. Именно они составили основу алхимической идеи о трансмутациях вещества, выросшей из античных натурфилософских систем.

Однако вопрос о простом и сложном для древних и средневековых авторов оказался непростым. По мнению Андреаса Либавия, «химики не могут пока доказать, что эти отдельные вещества существовали в таком же виде до образования соединений. Они не могут доказать также, что вещества, которые считаются простыми, просты на самом деле»⁴. В немалой степени это вызвано разрывом практических и теоретических знаний. С одной стороны, — достаточно развитая для того времени техника химического эксперимента, ремесленная химия и фармация, а с другой, — поиски «философского камня», религиозные, мистические, астрологические, каббалистические и магические компоненты «теоретических» воззрений того времени.

Частично этот разрыв удалось преодолеть более поздним авторам с возрождением атомистической научной программы. Это дало возможность не только заговорить о строении тел, но и построить даже иерархию частей: атомы объединялись в молекулы-корпускулы, а они — в еще большие тела. Выразителями системно-структурных идей стали Р. Бойль, М. В. Ломоносов, А. Л. Лавуазье. В их работах утверждается одно из основных понятий химии — понятие о химическом элементе. Начиная с Р. Бойля, химики постепенно приходят к представлению о молекуле как о системе. Химический элемент здесь — вещество, которое еще не удалось разложить на составные компоненты. Оно простое, пока не разложено. Но вопрос о принципиальной разложимости элемента остался открытым.

У создателя химической атомистики Дж. Дальтона химическая частица — тоже система атомов. Но первоначально это была такая система, части которой могли

существовать самостоятельно и предшествовали системе. Целостность последней носила механический характер и сводилась к сумме частей (здесь уместнее говорить об аддитивности). Сложные химические соединения Дальтон называет «сложными атомами» различного порядка, подчеркивая тем самым ведущую роль части (атома) по отношению к целому — молекуле. Однако, и в этом — безусловная заслуга Дальтона: сложный атом у него был все же не простой суммой частей; образование его достигалось связыванием атомов в определенном порядке. Здесь — первая попытка соотносить состав вещества и его строение, первая попытка поставить вопрос о структуре вещества. Именно поэтому, с моей точки зрения, химическая атомистика Дальтона открывает новый гносеологический уровень, связанный с проблемой внутреннего строения, структуры химического соединения. Содержание этого уровня составляют так называемые доструктурные теории добутлеровского периода: электрохимическая теория и теория радикалов И. Я. Берцелиуса, теория замещения Ж.-Б. Дюма, теория ядер О. Лорана, теория типов Ш. Жерара, а также теории химического строения А. М. Бутлерова, взаимного влияния атомов в молекуле (А. М. Бутлеров, В. В. Марковников), доквантовые и квантовые электронные теории (К. Ингольд, Г. Льюис, Л. Полинг, Р. Робинсон). Химическая частица во всех этих теориях — сложная система атомов (в электронных теориях — еще и система ядер и электронов). Но методологическая основа теорий различна, что связано с особенностями стилиевой интерпретации проблемы части и целого.

В теориях Берцелиуса налицо примат части над целым, идея «предсуществования» части по отношению к целому, когда молекула как бы «склеена» из двух неизменных в процессе реакции, независимых друг от друга частей. Здесь учитываются субстратные свойства частей, а их реляционные (или свойства-отношения), вызванные действием сил химического родства, полностью игнорируются. На смену этим взглядам пришли представления Лорана и Дюма, определивших ведущую роль целого, впервые в химии сформулировавших идею унитарного строения сложной частицы. Молекула в этих концепциях — не сумма частей, а единое целое, и свойства его определяются расположением атомов. И следующий шаг — теория типов Жерара, где учтены природа частей соединения и сформулировано понимание роли взаимного влияния атомов.

Но подлинного апофеоза структурные представления достигают в теории химического строения (ТХС) А. М. Бутлерова, где молекула — единая целостная система взаимного влияния атомов. В рамках ТХС получила объяснение зависимость свойств целого от количественного, качественного и структурного соотношения его частей. ТХС рассматривает молекулу не как механическую (аддитивную), а как химическую целостную систему. И системообразующий фактор здесь — взаимное влияние атомов. Позже оно получило объяснение в теориях электронных смещений и в квантовой химии. В квантовохимических теориях все реально осуществляющиеся состояния соединения определяются всем строением молекулы в целом и в конечном итоге зависят от свойств всех входящих в систему частей. Так, метод молекулярных орбиталей исходит из того, что каждый атом принадлежит молекуле в целом и движется в поле всех ее ядер и электронов, а свойства соединения определяются свойствами коллектива взаимодействующих микрочастиц. Объединение компонентов в систему, а не простое их сложение, приводит к появлению принципиально новых, интегративных качеств. Причем попытка выяснить ответственную за них группу атомов, как правило, неэффективна: специфическое свойство возникает только в сочетании с другими атомами.

В центре внимания современной химии — проблемы внутреннего и внешнего, а также эволюции химических систем. Понятие о кинетических системах (или «кинетических континуумах») значительно расширило познавательную сферу химических исследований. Кинетика внесла в химию понятие о химическом событии, о переходном состоянии, о химической эволюции. Системная методология в химии стала системно-динамической или системно-эволюционной. Примерами такого плана теорий могут служить теории абсолютных скоростей реакций и элементарных открытых каталитических систем. Эти теории обладают высокой степенью системности и на сегодня они наиболее адекватно описывают химический, в том числе эволюционный, процесс. Они достаточно фундаментальны и используют аппарат квантовой механики, термодинамики и статистической физики.

Итак, даже краткий экскурс в историю прошлого и настоящего химической науки показывает корреляцию концептуальных систем, гносеологических уровней и стилей мышления в химии. Предполагается продолжить исследование связи этих феноменов не только с когнитивно-методологической, но и социокультурной точки зрения.

¹ См.: Гарковенко Р. В. // Гносеологические и социальные проблемы развития химии. Киев, 1974; Янчук Е. И. // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. 1984, № 1. С. 31.

² См.: Кузнецов В. И. Диалектика развития химии. М., 1973. С. 238 и след.

³ См.: Га й д е н к о П. П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. М., 1980; Р о ж а н с к и й И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979.

⁴ Цит. по: Шелгунова З. И. Химическое соединение и химический индивид. (Очерк развития представлений). М., 1972. С. 15.

В. А. КАРПОВ

ИЗОМОРФИЗМ ДВУХ СИСТЕМ

(междисциплинарный синтез на базе системного подхода)

Триплетные коды — это такие коды, где функциональные единицы состоят из трех единиц более низкого уровня. К таким кодам можно отнести коды некоторых весьма далеких друг от друга предметных областей — языка, кристаллографии, физики, генетики. Для выяснения системной близости этих кодов лингвистический подход узок, требуется более общая теория.

В качестве таковой мы использовали общую теорию систем философа и биолога Ю. А. Урманцева (ОТСУ). Ее приложение к языку как объекту позволило доказать системность языка на разных уровнях и обнаружить системную общность языка и генетического кода. Это и послужило толчком к отысканию других изоморфизмов.

ОТСУ требует представления любой системы как объекта-системы в системе объектов того же рода. И это всегда оборачивается выводом множества «первичных элементов», выделяемых из универсума по некоторым основаниям: обнаружению отношений единства и законов композиции, по которым строятся композиции «первичных элементов». Далее при переходе на другой уровень цикл повторяется. При этом все теснейшим образом связано с симметрией / асимметрией, полиморфизмом / изоморфизмом и другими концептами ОТСУ¹.

Рассмотрим эти первичные элементы. Физика: 4 кварка (u, d, s, c) в комбинаторике по 3 представляют все барионы; генетика: 4 основания — аденин (А), гуанин (Г), цитозин (Ц), урацил (У) в комбинаторике по 3 представляют 20 аминокислот; язык: 4 типа суждений — общеутвердительные, общеотрицательные, частноутвердительные и частноотрицательные в комбинаторике по 3 дают все модусы категорических силлогизмов. Другими словами, есть первичные элементы, есть отношения единства, есть законы композиции и сами композиции, что уже частично описано².

Категории синонимии и антонимии общеизвестны и считаются чисто языковыми, хотя при желании их можно обнаружить в самых разных классах систем, так как синонимия — это степень сходств, подобия, а антонимия — система противопоставлений грамматического или содержательного (семантического) характера.

Рассмотрим числа 1, 2, 3 и 4. В них можно увидеть как синонимы, так и антонимы. Так, числа 1 и 3 сходны по нечетности, а 2 и 4 сходны по признаку четности, отличаясь друг от друга величинами. Четность противопоставляется нечетности и в этом отношении пары 1:2, 1:4, 3:2 и 3:4 антонимичны. Теперь возьмем их комбинаторику по 3 с повторениями — 111, 112, 121, 211, 222, 212, 122, 221, ..., 444. Всего 64 числа четырех типов и восьми видов: только из четных чисел, только из нечетных чисел, преимущественно из четных (3 вида), преимущественно из нечетных (3 вида). Обозначив четность через «минус» (—), а нечетность через «плюс» (+), можно представить трансформацию четного числа в нечетное.

	Н Н Н		3 3 3		
	+ + +				
Н Н Ч	Н Ч Н	Ч Н Н	3 3 2	3 2 3	2 3 3
+ + —	+ — +	— + +			
Н Ч Ч	Ч Н Ч	Ч Ч Н	3 2 2	2 3 2	2 2 3
+ — —	— + —	— — +			
	Ч Ч Ч		2 2 2		
	— — —				

Таким же образом можно представить переход четного числа в другое четное, нечетного в другое нечетное, нечетно-четного в другое нечетно-четное и наоборот. Построим симметрично-асимметричную матрицу размером 8x8 и разместим по углам числа 111, 222, 333, 444 с учетом их контрарности (антонимичности) (см. матрицу 1).

	+++	++-	+ - +	+---	-++	--+	---+	----
+++	111 +++	114 ++-	141 + - +	144 +---	411 -++	414 --+	441 ---+	444 ----
++-	112 ++-	113 +++	142 +---	143 + - +	412 -++	413 --+	442 ---+	443 ----
+ - +	121 + - +	124 +---	131 +++	134 + - +	421 -++	424 --+	431 ---+	434 ----
+---	122 +---	123 + - +	132 + - +	133 +++	422 -++	423 --+	432 ---+	433 ----
-++	211 -++	214 -++	241 -++	244 -++	311 +++	314 ++-	341 + - +	344 +---
--+	212 -++	213 -++	242 -++	243 -++	312 ++-	313 +++	342 + - +	343 +---
---+	221 -++	224 -++	231 -++	234 -++	321 + - +	324 +---	331 +++	334 ++-
----	222 -++	223 -++	232 -++	233 -++	322 +---	323 + - +	332 +++	333 +++

Первая строка представляет переход «нечет:чет» при чтении (111—444), последний столбец будет показывать переход «чет:нечет» при чтении (444—333), нижняя строка читается (333—222) как переход нечетности в четность, и первый столбец при чтении (222—111) показывает переход «чет:нечет», т. е. совершен цикл переходов. Диагонали матрицы представляют переход «чет:чет» (444—222) и «нечет:нечет» (111—333). Все остальные столбцы и строки будут представлять смешанные переходы.

Матрица представляет 16 компактов, где при постоянстве двух первых символов третий пробегает значения от 1 до 4

11 1	11 4	32 1	32 4	12 1	12 4
11 2	11 3	32 2	32 3	12 2	12 3

В генетическом коде основания А, Г, Ц, У при ближайшем рассмотрении обнаружили системные объединения и противопоставления: А и Г представляют пурины, Ц и У пиримидины. Общность позволяет пользоваться языковыми понятиями синонимичности как сходства, а различия позволяют говорить об антонимичности (контрарности). Тогда любое противопоставление А:Ц, А:У, Г:Ц, Г:У — антонимично, равно как и Ц:А, У:А, Ц:Г, У:Г. А и Г — синонимы, Ц и У — синонимы. Тогда переход пуринов в пиримидины и пиримидинов в пурины можно представить в виде трехмерного плюс-минусового куба (где +=пурин, -=пиримидин). Точно так же можно представить переход трех пуринов в 3 другие пурина или трех пиримидинов в 3 другие пиримидина с той разницей, что плюс означает один пурин/пиримидин, а минус — другой пурин/пиримидин. А это уже означает выход в динамику системы — нитритные точечные мутации.

Переход «пурин-пиримидин»

	А А А	
	+	+
А А У	А У А	У А А
+	+	+
А У У	У А У	У У А
+	+	+
	У У У	

Переход «пурин-пурин»

	А А А
	+
А А Г	А Г А
+	+
А Г Г	Г А Г
+	+
	Г Г Г

Присвоим А значение 1, Г — значение 3, Ц — значение 2 и У — значение 4. Тогда числовая матрица 1 будет иметь следующее симметрично-асимметричное изоморфное генетическое наполнение в виде матрицы 2.

Имеем компакты АМНК по 4, полукомпакты по 2 и монокомпакты, содержащие одну аминокислоту. В компакте во всех АМНК видно сохранение первых двух нуклеотидов при четырех переменных третьих точно такое же, как и в числовых компактах. Наличие 9 компактов наводит мысль на то, что в процессе развития генетического кода могло быть изначально 16 аминокислот, выродившихся далее до сегодняшних 20 в количественных вариантах от 6 (серин, аргинин, лейцин) до 2 (лизин, тирозин и др.) и до 1 (метионин, триптофан), вплоть до «знаков препинания» (УАА, УАГ и УГА). Эта гипотеза нашла частично косвенные подтверждения³.

	+++	++-	+ - +	+ - -	- + +	- + -	- - +	- - -
+++	ААА +++ лиз	ААУ ++- лсн	АУА + - + изо	ЛУУ + - - изо	УАА - - + охр	УАУ - + - тир	УУА - - + лей	УУУ - - - фен
++-	ААЦ ++- лсн	ААГ +++ лиз	АУЦ + - - изо	АУГ + - + мет	УАЦ - + - тиг	УАГ - - + амб	УУЦ - - - фен	УУГ - - + лей
+ - +	АЦА + - + тре	АЦУ + - - тре	АГА +++ арг	АГУ + - + сер	УЦА - - + сер	УЦУ - - - сер	УГА - - + опа	УГУ - - + нис
+ - -	АЦЦ + - - тре	АЦГ + - + тре	АГЦ + - - ссп	АГГ +++ арг	УЦЦ - - - сер	УЦГ - - + сер	УГЦ - + - нис	УГГ - + + три
- + +	ЦАА - + + гнл	ЦАУ - + - гис	ЦУА - + - лей	ЦУУ - - - лей	ГАА + + + глу	ГАУ + + - лсп	ГУА + - + вал	ГУУ + - - вал
- + -	ЦАЦ - + - гис	ЦАГ - + + гнл	ЦУЦ - - - лей	ЦУГ - - + лей	ГАЦ + + - лсп	ГАГ + + + глу	ГУЦ + - - вал	ГУГ + - + вал
- - +	ЦЦА - - + про	ЦЦУ - - - про	ЦГА - + + арг	ЦГУ - + - арг	ГЦА + - + ала	ГЦУ + - - ала	ГГА + + + гли	ГГУ + + - гли
- - -	ЦЦЦ - - - про	ЦЦГ - - + про	ЦГЦ - + - арг	ЦГГ - + + арг	ГЦЦ + - - ала	ГЦГ + - + ала	ГГЦ + + - гли	ГГГ + + + гли

Вторым приложением системной лингвистики может быть разработка метода расшифровки белковых последовательностей как текстов без пробела, т. е. разделение текста на условные «белковые» слова, вывод «белковой» грамматики и построение сначала ядерного синтаксиса, а затем расширенного. Это требует в первую очередь алгоритма деления текста без пробелов на словоформы на любом естественном языке. Мы продолжаем работу в этом направлении⁴.

Перейдем к построению барионного кода как периодической системы. Рассмотрим существенные характеристики кварков.

	Q	эл. заряд	B	бар. заряд	I	изоспин
1	c	+2/3		+1/3	0	
	u	+2/3		+1/3	+1/2	
2	d	-1/3		+1/3	+1/2	
	s	-1/3		+1/3	0	

Кварки можно объединять парами и противопоставлять поодиночке. Кварки «с» и «u» объединены электрическим и барионным зарядом, а отличаются изоспином; кварки «d» и «s» также имеют равные заряды и различаются изоспином. Пара 1 и пара 2 — синонимы внутри объединений, пара против пары, или поодиночке они имеют больше различия и представляют антонимы.

Припишем значение 1 кварку u, значение 3 кварку c, значение 2 кварку d и значение 4 кварку s. Тогда числовая матрица 1 будет иметь следующее физическое наполнение, изоморфное генетической матрице 2.

Звездочкой в матрице 3 отмечены барионы, массы которых мы использовали для вывода остальных 24 масс.

В первом периоде оказались протон, нейтрон и электрон; во втором — барионы «сигма»-семейства, в 4-м «кси»-семейства и в 8-м периоде один представитель семейства «омега-гиперон». Наличие одного семейства из трех барионов (сигма) позволяет выдвинуть гипотезу о полноте/неполноте семейств. Считая полным семейство, где представлены все три типа заряда (плюсовой, минусовой и нулевой), можно дополнять с помощью таблицы и остальные семейства. Рассмотрение их зарядов в сопоставлении с кодами таблицы в плюс/минусовом выражении позволяет с достаточной мерой надежности гордиться о том, что «кси» с +овым зарядом имеет кварковый состав ucs, барион с кварковым составом ddd имеет заряд (-), потенциальные члены семейства «омега-гиперонов» — css имеют нулевой заряд, а ccs должен иметь плюсовой заряд.

коды таблицы		соответствия зарядов	
++-	uud uus ucd ucs cud cus ccd ccs	заряд +	
---	ddd dds dsd dss sdd sds sdd sss	заряд -	
+ - -	udd uds usd uss cdd cds csd css	заряд нулевой	

Анализ восьми масс барионов⁵, введенных в таблицу, обнаружил следующие закономерности: 1. самая большая масса в семействе предположительно должна

быть у бариона с минусовым зарядом, чуть меньше у бариона с нулевым зарядом и еще меньше у бариона с плюсовым зарядом, как это следует из анализа полного семейства «сигма» и частично уже видно на протоне и нейтроне;

1 период	2 период	4 период	8 период
uud	uus	uus	sss
938,28	1189,37	1314,9	1672,2
udd	uds	dss	
939,573	1192,48	1321,3	
	dds		
	1197,35		

2. близость по массам в столбце достаточно однородна и показывает «семейственность». Это позволяет предполагать, что и недостающие до троек барионы, предположительно принадлежащие к соответствующим семействам, должны иметь достаточно близкие массы. В первом столбце она не должна выходить ориентировочно за 950, во втором за 1197,35, в четвертом за 1321,3, в восьмом за 1672,2.

Выведенная методика определения масс через созданную нами математическую структуру в виде «условных кубов чисел» показала непротиворечивость наших предположений. Введя 8 точных данных ФЭС, мы определили кварковый состав, массы и зарядовость еще 24 барионов, оказавшиеся вполне приемлемыми для выдвинутых с помощью периодической системы гипотез.

Матрица 3

1	2	3	4	5	6	7	8
UUU +++	UUS* ++- 1189,37	USU +--	USS* +-- 1314,9	SUU --+	SUS -+-	SSU ---	SSS* ---
UUD* ++-	UUC +++	USD +--	USC +--	SUD -+-	SUC -+-	SSD ---	SSC ---
938,28		1063,81		1295,29		1420,82	
UDU +--	UDS* +--	UCU +++	UCS +--	SDU --+	SDS ---	SCU -+-	SCS -+-
	1192,48		1313,60		1548,25		1670,62
UDD* +--	UDC +--	UCD ++-	UCC +++	SDD ---	SDC -+-	SCD -+-	SCC -+-
939,57		1060,7		1296,87		1419,24	
DUU --+	DUS +--	DSU ---	DSS* ---	CUU +++	CUS ++-	CSU +-+	CSS +--
	1195,77		1321,3		1540,27		1665,8
DUD -+-	DUC -+-	DSD ---	DSC -+-	CUD ++-	CUC +++	CSD +--	CSC +--
944,37		1069,92		1289,18		1414,71	
DDU ---	DDS* ---	DCU -+-	DCS -+-	CDU +-+	CDS +--	CCU +++	CCS ++-
	1197,35		1319,72		1543,38		1664,50
DDD ---	DDC ---	DCD -+-	DCC -+-	CDD +--	CDC +--	CCD +--	CCC +++
945,97		1068,34		1290,47		1411,6	

Из матрицы 3 следует, что некоторые барионы в ФЭС нарушают систему таблицы по плюс / минусовым кодам. В таблице барион «кси плюс» имеет кварковый состав ucs, а не usc, так как его код изоморфен всем плюсовым по заряду барионам, а барион usc в таблице имеет код +--+. «Омега-гиперон нуль» имеет кварковый состав css, а не ssc, так как код нулевых по заряду барионов в таблице имеет вид +--, а не ---+ и «омега-гиперон плюс» имеет кварковый состав ccs, а не scc, так как код барионов с плюсовым зарядом имеет вид ++-, а не -++⁶.

Утверждаю это, исходя из того, что изоморфизм таблицы систем и, коль скоро системности, вскрытые физиками, и данные в ФЭС непротиворечивы, то они при вложении в систему отражают эту непротиворечивость через изоморфизм другого рода, а именно — через изоморфизм кодов периодической системы; точно так же отражается и противоречивость.

Все эти гипотезы о кварковом составе, типе заряда и массе барионов нашей таблицы теперь могут проверяться специалистами. Изоморфизм же систем генетического кода и барионного кода имеет системный характер. Это позволяет

«перекачивать» достоверную информацию из одной предметной области в другую и наоборот.

¹ См.: Урманцев Ю. А. Эволюционика. Пущино, 1988.

² См.: Карпов В. А. Язык как система. Мн., 1992. С. 9, 2.

³ Там же. С. 263 и след.

⁴ Там же. С. 275 и след.

⁵ См.: Физический энциклопедический словарь. М., 1983. С. 898—899.

⁶ Там же. С. 900.

Л. Е. ЛОЙКО

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Сущностной характеристикой неклассической парадигмы научно-исторического мышления стала его фронтальная методологизация как важнейшая предпосылка обоснования предмета исследования и поискового инструментария. В результате этого процесса в структуре современного социально-исторического познания сложился особый концептуальный уровень внутринаучной методологии. В рамках последней значительную роль играет синтез общенаучных и философских идей, находящий выражение в методологических исследовательских программах, которые в неклассической науке продуцируются самими учеными.

В сегодняшней исторической науке уже определилась традиция обоснования использования таких программ в конкретных исследовательских целях. Вместе с тем они еще не стали объектом целостного философско-методологического осмысления. По-прежнему в анализе проблем взаимодействия философии и науки недостаточно акцентируется роль самих ученых в определении эталонов методологической деятельности.

Несмотря на значительную вариативность содержательно-смысловых контекстов методологических исследовательских программ неклассической исторической науки, все они тяготеют к определенной философской категориальной основе. Целью данной статьи является исследование эвристического потенциала философско-методологической рефлексии в обосновании неклассических интерпретаций концептуально-теоретических моделей истории.

Важнейшей атрибутивной характеристикой объекта исторического исследования является его темпоральность, поэтому теоретическое воспроизведение исторической реальности предполагает предметно-содержательную интерпретацию философской категории «время». Конкретные методологические ориентации имеют специфические формы воспроизведения хронологического контекста в научном исследовании, т. е. свои механизмы трансляции смыслов этой категории в конкретно-научные понятия.

Собственно философское понимание времени достаточно широко по содержательному объему, поскольку фиксирует темпоральную данность как объективную реальность, существующую вне и независимо от человека. В классическом марксизме при разработке концепции исторического материализма (и в частности, применительно к теории общественно-экономических формаций) была реализована задача более строгого определения категории время, перевода ее в форму научного понятия. В советский период возникла необходимость уточнения понятия «историческое время» с учетом специфики предметной области науки. При решении этой методологической задачи акцент был сделан на социологическом понимании времени, трактовка которого связана с анализом социальной деятельности, общезначимых периодов и этапов в функционировании социальных систем. Поэтому понятийная развертка категории «время» выразилась в таких конструктах, как «общественно-экономическая формация», «эпоха» и др., выполняющих в историческом исследовании функцию готовых семантических матриц для воспроизведения хронологического контекста.

Влияние неклассической философии на внутринаучную методологию заключается в том, что категории философии воспринимаются, ассимилируются историками через широкий социокультурный контекст, имплицитно детерминирующий их научно-познавательную деятельность. В этом случае наблюдается такой тип трансляции категориальных смыслов в область исторической науки, когда ее механизмы и границы определяются самими историками. Благодаря этому снижается однонаправленное влияние философии на историческую методологию, отношения их строятся на основе активного взаимодействия и допускающего альтернативу творческого поиска со стороны ученых-историков, сохранения границ собственной предметной области. Так современными французскими историками были восприняты и проинтерпретированы идеи философии жизни и, прежде всего, трактовка времени А. Бергсоном.

В философии жизни акцент сделан не на поиск удачной модели интервального членения реального времени, а на выбор средств для отражения его течения как континуальной длительности. Такое понимание времени позволяет синтезировать статический и динамический аспекты в концептуальном определении исторической реальности.

Согласно А. Бергсону, реальность — это вечное, бесконечное разнообразное становление и потому «нужно привыкнуть мыслить бытие непосредственно, не делая обхода, не обращаясь к призраку небытия... Тогда абсолютное открывается совсем вблизи нас и, в известной мере, внутри нас. Сущность его психологическая или логическая. Оно живет с нами. Как мы, оно длится...»¹. И в центре этого особенного, психологического постижения бытия, этой теории познания, приравненной к теории жизни, стоит особая категория — «течение времени». Наука (например, физика) не имеет знака для ее обозначения: сосчитывая события, она ищет число единиц времени, его интервалы. В новой же теории познания важны сами единицы, переживание самих интервалов, ибо сила времени в его воздействии на нас, действительности, которое открывает бытие рядом с нами и внутри нас. Значение времени для истинного постижения реальности в том, что последняя развертывается перед нами с определенной скоростью и последовательностью: будущее следует за настоящим, а не дано вместе с ним, оно создается постоянно, причем не изолированно, а в конкретном целом, как длительность самой жизни. Поэтому время — это сущность самой жизни и для постижения его нужен особый род познания, позволяющий отказать от дорогих привычек разума сосчитывать интервалы, отделенные от целого события, а «перенестись внутрь становления», уничтожив моменты времени и следуя за его истечением, за самим потоком реального². Это познание не практическое, оно не даст влияния на природу предсказаний будущего, зато охватит саму реальность, т. е. течение времени, дополнив интеллект интуицией. Это способ познания, познавательное усилие, схватывающее иную форму реальности — дух, а не тело, и по природе своей оно не научно, в традиционном понимании, а метафизично³.

А. Бергсон одним из первых уловил связь времени с памятью как свойством человеческого сознания. Время определяется им через понятия целостной длительности, потока, течения. На основе этих понятий разрабатывается идея о связи событий, бытия событий и бытия самой реальности через длительность человеческой памяти, где память выступает в накопленном субъективными переживаниями образе объективной субстанции — длительности, лежащей в основе всех явлений.

Стремление А. Бергсона наполнить идеальное, модельное время конкретным содержанием во многом было обязано гегелевской трактовке этой категории. Выдерживая в целом абстрактно-логический, теоретико-познавательный подход, Гегель вносит новые акценты в содержательную характеристику этой категории. С точки зрения абсолютного Духа (абсолютного субъект-объекта) определяется атрибутивность времени. При этом обнаруживается, что время присуще не исключительно человеческому разуму, или явлениям объективного мира, т. е. чистому субъекту, или чистому объекту, но в нем сочетаются и субъективные и объективные элементы: «Время и есть наличное бытие...; во времени, следовательно, точка обладает действительностью»⁴. Время у Гегеля соотносено с динамичной временной реальностью: «не во времени все возникает и переходит, а само время есть это становление, есть возникновение и прехождение»⁵. Реальное во многом тождественно со временем и в этой соотношенности, тождественности — условии целостности времени.

Философские построения А. Бергсона нашли отклик в научном сообществе историков, поскольку ученым импонировал взгляд на время как непрерывную длительность. По их мнению, он создает возможность для достаточно эффективной методологии интерпретации истории.

Возможности конструктивной методологии истории убедительно продемонстрировал Ф. Бродель, создавший в своем фундаментальном труде «Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв.» достаточно широкую, но согласованную, цельную и ясную историческую картину.

Опираясь на концепцию «длительной временной протяженности», Ф. Бродель обнаруживает, что хозяйственная жизнь людей данного периода наряду с известными и давно освоенными в экономической науке измерениями включает и качественно иные слои, ускользавшие от описания. Так, экономика, «которую описывают предпочтительно — это так называемая рыночная экономика... А ведь под рынком простирается непрозрачная для взгляда зона, которую зачастую трудно наблюдать»⁶. Эту обширную зону Ф. Бродель обозначает как материальную жизнь или материальную цивилизацию, которая оказывалась наиболее фундаментальным, глубинным измерением хозяйственной жизни людей; рыночная экономика развивалась на ее базе, и, как правило, именно состоянии «материальной цивилизации» оказывалось границей развития рыночной стихии. Именно материальная цивилизация, крайне консервативная, но эволюционирующая в дли-

тельной временной перспективе, в конечном счете сделала возможной промышленную революцию.

Для обоснования этого тезиса Ф. Бродель подвергает анализу демографические процессы, историю продуктов питания, жилища и одежды, развитие техники, денежного обращения, процессы урбанизации. Во всех этих областях опора на концепцию «длительной временной протяженности» позволяет выделить медленный, подспудный рост, заложивший основу для коренной трансформации «материальной цивилизации» и всей хозяйственной жизни в целом в процессе промышленной революции.

Детальное описание «материальной цивилизации» позволило французскому историку перейти к рассмотрению рыночной экономики и дать характеристику их взаимосвязи. Картина хозяйственной жизни изучаемого периода усложняется выявлением второй, также непрозрачной зоны, существовавшей над сферой регулярного рыночного обмена, — зоны капитализма.

Таким образом, опираясь на концепцию «длительной временной протяженности», Ф. Бродель приходит к необходимости введения узлового понятия — «время мира», в котором «отражены те элементы, по которым можно судить о мощности пласта экономической жизни и ее характере»⁷. Эти пульсирующие точки истории (в данном случае — крупные города) помогают иерархизировать исторический многогранник вплоть до областей и регионов, абсолютно не затронутых этим «временем мира».

Понятийная сетка в рамках определенного «времени мира» может выбираться совершенно произвольно (инструментальные понятия: «город», «капитализм», «реформация», «мир-экономика» и др.), но в то же время за этой произвольностью скрыта необходимость культуры. Эту особенность отмечает Ф. Бродель: «некоторые процессы, протекавшие между XV и XVIII в., нуждаются в особом названии. Присмотревшись к ним, убеждаешься, что простое отнесение их к рыночной экономике в обычном понимании граничит с абсурдом. Слово же, которое при этом само приходит на ум, — это капитализм. В раздражении вы гоните его в дверь — оно тут же возвращается в окно. Ибо вы не находите для него адекватной замены — и это симптоматично»⁸.

Таким образом, очевидно, что как только наука вводит в свой аппарат понятие, она задает и некоторое представление о границах смысла, который оно отражает. Однако границы эти нельзя абсолютизировать. Теоретические понятия истории необходимы не столько для того, чтобы фиксировать результат эмпирического исследования, сколько для того, чтобы помогать исследователю увидеть историю живой, реальной. Инструментальный смысл понятий в таком исследовании очевиден. Тем не менее функциональность их должна быть дополнена и содержательными аспектами. Поэтому инструментальный характер исторических понятий предполагает тесную связь между раскрытием смысла исторической реальности и ее внутренней, собственной пространственно-временной определенностью.

Обосновывая эту позицию, М. Блок, стоявший у истоков новой французской исторической науки, писал: «Человеческое время всегда будет сопротивляться строгому однообразию и жесткому делению на отрезки, которые свойственны часам. Для него нужны единицы измерения, согласующиеся с его собственным ритмом»⁹. Тем самым подчеркивается, что задача исторических понятий должна состоять не в абстрагировании от живой истории, а в создании такого понятийного аппарата, который способствовал бы максимально точно (в плане соответствия) описанию, объяснению и пониманию реальных событий в их взаимосвязи.

Ассимиляция исторической наукой философских идей способствовала существенному развитию и сдвигу проблематики в области методологии истории. В частности, идеи А. Бергсона и выводы М. Блока свидетельствуют о признании важности индивидуализации в историческом познании. Об этом же говорили В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Но если развивать тезис М. Блока о необходимости поиска единиц измерения, согласующихся с собственным ритмом события в соответствии с методологической позицией баденской школы, то индивидуализация предстанет как единственная операциональная форма организации пространства социально-исторической науки.

С другой стороны, научное познание с необходимостью предполагает наличие в его исследовательских циклах процедур обобщения, генерализации. Поэтому методологической новацией французской исторической школы и стал поиск синтеза двух приемов анализа — структурно-функционального и генетического, методов генерализации и индивидуализации.

Неклассическая парадигма методологии социально-исторического познания вырабатывает достаточно перспективную организацию методов формирования исторических понятий, обозначая два основных направления. Во-первых, исследование рациональной методологии, когда логика образования понятий с необходимостью предусматривает процедуры формализации, абстрагирования. Но в социально-историческом познании этого недостаточно для выражения специфи-

ки исследуемой реальности. Сам предмет в данном случае инициирует задачу согласования генерализации с имманентно присущим индивидуальному историческому действию «собственным ритмом».

Методологическая задача, сформулированная французской исторической школой, реализуется в поиске конкретных путей этого синтеза, что является следующим важным шагом в развитии неклассической исторической науки. Важнейшей методологической процедурой, «ответственной» за инструментальное обеспечение этой поисковой ориентации и реализацию эвристических возможностей понятийного аппарата науки, является интерпретация. Поэтому она требует дополнительного обоснования.

Интерпретация как процедура имеет различные функции. Необходимость ее была осознана при исследовании проблем теории различной степени общности (фундаментальной, прикладной), а также механизмов взаимодействия эмпирического и теоретического уровней познания. Интерпретация обнаружила свою эвристическую роль в процедурах эмпирического уровня познания (эмпирическая, описательная интерпретация). В естественных науках ее роль видится в трансляции идеальных смыслов научной теории в эмпирический (опытный) язык исследования, что позволяет реализовать и проверить возможности теории по отношению к практике. Интерпретация содержит также описание условий деятельности ученого в конкретной поисковой ситуации, что подчеркивает в методологических процедурах факт присутствия объекта в форме деятельностного его освоения.

В социально-историческом познании задачи и методологическая развертка интерпретации представлены иначе. Здесь по линии погружения понятийного языка науки в контекст его истолкования достигается необходимая индивидуализация. Но при этом интерпретация не должна ограничивать возможности обращения к общему, схватывающему суть индивидуального и не существующему без него. Условия эффективности решения этой двухуровневой задачи с помощью процедуры интерпретации коренятся в самом предмете (исторической реальности). С одной стороны, историческое действие, событие имеет «собственный ритм», свою хронологическую структуру; с другой — в индивидуальном ритме уже закодирована эпоха (социокоды), т. е. то реально общее, которое пытается выявить историческая наука. Это определяет специфику процедуры интерпретации в социально-историческом познании. Она заключается в двойной обусловленности последней: во-первых, со стороны объекта (исторического события) и, во-вторых, интерпретация задается в пространстве субъект-объектного взаимодействия и определяется содержанием его ценностно-смысловой сферы, мировоззренческими приоритетами субъекта интерпретации.

Классическая методология в попытке разделения общего, универсального и единичного, индивидуального суживала понятийное поле науки до статуса лишь теоретического (содержательного) моделирования. В неклассической парадигме выработан иной подход. В частности, М. Блок предлагает использовать это понятийное поле не в алгоритмическом, а в чисто инструментальном ключе с учетом того, что понятия не несут готового содержания, а требуют особой процедуры соотнесения его с индивидуальным. Эти понятия отражают, реконструируют лишь культурный фон, который сопровождал определенное событийное действие и определял сознание его агента. В силу этого они выполняют функцию прояснения онтологического поля истории, исследуя которое ученый может выявить как закономерность процессов, так и их случайность, модификацию.

Новое понимание функций научных понятий в социально-историческом познании радикально изменило отношение историков к своей науке и методологии. Эта ситуация способствовала оформлению методологической школы и стала базовой для разработки неклассической парадигмы истории. Основным теоретическим элементом последней выступают методологические исследовательские программы, которые, предлагая максимальное число познавательных схем, позволяют осуществлять интерпретацию и освобождаться от классических стандартов научного мышления.

¹ Бергсон А. Творческая эволюция. М.; Спб., 1914. С. 267.

² Там же. С. 305.

³ Там же. С. 307, 319.

⁴ Гегель. Философия природы. М., 1975. Т. 2. С. 52.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. М., 1986. Т. 1. С. 33—34.

⁷ Там же. М., 1992. Т. 3. С. 37.

⁸ Он же. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 50.

⁹ Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М., 1986. С. 107.

Паліталогія Сацыялогія

Е. Л. СОСЛОВСКАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Одним из важнейших разделов политологии является теория международных политических отношений, куда включаются такие проблемы, как система международных отношений, ее развитие и функционирование, природа войн, проблемы внешней политики государств и мировой политики, пути укрепления всеобщего мира, проблемы нового политического мышления.

Приступая к изучению этих вопросов, необходимо выяснить прежде всего, что такое международные отношения. Международные отношения — это система реальных связей между государствами, выступающих и как результат их действий, и как своего рода среда, пространство, в котором существует мировая политика. Другими словами, международные отношения представляют собой совокупность политических, экономических, идеологических, правовых, дипломатических, военных и иных связей, которые являются результатом взаимодействия международных субъектов.

Международные отношения определяются соотношением и взаимодействием различных социальных сил, национальных политик; значительное влияние на них оказывают религиозные интересы, геополитические соображения, исторические традиции, личностные характеристики политических деятелей. Межклассовые отношения на мировой арене обретают своеобразные политические формы под воздействием общечеловеческого фактора. Сфера общечеловеческого — это сфера пересечения, совпадения интересов самых различных классов и социальных групп. Расширение этой сферы — одна из фундаментальных особенностей нашего времени. Но общечеловеческое не вытесняет классовое, а совмещается с ним, подчиняет его себе.

Система международных отношений включает в себя разнообразные виды и формы отношений, основными среди которых являются межгосударственные. Это прежде всего отношения суверенитета государств. Суверенитет означает, что данный социальный субъект не признает никакой высшей власти, кроме собственной, никаких обязательств, кроме добровольных или взятых под воздействием объективных обстоятельств.

Государство обладает в принципе полнотой и универсальностью политической власти, материальных возможностей. В его руках сосредоточены экономической, научно-технический потенциалы, военная сила и иные рычаги воздействия. Самые различные социально-политические силы современности видят в государстве главный инструмент осуществления собственных планов и целей. Поэтому они стремятся к получению возможностей если не контролировать государственный аппарат, то, по меньшей мере, влиять на него. Без поддержки государства сегодня практически невозможно развитие не только внутренних, но и интернациональных процессов, решение крупных задач социального или технического характера.

Важным субъектом международных отношений являются межгосударственные объединения. Они возникают для реализации определенных внешнеполитических целей государств-участников. Чаще всего исходным импульсом для создания соответствующего объединения становится наличие общего для всех участников интереса. Но нередко не меньшую объединительную роль играют и несовпадающие цели. Однако в том и другом случае расчет делается на то, что совокупное внешнее политическое воздействие объединения будет более результативным, чем индивидуальные усилия отдельных государств.

Иногда государства, претендующие на статус лидера объединения, стремятся сориентировать его общий курс в соответствии со своими интересами. Таким путем они пытаются укрепить свои позиции за счет более слабых союзников. Но и «аутсайдеры» возлагают надежды приобрести в союзах покровительство могущественных партнеров и сделать таким образом свой голос более «слышным» на международной арене. И на самом деле межгосударственное объединение имеет больше возможностей урегулировать отношения по спорным вопросам между двумя входящими в него государствами, чем две страны, не участвующие в подобной структуре взаимоотношений.

Важным элементом и субъектом международных отношений выступают международные организации. Международная организация играет относительно самостоятельную роль, вступая в межгосударственные отношения от своего собственного имени и в то же время представляя все участвующие в ней государства через свои решения, международные договоры и соглашения с различными международными субъектами. Будучи субъектом международных отношений, международная организация призвана играть конструктивную роль в развитии и упрочении международной законности, в укреплении взаимопонимания, в развитии и упрочении международной законности, в укреплении взаимопонимания, в развитии взаимовыгодных отношений, в решении спорных вопросов, в поддержании мира и безопасности. Критериями правомерности международной организации являются ее соответствие общепризнанным принципам международного права и содействие мирному сотрудничеству в различных областях.

Далее необходимо перейти к характеристике внешней политики государств, которую принято определять как их общий курс в международных делах. Она регулирует отношения данного государства с другими в соответствии со своими принципами и целями, путем различных средств и методов. Внешняя политика тесно связана с природой общественного строя, а стало быть — с его внутренней политикой. И внутренняя, и внешняя политика подчинены одной и той же цели — сохранению существующей системы общественных отношений, поэтому внешняя политика государства есть продолжение его внутренней политики. Но взаимосвязь и взаимодействие внутренней и внешней политики не исчерпываются тем, что внешняя политика есть простое продолжение внутренней. В рамках их общей задачи и внутренняя, и внешняя политика имеют свою специфику и отличительные черты.

Внутренняя политика охватывает основные направления деятельности государства, правящих партий. В зависимости от сферы общественных отношений, которые являются объектами политического воздействия, можно выделить социальную, экономическую, техническую, культурную политику и т. д. Специфичность внешней политики, в отличие от политики внутренней, обусловлена прежде всего тем, что все внешнеполитические цели реализуются на основе сложившейся системы международных отношений. И в этом главное отличие внешней политики от сферы внутренней, где государству обладает монополией на политическую власть даже при наличии сильной оппозиции, тогда как на международной арене нет единого центра власти. В системе международных отношений выступают государства, каждое из которых является в принципе равноправным субъектом этой системы и действует, исходя из своих интересов. Поскольку внешнеполитическая деятельность осуществляется в системе международных отношений, постольку она имеет относительную самостоятельность и может оказывать воздействие на внутреннюю политику. В современном мире это находит яркое выражение в прогрессирующей милитаризации экономики отдельных стран, разрастании военно-промышленного комплекса и т. д.

Главными целями внешней политики являются, во-первых, обеспечение безопасности данного государства, и во-вторых, создание необходимых и благоприятных условий для реализации основных целей и задач внутренней политики. В этой связи необходимо коротко остановиться на понятии «безопасность». В научной литературе употребляется два понятия: «национальная безопасность» и «государственная безопасность», что связано с двойной природой государства. С одной стороны, государство — это объединенное общество, которое может отстаивать свое право оставаться полноправным субъектом международных отношений. С другой стороны, каждое государство олицетворяет собой определенную социально-политическую систему, характерную для данного этапа данного общества. В таком аспекте группы, осуществляющие в нем политическую власть, охраняют безопасность государства как орудие своей власти.

Национальные и государственные интересы безопасности при определенных обстоятельствах могут либо частично или полностью совпадать, либо различаться, и притом существенно. Например, участие России в первой мировой войне не было связано с защитой национальных интересов, но победа в войне укрепила бы позиции самодержавия. При различных экстремальных ситуациях интересы безопасности государства могут оттеснять на второй план национальные интересы в их традиционном понимании.

Внешнеполитические цели реализуются различными средствами, главными из которых являются следующие.

1. **Политические средства** — дипломатия, т. е. официальная деятельность государств, правительств и специальных органов по осуществлению целей и задач внешней политики. Дипломатия в мирное время подчиняет все другие средства и обуславливает их соответствующее применение. Наиболее распространенными на практике дипломатическими методами являются официальные и иные визиты, переговоры, дипломатические конгрессы, конференции, совещания и встречи, подготовка и заключение двусторонних и многосторонних договоров, участие в работе международных организаций и их органов, представительство государств за границей, дипломатическая переписка и т. д.

2. **Идеологические средства.** Важными идеологическими средствами воздействия на мировую общественность являются внешнеполитическая пропаганда, а также культурные связи между государствами. Характер такого воздействия зависит от содержания тех произведений искусства, достижений культуры, науки, которые служат предметами культурного обмена.

3. **Экономические средства** — государственные товарные фонды, финансовые и денежные средства, достижения науки и техники, которые могут быть проданы, предоставлены в виде помощи или в кредит другому государству, а также специальные учреждения (внешнеторговые, внешнеэкономические, таможенный аппарат), проводящие соответствующую финансовую, торговую и таможенную политику. Значение экономических средств воздействия и их соотношение с политическими средствами неодинаково в различные эпохи и зависит от конкретных экономических условий страны.

4. **Военные средства.** Вооруженные силы могут быть использованы как средство шантажа, насилия в отношении других стран, как средство сдерживания агрессивных устремлений других государств. Война в истории человечества была неотъемлемым компонентом внешнеполитической деятельности государств и всей системы международных отношений. Традиционно считалось, что безопасность и равновесие в системе международных отношений можно обеспечить только военной силой.

Господствовало представление о войне как средстве продолжения политики. Поэтому к середине XX в. понятия «безопасность», «война» и «политика» сплелись в настолько тугую узел, что, казалось, никакая сила не может его разрубить. Однако этой силой оказалась сила атомного ядра. Ядерный конфликт представляет собой реальную угрозу уничтожения «бессмертного человечества» и тем самым политики, рассматривающей войну как средство своего продолжения.

Задача сохранения и выживания человечества — это примечательная черта современности — не может быть решена усилиями одних политиков, хотя их позиция оказывает существенное влияние на осуществление внешнеполитического курса (достаточно вспомнить представителей весьма сильного либерального течения в США — Дж. Кеннана, М. Банзингера, С. Хофмана, М. Шульмана и др.). В выполнении данной задачи все большую роль начинают играть мировое общественное мнение, различные политические силы и движения, независимо от их классовой принадлежности. Это — новый момент, заставляющий пересматривать традиционное определение политики и стиля политического мышления. Изменение характера политического мышления, теоретических основ внешнеполитических концепций происходит под влиянием ряда факторов, которые затрагивают интересы всех без исключения классов, наций, правительств. Это осознание того, что построение той или иной «глобальной» внешнеполитической концепции на основе какого-либо частного фактора, пусть даже и затрагивающего чьи-то опять-таки частные интересы, будет не чем иным, как попыткой навязывания глобалистских устремлений мировому сообществу.

Помимо всеобщего характера, факторы, влияющие на изменение философии основ внешнеполитического мышления, должны выражать глубинные, существенные тенденции мирового развития. Раскрытие этих тенденций выдвигает все более сложные требования перед политической наукой. Своевременный учет основных направлений развития социальной реальности, ее противоречий необходим для коррекции политических взглядов с целью недопущения их отставания от изменившегося базиса — совокупности объективных социально-экономических факторов существования человечества.

Характер и особенности современной эпохи выдвигают проблемы реального содержания политики, способной сохранить мир. Реальность нынешней ситуации состоит в том, что усиливается взаимозависимость различных государств. Она обусловлена развитием научно-технического прогресса, интернационализацией общественной жизни. Большую роль играет также растущее у людей с различными политическими, духовными, религиозными убеждениями осознание необходимости сотрудничества государств.

Руководствуясь новой философской концепцией мира, теоретики и практики разработали такие принципы и подходы к международной политике, которые характеризуются как новое политическое мышление. Оно включает: а) приоритет

общечеловеческих ценностей над классовыми; б) деидеологизацию международных отношений; в) разрешение всех проблем путем политического урегулирования.

Ю. И. МАЛЕВИЧ

ПРИНЦИПЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ АДМИНИСТРАЦИИ РИЧАРДА НИКСОНА

В новом обществе, которое строится в независимой Республике Беларусь, ведутся преобразования в политической системе, экономике и социальной сфере. Конституция Республики Беларусь базируется на идеях утверждения справедливого, демократического правового государства. Поэтому представляется актуальным изучение основных подходов и точек зрения на проблему использования концепции прав человека во внешней политике современной политологической наукой такого демократического государства, как США.

Цель настоящей публикации — проанализировать основные аспекты использования прав человека и свободы личности в международной политике США в период с 1968 по 1976 г., когда американская внешняя политика под влиянием Г. Киссинджера успешно и активно использовала мировое общественное мнение о правах человека для решения крупнейших политических и экономических проблем своего времени.

Для изучения механизмов использования идей прав человека в международной политике очень важно проследить путь преобразования этих идей и основных подходов к данной проблеме президентов США Ричарда Никсона и Джеральда Форда, во время правления которых различным образом использовалась концепция прав человека в государственной политике.

«Политология США традиционно основывается на постоянном декларировании неотъемлемых прав личности, прав человека. Данная позиция имеет в мире своеобразный резонанс, известный как американская традиция¹. Этот широко распространенный тезис принадлежит историку А. Шлесинджеру. История и политология изучают этическую и моральную природу «американской традиции» прав человека. Современный международный акцент на глобальные права человека хорошо согласуется с «американской традицией». Однако выявляется и целый ряд специфических проблем в концепции прав человека во внешней политике США.

Традиционно внешняя политика США широко использует права человека для решения своих геополитических задач. Лидеры США уже в XVIII в. предупреждали о важности подобных моральных принципов для развития демократии, опасаясь, что без реальных прав личности США станут рядовой имперской державой. Так, Д. Вашингтон в своем прощальном адресе народу предупреждал о подобной опасности.

Первоначально права человека дискутировались в правительстве Р. Никсона только как реакция администрации на специфические права человека (защита от насилия) в зарубежных странах.

Позже Г. Киссинджер выдвинул идею деления зарубежных по отношению к США стран на «дружественные» или «недружественные» на основе концепции прав человека. Это было связано с тем, что при Р. Никсоне события в Азии и на Ближнем Востоке впервые за послевоенные годы поставили под угрозу американскую политику глобального влияния и превосходства.

В это время в качестве главной цели администрации стала выдвигаться идея сдерживания СССР и ограничения его влияния на другие государства. Г. Киссинджером был изобретен механизм, связывающий права человека в СССР (диссиденты, отказники, религиозные притеснения, права евреев) с давлением на эту сверхдержаву в сфере международных отношений, экономических запретов и ограничений. При администрации Р. Никсона внешняя политика США первоначально только по отношению к странам Восточного блока и Третьего Мира стала напрямую зависеть от разработанной в США классификации стран на «дружественно-демократические», т. е. те, где права человека не нарушаются, и «тоталитарные», в которых эти права нарушаются. Хотя в самих США преследовались участники движения протеста против войны во Вьетнаме и допускалась дискриминация личности по цвету кожи. Эта политика во многом предопределила сближение целого ряда стран Третьего Мира с США. Во внешней политике по отношению к странам Восточного блока администрация Р. Никсона перестала активно эксплуатировать идею силового превосходства над СССР и начала использовать риторику паритетного равновесия сил с акцентом на преимущества США в области прав человека над всеми странами, ориентированными на СССР.

Г. Киссинджер был ведущим архитектором американской внешней политики 1969—1976 гг. Как руководитель национальной безопасности и позднее государ-

ственный секретарь главную цель американской внешней политики он видел в поиске новых механизмов сдерживания и ограничения влияния СССР в его стремлении к распространению коммунистической идеологии. В своей диссертации на данную тему Г. Киссинджер утверждал, что наступила пора ослабления силового напряжения между СССР и США и что необходимо снижение взаимного военного давления противоборствующих сил. Расширение восточно-западной торговли и снижение милитаристской риторики было частью нового процесса в США, направленного на достижение традиционной цели — ограничение влияния СССР. Вьетнамская война в данный период в США уже не рассматривалась как моральный крестовый поход на основы коммунизма и защиты демократических прав, а, скорее, воспринималась как часть борьбы за влияние в Азии властей США и СССР. В международных организациях представители США неоднократно декларировали, что Северный Вьетнам как территория, находящаяся под покровительством СССР, не должен был победить, поскольку это дестабилизировало бы паритетное соотношение сил, которое провозглашал Г. Киссинджер в качестве новой основы отношений между великими государствами.

Первоначально Г. Киссинджер не собирался уделять во внешней политике США особое внимание индивидуальным правам человека. Как ученый он писал, что «права человека относятся к внутренней политике и структуре государства»². Обсуждение проблем демократии и авторитаризма во внешней политике, по мнению Г. Киссинджера, усложняло национальную геостратегию. В первые годы пребывания в администрации Р. Никсона Г. Киссинджер был представителем «реалистической школы» мышления в американской иностранной политике и стоял на позициях критики «американской традиции» и в особенности попыток выделения моральных принципов и прав человека как критериев соотношения сил.

В период первого президентского срока Р. Никсон мало внимания уделял международно признанным правам человека во внешней политике США, исключая те позиции, которые могли бы быть использованы в стратегии сдерживания. Правительство США делало лишь особый упор на нарушении Северным Вьетнамом Женевских Конвенций, содержащих договор о захваченных в плен американских пилотах. Г. Киссинджер употребил все свое влияние, чтобы смягчить и переориентировать позицию конгресса по правам человека, ухудшающую советско-американские отношения.

Американская политология считает, что именно по этой причине идея тройной корзины Хельсинского договора зародилась у западноевропейских стран, а не у США. Только западноевропейские страны при подготовке «Хельсинского аккорда» первоначально хотели оказать давление на СССР из-за нарушений прав человека в контексте его возврата на стратегию свободной торговли с Западом.

В первом внешнеполитическом послании конгрессу 18 февраля 1970 г. Р. Никсон признал: «Существующий баланс ядерной мощи диктует необходимость делать главный упор на переговоры, а не на конфронтацию»³. Повышение объема восточно-западной торговли и снижение влияния «поджигательской» риторики потребовало обоснования нового подхода администрации Р. Никсона к поиску путей традиционного ограничения международного влияния СССР.

В данном контексте это означало, что Р. Никсон с Г. Киссинджером нацелили конгресс на мощное движение за возвращение проблемы международно признанных прав человека в американскую внешнюю политику после ее отсутствия в конгрессе около 20 лет. Сенатор Д. Фразер начал систематические слушания о нарушении прав человека в комитете по внешним связям и подкомитете по международным организациям и движениям. Его попытка обсудить международную характеристику прав человека как важнейшего компонента американской внешней политики, а не только как части антикоммунизма, имела значительный резонанс в конгрессе. Двухпартийная коалиция поддержала его усилия, направленные на отказ от стратегии двадцатипятилетнего глобального силового сдерживания коммунизма, стратегии, порожденной войной во Вьетнаме. К двухпартийной коалиции присоединились и другие силы конгресса, которые использовали эту доктрину как повод для снижения американских обязательств по защите демократических свобод в странах с нарушением прав человека.

Это движение внутри конгресса, приведшее к коалиции различных фракций, наиболее активно проявило себя в течение 1974—1978 гг. В результате конгрессом было принято огромное количество законов, связанных с правами человека, которые оказали заметное влияние на интерпретацию международных прав человека. Все эти законы составили свод, именуемый в американской политологии как «Общее законодательство по правам человека». Сюда вошли: общий закон о мерах по защите прав человека, закон об экономической помощи и закон, санкционирующий официальное избрание США лидером международных институтов развития, иначе называемых международными финансовыми институтами. Эти законы и международные акты, конкретизировавшие идеи Р. Никсона и Г. Киссинджера, позволяли учитывать нарушение прав человека в странах,

получающих международную помощь, и в зависимости от этого регулировать степень поддержки их со стороны США.

Кроме того, эти законы и акты предписывали, что торговля с коммунистическими странами и американский экспортно-импортный банк должны находиться под влиянием международных положений договора по правам человека. В дополнение к данному общему законодательству по правам человека конгресс под влиянием Р. Никсона принял законодательство по правам человека в «специфических», по американской терминологии, тоталитарных странах.

Следует подчеркнуть, что конгресс США, принявший специфически функционирующее законодательство по правам человека, значительно осложнил деятельность государственного департамента. Учрежденное в конгрессе Бюро по правам человека и гуманитарным связям составляло отчеты на основе общественного мнения по условиям выполнения прав человека во всех странах, членах ООН. От посольств конгресс требовал докладывать о шагах, которые они предпринимали против нарушения прав человека в странах их аккредитации. Международные финансовые фонды также принимали решения и действовали в зависимости от положения с гражданскими и политическими правами в развивающихся странах. Некоторые американские фонды развития настаивали на том, чтобы одобрять и поощрять деятельность лишь тех организаций, где соблюдались принципы демократии, например Международного Комитета Красного Креста.

Таким образом, администрация Р. Никсона под влиянием Г. Киссинджера впервые использовала права человека для решения своих внешнеполитических проблем. Эта концепция была активно поддержана конгрессом. Рассмотренное движение внутри конгресса достигло апогея в 1973—1974 гг. По историческому стечению обстоятельств без малого двадцать лет спустя после Эйзенхауэра конгресс вновь законодательно предписывал администрации США использовать в международной политике права человека, а не основываться лишь на позиции силы.

Все вышеизложенные законодательные акты послужили основой для целой серии международных программ, в том числе и для ООН, регламентирующих деятельность в области прав человека и их защиты. Основные идеи Р. Никсона и Г. Киссинджера по правам человека в международной политике получили развитие в период нахождения у власти президентов Дж. Форда, Дж. Картера и Р. Рейгана. Позже Г. Киссинджер говорил: «Администрации США поверили, что мы (т. е. США) должны помогать каждому усилию, направленному на повышение уважения к правам человека во всех мировых проблемах»⁴.

Особое значение проблема прав личности в США приобрела при президенте Рейгане. Он активно использовал концепцию прав человека во всех областях своей деятельности и в особенности во внешней политике для конфронтации с СССР и странами Восточного блока.

Сегодня политическая позиция США в сфере прав личности основывается на неделимости всех видов прав — политических, гражданских, экономических, социальных и культурных; важности национальных и этнических прав; необходимости расширения прав женщин и детей; наличии тесной взаимосвязи между внутригосударственными и международными процедурами защиты прав человека.

¹ Schlesinger Arthur // Human Rights and the American Tradition, Foreign Affairs 57. № 3 (America and the World, 1978). P. 503.

² Kissinger Henry. The White House Years. Boston; Brown, 1979. P. 229.

³ См.: История США: В 4 т. М., 1980. Т. 4 С. 385.

⁴ Kissinger Henry. United Nations Speech. Boston; Little; Brown, 1981. B. 2. P. 113.

С. В. ЛАПИНА

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Среди особенностей современного научного познания, исследуемых философами и социологами науки, ее методологами, на первый план выходят процессы интеграции, объединяющие разрозненные отрасли научного знания в единую систему. Имея под собой объективную основу в реальности, эти процессы интеграции на уровне научного знания выражаются прежде всего в том, что современная наука перешла к изучению сложных, «человеческоразмерных» объектов. Человеческая активность является неотъемлемой составной частью внутренней организации таких объектов, а обращение к ним мотивируется настолько глубоко проникновением в ходе научно-технической революции человеческой деятельности во все сферы действительности, что уже не представляется возможным изучать их без соотнесения с преобразующей активностью человека, руководящегося определенными целями и ценностями¹.

Включение человеческих, субъектных параметров в сферу интереса различных научных дисциплин тем самым может расцениваться как системообразующий фактор в общей системе научного знания. При этом сам человекоосоотнесенный, субъектный фактор интерпретируется по-разному, с учетом тех или иных традиций и подходов, сложившихся в различных науках, изучающих человека и общество. Однако представляется целесообразным среди всех подходов выделить собственно социологический, ориентированный на выявление и анализ характеристик сложной системы межсубъектных связей, опосредованных общественными отношениями.

Это связано с тем, что само появление «человекообразных» объектов в современном виде — результат сложной социальной эволюции, в которой социум повлиял не только на их естественно-природные параметры, но и в значительной степени преобразовал их антропологические характеристики. Так, локальные экосистемы — биогеоценозы — существовали, разумеется, до возникновения человека, но с его появлением и включением его активности в процессы геологической и биологической эволюции эти системы приобрели именно тот вид, который мы сейчас наблюдаем. Кроме того, включение человека в конкретные жизнеобеспечивающие системы актуализировало и развило у него именно те способности, которые были необходимы для функционирования целостных систем. В этом смысле не только глаз человека видит больше, чем глаз орла, но и глаза людей разных культурно-исторических формаций, относящихся к разным историческим эпохам и типам цивилизаций, видят тоже по-разному.

Таким образом, присутствие в объектах познания современной науки общих социологических параметров уже само по себе может расцениваться как интегрирующий фактор. Однако роль социологических составляющих этим не исчерпывается. В методологических исследованиях последних лет отчетливо обнаруживается обращенность к анализу социологических составляющих, реализующихся во всех компонентах научно-познавательной деятельности. И субъект познавательного взаимодействия должен рассматриваться в современном контексте как «система коллективной, межсубъектной деятельности»², и сам образ научно-познавательной деятельности «... должен также включать и «субъективные реальности» позиции исследователя, без которых наука невозможна»³.

Субъектная соотнесенность всех элементов познавательного процесса всегда была отличительной чертой социологического познания, которое, исследуя общество как систему взаимодействующих социальных субъектов, в то же время не могло игнорировать зависимость используемых форм и методов познания, а также содержания исходных концептуальных установок от социальной структуры общества, от социальной позиции субъектов познания, от социальных стереотипов, целей и задач, которые ставятся перед познающим субъектом обществом и им самим, ценностей, которыми он руководствуется и которые приняты в обществе. И то, что в современном научном познании в целом реализуются субъектные составляющие, неизбежно выводящие в сферу социологического анализа, подтверждает тот факт, что социологическое познание и его особенности приобретают общенаучную значимость.

Характерно, что к выводам о необходимости учета субъектных компонентов в структуре научного знания (и познания как процесса выработки научного знания) некоторые авторы приходят, не акцентируя внимания на собственно социологических параметрах этих субъектных составляющих. Так, создание субъектно-гуманистической модели научного знания, дополняющей «знаниевые» аспекты методологического анализа субъектными составляющими, мотивируется одним из ее авторов как реализация социального заказа, требующего приблизить методологию к новому, гуманистическому образу науки. По мнению В. А. Героименко, «структурная модель человеческого знания, лежащая в основе гуманистического образа науки, должна отражать общность и специфику знания на каждом из уровней субъектной организации познания (личность, научное сообщество, общество, человечество). Всякий ее структурный компонент (личностное, парадигмальное, объективированное и трансубъективное знание) имеет своего субъекта-носителя (соответствующий уровень из числа выделенных выше) и обладает своими особенностями человеко-субъектной принадлежности. Поэтому данную модель структуры и динамики человеческого знания логично назвать «субъектно-гуманистической», подчеркивая тем самым, что, во-первых, ее структурные элементы соответствуют основным уровням познающего субъекта и несут печать особенностей их организации; во-вторых, разработка данной модели ведется не в рамках абстрактно-субъектной гносеологии, а ориентирована на отражение и сугубо человеческих, гуманистических закономерностей развития научного знания, конструктивной роли человеческой субъективности, включая и личностную ее форму»⁴.

Следует отметить, что такой подход существенно расширяет представления о динамике научно-познавательной деятельности. Вводя в методологический анализ взаимодействие между субъектными уровнями научного знания, субъектно-гуманистическая модель неизбежно выводит на особые характеристики

этого межсубъектного взаимодействия. Не вызывает сомнений, что среди них, пожалуй, центральное место занимают социологические составляющие, потому что процесс формирования научного знания в его субъектно-гуманистической модели рассматривается как результат взаимодействия субъектов, представляющих собой социальные общности (научное сообщество, общество, человечество) или отдельных членов этих общностей (личность). В результате субъектно-гуманистическая модель органично вводит социологические характеристики в методологический анализ, хотя и осуществляющийся преимущественно в «знаниевой» плоскости.

Можно предположить, что эта же модель может быть экстраполирована на весь процесс познания, включая и характеристики его объекта, воспроизводимые субъектом в ходе познавательной деятельности. Тем более что и объект, и субъект современного научного познания, кроме своих традиционных характеристик («знаниевых» у субъекта, и предметных у объекта), включают параметры, порожденные межсубъектными отношениями. Такое представление субъектно-гуманистической модели научного познания расширяет ее и одновременно позволяет в логике современного научного познания в целом выделить особую линию и обозначить ее как логику социологического познания.

В ней некоторое множество отображений теоретических схем (I) на картину (картины) мира и эмпирический материал коррелируется с множеством возможных реализаций объекта научного познания (II). Первое (I) определяется особенностями субъектов познания, задается их социокультурными параметрами, занимающими в структуре познания уровень метатеоретических предпосылок и, как показывает опыт проводимых исследований, реально может воплощаться в некотором множестве теоретических моделей. Второе (II) отображает разброс возможных реализаций познаваемого объекта, в который органично встроены активный, действующий, наделенный сознанием и целеполагающий субъект.

И первое, и второе невозможно проанализировать вне учета собственно социологических параметров, задаваемых местом и ролью объекта познающего и субъекта-познаваемого в структуре социальной реальности. Принципы социальной дифференциации при этом могут пониматься по-разному. Но, будучи скоррелированы с социологическими характеристиками конкретных субъектов познания, они вполне смогут «работать».

Учесть такие корреляции возможно с помощью принципа моделирования, устанавливающего взаимно-однозначное соответствие между объектом познания и субъектными основаниями познавательного процесса; принципа, вводящего в процесс познания модели как образы познаваемого объекта и процесса познания, с включенными в них субъектными характеристиками.

Анализируя субъектно-гуманистическую модель научного познания, нельзя не прийти к выводу, что ее появление — не только реализация внешнего для науки социокультурного запроса. Расширение методологического анализа за счет субъектных, социологических составляющих обусловлено логикой развития самого научного познания, т. е. внутринаучными факторами. Социокультурная детерминация, которая так или иначе признавалась до сих пор методологами, философами и социологами науки, но чаще всего выносилась на уровень метатеоретических оснований науки, с помощью субъектно-гуманистической модели встраивается в весь ход познавательной деятельности.

Современные исследования показывают, что метатеоретические основания науки, коренящиеся в глубинах функционирования культур, ассимилирующихся в глобальных картинах мира, обнаруживают не только историческую, эпохально-культурную общность (именно на нее обращают внимание в первую очередь), но и существенную гетерогенность, разнородность, имевшую место в каждой эпохе, но особенно ярко проявившуюся на исходе нашего столетия.

Это можно объяснить тем, что в социологическом срезе культура никогда не была однородна. Обнаруживая ряд общих для конкретной исторической эпохи характеристик, на деле она всегда функционировала в форме различных субкультурных уровней. Можно по-разному подходить к анализу социальной стратификации культуры, кладя в ее основу разнопорядковые критерии: классовые, демографические, национально-этнические, этические, морально-правовые и т. д., но не замечать эти различия — опасное заблуждение. Исторический опыт показал, что чрезмерный оптимизм в оценке возможностей выравнивания культурных характеристик по вертикали и сближения их по горизонтали если и возможен, то лишь в перспективе, и, скорее всего, в плане диалога различных традиций.

Характерно, что типичные для тех или иных культур черты анализируются в ретроспективе: это и особенности древних культур, средневековой культуры, культуры зарождающегося капитализма и т. п. Что же касается современных культур, то, пожалуй, только отечественные культурологи и социологи чересчур однозначно были ориентированы на выявление и анализ общих, типобразующих качеств единой «социалистической по содержанию, национальной по форме и интернациональной по духу» культуре. Субкультурные различия трактовались ими как существенные или несущественные различия, которые должны быть в

скором времени преодолены. В зарубежной культурологии и социологии культуры исследованиям социокультурных различий уделялось гораздо больше внимания. Это нашло отражение в работе предыдущего Всемирного философского конгресса, посвященного проблемам взаимосвязи философии и культуры⁵. К выводам об усиливающейся культурной гетерогенности, определяющей процесс «демассофикации» современного общества, приходит и известный футуролог О. Тоффлер в одном из последних своих исследований⁶, результаты которого нашли отражение в его книге «Третья волна».

Комментируя и дополняя идею этой книги, автор в диалоге с Ф. Бурлацким отметил: «Я думаю, что для «второй волны» характерна массовая культура. («Первая волна» — это социальные изменения, связанные с аграрной революцией, «вторая волна» знаменует создание «индустриальной цивилизации» — С. Л.) Для «третьей волны» характерно отсутствие единой культуры. Постоянно меняющееся разнообразие новых культур. Что отсюда следует?.. Отсюда следует, что ни одна расовая или этническая культура, ни одна религия, ни одна национальность не может иметь монополии на лучшие способности, которые требует экономика «третьей волны». Каждая культура, будь-то вест-индская, алжирская, кубинская или корейская, подходит к «третьей волне» со своей психологией, со своим собственным национальным характером, развившимся на протяжении веков. Именно «матчевая встреча» между культурами прошлыми и возникающими культурами «третьей волны» будет определять, как различные нации будут существовать в новой цивилизации, где в значительно большей степени, чем в массовом обществе прошлого, будут представлять собой постоянно изменяющуюся мозаику мини-меньшинств».

Утверждения Тоффлера далеко не голословны. Даже на простейшем, научном уровне нельзя не обратить внимания на усиливающиеся в глобальных масштабах процессы социальной и культурной дифференциации, которые Тоффлер называет «демассофикацией». Демографы и социологи, обратив внимание на процессы этнической дифференциации, усилившиеся в последней трети нашего столетия, назвали это явление «этническим парадоксом современности»⁸.

Не менее яркие примеры можно увидеть в размежевании республик бывшего Советского Союза и аналогичных процессах среди стран бывшего социалистического содружества. Даже если по-разному оценивать эти явления, отдавая приоритет в их реализации внутренним или внешним факторам, пройти мимо процессов дезинтеграции, не заметив их, нельзя. Возможно, такая деструкция является основой будущей, качественно иной интеграции — но это, пожалуй, дело будущего. Сегодня же на первый план выходят процессы дифференциации во всех сферах жизни.

Усиление культурной гетерогенности представляет интерес и в плане изучения особенностей современного научного познания, потому что гетерогенная по форме и содержанию культура реализуется в деятельности различных субъектов, носителей культурных ценностей, в том числе и в деятельности познавательной. В научном познании эта реализация приобретает опосредованный характер, где роль опосредующего звена выполняют общая и специальная картины мира. В них происходит своеобразная селекция категориальных структур, функционирующих в культуре той или иной эпохи, в соответствии с внутринаучными идеалами и нормами. Внутринаучные критерии (идеалы и нормы объяснения и описания, доказательности и обоснованности знаний, их организации) позволяли классической и даже отчасти неклассической науке абстрагироваться от своего рода социокультурных aberrаций.

В современной науке субъектные, социокультурные параметры не могут быть вынесены за скобки, они включены в ткань научного познания, обнаруживаются во всех его структурных компонентах. В условиях усиливающейся культурной гетерогенности в глобальных картинах мира, редуцирующихся затем в общих научных и специальных научных картинах, обнаруживаются разнотипные категориальные структуры. В общеметодологическом плане их можно квалифицировать и как реалистические, и как диалектико-материалистические, и религиозно-мистические, причем и те, и другие, и третьи — в разнообразных вариациях. Представления о мире в глобальных картинах мира похожи на очень сложную мозаику, элементы которой имеют субъектную определенность. Ее учет в современном научном познании настолько же необходим, насколько и проблематичен в рамках традиционной, «знаниевой» модели научно-познавательной деятельности. Решить эту проблему позволяет субъектно-гуманистическая модель научного познания.

Роль этой модели в методологическом анализе возрастает и в связи с тем, что с ее помощью становятся понятнее особенности социологического познания: они видятся не только в его особой предметной области — социальной реальности и не только в особом субъектном подходе к ее познанию, а в органичном сочетании двух названных факторов, позволяющих свести воедино онтологические и методологические аспекты социологического познания. Социологическая специфика

органично входит в современное научное познание как единый социокультурный процесс, тем самым обеспечивая системную целостность современной науки.

¹ См.: Стёпин В. С. // *Философские науки*. 1989. № 7. С. 65—66; Он же // *Вопросы философии*. 1989. № 10. С. 3 и след.

² Лекторский В. А. *Субъект, объект, познание*. М., 1980. С. 180—181.

³ Швырёв В. С. // *Загадки человеческого понимания*. М., 1991. С. 14—15.

⁴ Героименко В. А. *Личностное знание и научное творчество*. Мн., 1989. С. 18.

⁵ См.: *Философия и культура*. XVII Всемирный философский конгресс: проблемы, дискуссии, суждения. М., 1987.

⁶ См.: Toffler A. *The third wave*. New York, 1980.

⁷ Бурлацкий Ф. *Новое мышление*. М., 1989. С. 22—23.

⁸ См.: Бромлей Ю. В. *Национальные процессы в СССР: в поисках новых решений*. М., 1988. С. 6—7.

А. Н. КРЫШТАФОВИЧ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИРМ

Одним из важнейших факторов конкурентоспособности фирмы на мировом рынке является фактор управления (менеджмента). Характерным признаком современных моделей управления является широкое использование новой информационной технологии.

Понятие новой информационной технологии (НИТ) лучше всего дано в определении В. И. Гриценко: «НИТ — совокупность внедряемых («встраиваемых») в системы организационного управления принципиально новых средств и методов обработки данных, представляющих собой передачу, хранение и отображение информационного продукта (данных, идей, знаний) с наименьшими затратами и в соответствии с закономерностями той социальной среды, где развивается НИТ»¹.

Главными элементами НИТ являются: аппаратные средства; виды деятельности, модифицируемые под воздействием НИТ; программы; персонал, работающий с НИТ; информационные массивы.

К аппаратным средствам НИТ относятся: видеоконференцсвязь, электронная почта, телефон (подвижная связь), телефакс, компьютеры с периферийным оборудованием, локальные и глобальные компьютерные сети, устройства считывания текстовой и фотографической информации.

При помощи НИТ чаще всего модифицируются (автоматизируются) такие виды деятельности фирмы, как проектирование, производственный контроль, контроль качества, технико-экономические расчеты, снабжение материалами, полуфабрикатами, управление запасами, управление сбытом, анализ рыночных тенденций, финансовые и бухгалтерские операции, управление кадрами, планирование и др.

Информационные массивы являются сердцем НИТ. В основном информационные массивы представляются в виде разнообразных баз данных, баз знаний (экспертные системы).

Потребность в использовании НИТ диктуется широким спектром решаемых с ее помощью управленческих, организационных, экономических и технологических задач. Прежде всего, использование НИТ позволяет повысить производительность интеллектуальной деятельности работников фирм и в первую очередь управленческого состава.

Повышение производительности интеллектуальной деятельности зависит от фактора времени, характера деятельности. Новая информационная технология существенно сокращает малопродуктивно используемое время, связанное с несодержательным преобразованием информации: печатание, передача сообщения, составление и копирование документов и т. д. Так, например, ежегодные исследования эффективности использования НИТ в деятельности коммивояжеров фирмы Kraislger выявили, что использование новой информационной технологии позволяет увеличить на 15—20 % время, связанное с посещением потенциально более выгодных покупателей, что принесло около 7 % прироста прибыли в год².

Высвободившееся в результате применения НИТ время может быть использовано интеллектуальными работниками для решения новых, более важных задач, что ведет к росту эффективности их деятельности. Кроме того, как правило, работа, связанная с несодержательным преобразованием информации, имеет рутинный, нетворческий характер, что является, по мнению экспертов, основным

источником неудовлетворенности работой у интеллектуальных работников. НИТ, устраняя данную причину, позволяет также изменить характер работы, связанной с содержательным преобразованием информации.

Под содержательным преобразованием информации автор понимает такое ее преобразование, которое позволяет получить новую информацию или повысить ценность уже имеющейся. Использование НИТ повышает творческий характер интеллектуальной деятельности. Оно позволяет накапливать большие массивы информации, делать более быстрый и качественный анализ и нагляднее представлять полученные выводы. Иллюстрацией здесь может служить использование НИТ специалистами по маркетингу фирмы IBM (североцентральное торговое отделение). На фирме использовалась программа LEASCALC, которая дала специалистам по маркетингу возможность быстро анализировать варианты аренды, получение информации по спискам работников вспомогательных служб; предложения по подготовке специалистов; описаний поступивших заявок; календарных дат мероприятий; библиографических данных на материалы по любой из 16 индустриальных групп. В результате скорость расчетов, распечатки и проверки информации повысилась более чем в 50 раз³.

Думается, что использование термина «производительность интеллектуальной деятельности» в научном плане не совсем корректно, ибо содержание его отличается от содержания понятия «производительность труда». Проблема здесь заключается в том, что измерить и оценить отдачу от повышения производительности интеллектуальной деятельности в тоннах, метрах или штуках трудно, а подчас и невозможно. Результаты интеллектуальной деятельности, как правило, проявляются в качестве управленческих решений, эффект от выполнения которых может быть как незначительным, локальным, так и глобальным. Поэтому на данном этапе разработки проблемы можно смело утверждать только то, что использование НИТ в целом повышает эффективность управления фирмой и в настоящее время является одним из важнейших факторов конкурентной борьбы и места фирмы на национальном, мировом рынках.

Кроме прямого воздействия на повышение производительности интеллектуальной деятельности работников фирм, НИТ оказывает и косвенное влияние на процесс управления, выражающееся в улучшении координации деятельности различных отделов и звеньев фирмы, осуществлении более качественного мониторинга работы подразделений.

На наш взгляд, помимо улучшения управления (повышения качества принимаемых решений) существует и второе стратегическое направление в области эффекта, который может дать применение НИТ для фирмы, а именно — снижение ее издержек. Оно связано с тем, что использование НИТ открывает такие источники экономии, как уменьшение производственных запасов, ускорение оборачиваемости капитала; уменьшение расходов за счет сокращения управленческого персонала и сокращения накладных расходов; снижение издержек, связанных с планированием, разработкой и внедрением новой продукции; сокращение издержек, связанных с реализацией товара.

Так, используя систему параллельного проектирования (глобальная компьютерная сеть), американская фирма Texas Instruments смогла вести разработку проектов одновременно в нескольких точках земного шара, что позволило ей использовать все выгоды специализации. Применение НИТ в сфере финансовых операций (единая система финансовой документации для всех подразделений фирмы; единая система стоимостных показателей; единый набор отчетов) дает возможность консолидировать финансовые показатели по отдельным отраслям деятельности, регионам или компаниям и моментально получать реальное и полное представление о финансовой стороне любой операции. В сфере снабжения 67 % заказов на поставку сырья и полуфабрикатов размещаются электронным способом благодаря освоению локальной компьютерной сети. В управлении сбытом 800 фирм потребителей и распространителей продукции компании также используют компьютерную сеть для реализации товаров. Этим охватывается 37 % всех заказов на поставку продукции. Кроме того, применение НИТ дало возможность сократить цикл «производство — сбыт», уменьшить количество сотрудников, занятых в управлении и, в конце концов, уменьшить стоимость выпускаемых изделий. В целом, использование НИТ в корпорации дает ежегодную экономию более чем на 30 млн дол.⁴

Несмотря на существенный экономический эффект, далеко не все фирмы внедряют у себя НИТ. Это связано с тем, что существуют проблемы ее использования. Прежде всего, максимальный эффект от использования НИТ достигается при неспорадическом использовании НИТ и при охвате наибольшего числа ее элементов. Для достижения значимого эффекта необходимо создание многофункциональной, интегрированной информационной системы т. е. такой системы, которая объединяет все учрежденческие средства и позволяет им максимально взаимодействовать. Для этого необходима разработка целостной концепции информатизации фирмы. Информационная система должна охватывать все уровни управления и влечет за собой изменение функций интеллектуальных работников,

структуры управления и процесса принятия управленческих решений. Все это диктует необходимость проведения предварительных исследований в области структуры рабочего времени интеллектуальных работников, характера их деятельности, информационных потоков, информационных ресурсов фирмы и т. д.

Внедрение НИТ требует положительного отношения интеллектуальных работников к данному процессу. Эта проблема решается при помощи обучения персонала работе с НИТ, учетом их мнения при создании и внедрении информационной системы фирмы. Важно, чтобы интеллектуальные работники имели четкое представление о новых задачах и условиях труда в связи с созданием информационной системы, а также знали, какие выгоды несет в себе внедрение НИТ для каждого из них и для фирмы в целом.

Информационная система фирмы должна иметь гибкий характер, т. е. должна иметь возможность достаточно гибко перестраиваться на решение новых задач. Это требует содержания штата высококвалифицированных программистов или затрат на покупку новых пакетов программ.

Эффект от использования НИТ тем выше, чем с большим потоком информации имеет дело фирма, что зависит от ее размера и от сферы деятельности. Зависимость здесь такова: чем крупнее фирма, тем больше информационного ресурса она использует для своего функционирования и тем выше необходимость и возможность эффективного функционирования НИТ. Это также накладывает определенные ограничения на эффективность использования НИТ фирмами. Ведь создание и поддержание функционирования НИТ в фирме требует значительных затрат как финансовых, так и интеллектуальных, что доступно далеко не всем. Однако выгоды от использования НИТ все более осознаются менеджментом, в первую очередь, крупных фирм, таких, как IBM, Texas Instruments, Kraiser и т. д., что является дополнительным аргументом актуальности данной проблемы и необходимости ее дальнейшего исследования.

¹ Гриценко В. И., Паньшин Б. Н. Информационная технология: вопросы развития и применения. Киев, 1988. С. 9.

² См.: Поппель Г., Голдстаин Б. Информационная технология — миллионные прибыли. М., 1990. С. 23.

³ Денисов Ю. Д. Информационные ресурсы в японской экономике. М., 1987. С. 192.

⁴ См.: Поль А. Страссман. Информация в век электроники. М., 1987. С. 240.

М. Н. БАЗЫЛЕВА

МОТИВАЦИЯ И СТИМУЛИРОВАНИЕ ТРУДА В СИСТЕМЕ МЕНЕДЖМЕНТА

На протяжении всей истории существования советской экономической науки, да и в нынешней отечественной социально-экономической литературе мотивация труда и стимулирование труда рассматривались и рассматриваются как равноценные понятия, как комплекс мер и средств, побуждающих работника к более активному труду. В капиталистической практике и в зарубежной буржуазной экономической литературе они давно разграничены и исследуются как вполне самостоятельные понятия или как парная социально-экономическая категория. Подобные подходы более всего характерны для теории и практики менеджмента.

Отдельно проблемами мотивации труда зарубежная экономическая наука обстоятельно начала заниматься в начале нынешнего века. Именно к этому времени в теории и практике менеджмента обнаружилась недостаточная производственная активность работника. Бытовавший прежде подход к работнику, сформулированный А. Смитом в виде концепции «экономического человека» и утверждавший, что человек всегда, когда ему предоставится возможность, будет стараться улучшить свое экономическое положение, оказался не совсем состоятельным и не отвечал новым запросам производства и социальным нуждам общества.

По мере того, как научно-технический прогресс, индустриализация и автоматизация производства начали разрушать характерные для психики человека групповые связи, работник становился одиноком на производстве и столь же одиноком в сфере социальных отношений. Эту отчужденность человеческого организма необходимо было преодолеть, обеспечив выход внутреннему стремлению человека к групповому коллективизму, сняв технические препятствия на этом пути. Из чисто технического звена предприятие необходимо было превратить в целостную социально-экономическую систему человеческих отношений. Налаживание новой системы отношений между людьми давало более существенный экономический эффект, чем прежние классические методы. Работники сильнее реагировали на действия своих коллег по работе, чем на действия «чистых администраторов» и управленцев. Это положение стало объектом исследования психологов, со-

циологов, экономистов, на основе чего и были разработаны основы мотивации труда.

Вместе с тем были определены приемы управления человеческими отношениями на производстве, включены в систему экономических отношений непосредственные контакты руководителей и исполнителей, работникам были предоставлены более широкие возможности общения, что положительно сказалось на результативности производственной деятельности. Это послужило сигналом к систематическому изучению проблем мотивации труда.

Итак, что же собой представляет мотивация труда и чем она отличается от стимулирования труда? Мотивы — это то, что побуждает людей к деятельности, ради чего она совершается. В широком смысле к мотивам в психологии относят потребности и инстинкты, влечения и эмоции, установки и идеалы. Короче говоря, это все то, чем руководствуется человек, включаясь в производственный процесс. Все перечисленные оттенки психологического состояния можно назвать побуждениями к труду. Важнейшими здесь выступают потребности и инстинкты. При этом, если инстинкты представляют собою совокупность сложных врожденных реакций или актов поведения организма (в данном случае на трудовую деятельность и присвоение ее результатов), потребности тесно связаны с текущими условиями жизни общества. Они представляют собою нужду в определенном количестве материальных и духовных благ, необходимых для обеспечения нормальной жизнедеятельности человека и его семьи.

Таким образом, потребности становятся внутренним побудителем трудовой активности. Потребности формируются обществом и зависят от уровня его социально-экономического развития. Свое воздействие на сознание человека и систему его потребностей общество (сознательно, целеустремленно или неосознанно) оказывает через механизм стимулирования труда.

Стимулирование есть комплекс экономических и морально-нравственных средств воздействия на сознание и поведение человека в целях активизации его производственной (или иного рода) деятельности. Стимул является внешним по отношению к мотиву деятельности фактором, хотя и тесно связанным с ним. При этом мотивы могут существовать и реализовываться без использования стимулов, чего нельзя сказать о стимулах. Человек может трудиться по призванию, у него может быть свое хобби, деятельность может быть нравственной, религиозной приверженностью и т. д. Все это — мотивы деятельности, которые необязательно должны сопровождаться стимулированием труда. Стимул же, если он не сочетается с мотивами, становится бессмысленным, он не выразится ни в совершенствовании человека, ни в развитии производства или духовной сферы деятельности. Данное обстоятельство дает основание для рассмотрения мотивации и стимулирования труда как парной экономической категории.

Вместе с тем предыдущее рассуждение обосновывает правомерность их самостоятельного рассмотрения и изучения. Именно такой подход характерен для современной развитой капиталистической экономики, хотя, если посмотреть на этот процесс исторически, можно заметить, что движение к пониманию мотивации труда шло через стимулирование труда, понимание человека как социального существа формировалось через познание его «экономической» сущности.

Что касается концепции «экономического человека» в ее буржуазном восприятии, свою целостность и завершенность она получила в работах Ф. Тейлора. Не случайно его по праву считают отцом научного управления. В науке управления Ф. Тейлора, как и в механике Ньютона, траектории передвижения людей, инструментов и информации были строго рассчитаны, выверены до сантиметра и градуса. Движение любого тела в рациональном пространстве его системы происходило по строго заданным прямым, будь то расстановка рабочей силы, рационализация приемов, методов и условий труда, совершенствование нормирования и стимулирования труда. Его модель отвергала старую систему организации труда, допускавшую изрядную долю субъективного произвола и некомпетентности там, где должны царить объективность и строгий расчет: предприниматель по собственному усмотрению снижал рабочим расценки, по собственному вкусу подбирал оборудование и кадры. В научно организованном управлении, утверждал Ф. Тейлор, должны существовать объективные законы или истины, которым в равной мере обязаны подчиняться все: и администрация, и рабочие. Речь идет о стандартах и нормах труда. Они устанавливаются в научных экспериментах, но согласуются и принимаются обеими сторонами — работниками и работодателями. Их выполнение подкрепляется соответствующим стимулированием труда: высокая норма выработки давала рабочим более высокой заработной платы, а предпринимателю высокую прибыль.

Ф. Тейлор, наверное, был первым, кто от разговоров о низкой культуре труда, всеобщем неумении людей перешел к делу. Он экспериментально доказал, что бесполезные действия вынуждают затрачивать подчас не меньше сил и энергии, чем нужные и рациональные. К тому же они экономически непроизводительны. Так не лучше ли от них избавиться? Создавая идеальные прямые движений рабочих, отсекавшие всякие изгибы и отклонения, Ф. Тейлор в конечном итоге

стремился найти идеал эффективного труда. Движущий механизм его геометрии труда — принцип экономии сил — требовал, чтобы максимальный результат достигался при наименьших затратах.

Знаменитая система дифференциальной оплаты, с которой нередко отождествляют весь тейлоризм, строилась на простых и весьма эффективных принципах: хорошую работу надо поощрять, а плохую наказывать экономически. Когда разграничений нет, определяющей становится уравнительность, а именно уравниловка, по мнению Ф. Тейлора, характеризовала прежнюю систему управления и ее недостатки.

Тейлорова система организации труда явилась одновременно базой осуществления принципов капиталистического стимулирования труда. В ней был реализован капиталистический подход к реализации принципа распределения по количеству и качеству труда. Нет необходимости ныне отрицать, что он был заложен и в механизм действия социалистического принципа распределения материальных и духовных благ, но должного эффекта в экономике не получил, ибо реализовывался с учетом уравнительного распределения, а следовательно, означал шаг назад по сравнению с системой Ф. Тейлора. Последствия этого нам теперь хорошо известны.

Что касается капиталистического применения системы Ф. Тейлора, она была эффективно использована на производстве и не только использована, но и развита. Это развитие пошло по пути совершенствования мотивации труда, а значит, развития человеческого фактора. Советская же теория и практика затормозились на искаженной реализации принципа стимулирования труда. Уже в первой четверти нынешнего столетия классическая школа научного управления Ф. Тейлора начала дополняться элементами и принципами «школы человеческих отношений». В этом плане выделяются работы Г. Эмерсона и А. Файоля. Они отмечали, что вознаграждение работников не должно сводиться исключительно к заработной плате и премиям, а учитывать и нематериальные побудительные мотивы к труду. Предприятие будет функционировать тем лучше, чем здоровее, образованнее, добросовестнее будут его работники. Хозяин производства должен проявлять заботу о здоровье, силе и нравственности своего персонала. Эти элементы прогресса не приобретаются исключительно на предприятии, а формируются и совершенствуются также вне его: в семье, школе, в общественной жизни.

Переход к исследованию нематериальных факторов был связан с тем, что в результате внедрения в практику научного управления увеличилась производительность труда, поднялась эффективность производства. Это привело к улучшению жизни средних слоев населения. И чем больше она улучшалась, тем лучше управляющие стали понимать, что использование принципа «кнута и пряника» не всегда заставляет человека трудиться усерднее. Этот факт и обусловил появление «школы человеческих отношений». Однако и эта школа пока еще не смогла адекватно объяснить побудительные мотивы к труду. Как и в «школе научного управления», здесь преобладал принцип «экономичности» и «материальности» в мотивах деятельности людей. Однако рост общественного богатства и достатка семей работников показал, что «не хлебом единым жив человек»: по мере насыщения материальных запросов у него появляются другие интересы и иные жизненные запросы, все большую роль в действиях людей начинают играть сознание и не только сознание, но и психо-физиологические мотивы поведения. На этой основе постепенно сформировалась «поведенческая школа» в трактовке сущности мотивации человеческого труда или бихевиоризм (от англ. behaviour — поведение).

Исходная посылка бихевиоризма заключается в необходимости изучения поведения человека, которое формируется в результате взаимодействия стимулов и реакций на них. В итоге якобы из «проб и ошибок» закрепляются положительные реакции на стимулы, что создает основу для их последующего воспроизведения. Классический бихевиоризм игнорировал роль воли и сознания человека, за что он подвергался вполне обоснованной критике. Поэтому современные представители «поведенческой школы» включают в связь «стимулы — отклик» промежуточные познавательные и побудительные факторы, преимущественно социального свойства, придавая тем самым большее значение роли коллективов работников, общественной среде в развитии мотивационных начал деятельности работников.

Под влиянием теории бихевиоризма началась психологизация экономической науки, появились утверждения, что кроме трех основных факторов (земля, труд и капитал) необходимо включать дополнительный четвертый «икс-фактор», под которым понимались усилия наемного работника. Эти усилия должны формироваться под воздействием иных, неэкономических сил. В результате сфера производственной деятельности начала активно наполняться психологами и социологами. Функции менеджмента начали как бы раздваиваться: с одной стороны, в качестве производственной фигуры выступал менеджер (организатор производства), а с другой — в качестве его советчиков и консультантов фигурировали психологи, педагоги, социологи, юристы. Ожидаемый результат деятельности

работника выступал функцией деятельности всех перечисленных лиц. Утверждалось, что результативность труда обусловливается комплексом ожидаемых полезных свойств, что обеспечивает закрепление, повторяемость соответствующего поведения и выработку привычек, структуры и типа поведения. В этом же направлении действует социальная среда, создаваемая родителями, друзьями, церковью, общественными организациями, и они все как комплекс факторов усиливают результативность труда.

Конечно, в теории поведенческой школы, как и в предшествующих ей школах мотивационной и стимулирующей деятельности, есть негативные моменты, но несомненно, что обстоятельный подход к изучению анализируемых категорий и практическое использование результатов научного поиска окажется полезным развивающемуся предпринимательству в условиях рыночных отношений.

Л. Н. ГРЯЗНОВА

БИЗНЕС ЖЕНЩИН В БЕЛАРУСИ

В современных социальных исследованиях все больше внимания уделяется гендерной* специфике, анализу особенностей социального положения женщин. Данный аспект обусловливается ограниченными возможностями женщин на рынке труда и в профессиональной мобильности, предпринимательской деятельности и политике.

Доля женщин среди предпринимателей, как и число самих предпринимателей, государственной статистикой Беларуси не фиксируется. Данные об участии женщин на предприятиях рыночного типа (на малых предприятиях — 28,2 %, в обществах с ограниченной ответственностью — 29,9, кооперативах — 20,8 %) отражают лишь численность женщин, занятых на этих предприятиях¹.

Определение доли женщин среди предпринимателей возможно с помощью данных налоговых инспекций и контент-анализа газетных сообщений. В 1993 г. были проанализированы первичные документы регистрации негосударственных предприятий (1748 документов) и первичные документы регистрации предпринимателей без образования юридического лица (698 документов) в трех районных налоговых инспекциях Минска. Среди руководителей негосударственных предприятий женщин насчитывается 8,2 %, среди предпринимателей без образования юридического лица — 27,3 %. Данные различия не случайны: чем мельче бизнес, тем больше в нем женщин. Поэтому среди предпринимателей без образования юридического лица, в основном занимающихся мелким бизнесом, доля женщин в несколько раз больше, чем среди предпринимателей, занимающихся средним и крупным бизнесом. К среднему и крупному бизнесу можно отнести не только негосударственные, но и государственные предприятия, а их руководителей — к таким же бизнесменам, как и владельцев частных фирм. Доля женщин среди руководителей государственных предприятий, по статистическим данным 1989 г., составляла 5,8 %.

По результатам контент-анализа газетных сообщений о бизнесменах и руководителях государственных предприятий, число женщин составляет 24,3 %. Кроме этого, контент-анализ позволяет выявить гендерную структуру предпринимателей в крупном, среднем и малом бизнесе. К крупным предпринимателям отнесены руководители государственных предприятий, руководители негосударственных предприятий, тесно связанные с прежней номенклатурой. По результатам контент-анализа, в число крупных предпринимателей входит 34,7 % нынешней экономической элиты, женщин — 6,2 %.

К мелким предпринимателям и самозанятым отнесены коммерческие туристы, мелкие торговцы. Их среди всех предпринимателей насчитывается 43,6 %, доля женщин в этой группе — 50,0 %. К средним предпринимателям причислены все те, кто не вошел ни в первую, ни во вторую группы. Это руководители негосударственных предприятий, не имеющие связей с прежней номенклатурой, ведущие бизнес в средних масштабах. Их доля среди современной экономической элиты составляет 27,7, женщин среди них — 20 %.

Данные контент-анализа подтверждают обратную зависимость между размером бизнеса и числом женщин-предпринимателей. В крупном бизнесе женщин — 6,2, в среднем — 27,7, в малом (самозанятости) — 50 %. Пирамида участия женщин в предпринимательстве напоминает пирамиду их участия в сфере занятости. Как известно, в сфере занятости чем выше уровень квалификации, тем меньше женщин. Неравные возможности женщин в предпринимательстве и занятости обуславливаются неравным распределением обязанностей в домашнем хозяйстве и воспитании детей, а также патриархальными стереотипами, доминирующими в обществе. По данным социологического опроса, проведенного в 1993 г. среди жителей Минска, мужчины почти в два раза меньше занимаются воспитанием

* Гендер — пол в социальном смысле.

детей и домашним хозяйством, чем женщины. Неравенство мужчин с женщинами в воспитании детей оценено 5,5 баллами, а в ведении домашнего хозяйства — 4,4 баллами (где 10-балльная оценка означает стопроцентное равенство, 0 баллов — абсолютное неравенство). Замужние женщины с детьми, выполняя семейные функции, как правило, не являются полноценными конкурентами на рынке труда, а тем более в бизнесе.

Сравнение шансов мужчин и женщин в сфере предпринимательства не должно рождать иллюзии о гомогенности этих групп. Женщины-предприниматели такая же социально неоднородная группа, как и мужчины-предприниматели. По своему социальному статусу они могут быть подразделены не только на тех, кто ведет бизнес в разных масштабах, но и на тех, кто имел связь с номенклатурой — прежней экономической элитой. Из-за неразвитости у нас бизнеса и его связей со структурой плановой экономики тот, кто сегодня ведет бизнес в крупном масштабе, раньше был тесно связан с номенклатурой, а тот, кто такой связи не имел, пока занимается мелким и средним бизнесом. По данным контент-анализа, женщин-предпринимателей можно разделить на три группы: крупные предпринимательницы, имевшие связь с номенклатурой (7,7 %), предпринимательницы, ведущие бизнес в среднем масштабе, не входившие в прежнюю экономическую элиту (15,1), предпринимательницы, ведущие бизнес в малых масштабах и не имевшие связи с номенклатурой (77,2 %).

Неоднороден и профессиональный статус женщин-предпринимателей. С помощью данных первичных документов регистрации предпринимателей без образования юридического лица выявлена доля различных социально-профессиональных групп женщин-предпринимателей и самозанятых. В 1993 г. самыми многочисленными в этой группе оказались домохозяйки (35,9), затем женщины — руководители и ИТР (18,8), научные и творческие работники, преподаватели и программисты (14,8), пенсионерки (12,5), торговые работники (10,3) и рабочие (7,4 %). Большая доля домохозяек в этой группе предпринимательниц свидетельствует о том, что предприниматели без образования юридического лица — это люди, ведущие малый бизнес или самозанятые. Для них бизнес — не накопление капитала, а средство выживания.

Социально неоднородный состав предпринимательниц в Беларуси отражает неоднородность социальных факторов, побуждающих женщин к предпринимательской деятельности. Для одних женщин, занявшихся бизнесом, важнейшим фактором является их связь с прежней экономической элитой. Директор государственного предприятия автоматически сегодня становится предпринимателем, управляя государственным предприятием по тем же правилам, как и частным. Для других женщин, занимавших должности в государственных организациях, важнейшим фактором перемен деятельности и выбора предпринимательства оказались дискриминационные ограничения в продвижении их по службе. Для третьих, безработных или имеющих низкие доходы, важнейшим фактором предпринимательства (самозанятости) стали безработица и нужда.

Такая активная предпринимательская деятельность женщин в Беларуси обуславливается и общим для женской группы высоким уровнем занятости и образования. В республике уровень занятости женщин намного превышает западноевропейский. В 1993 г. доля белорусских женщин среди занятых составляла 53, в странах ЕС — 40 %². Почти стопроцентное использование женской рабочей силы плановой экономикой создало, с одной стороны, проблемы сочетания общественной и домашней занятости, с другой — дало женщинам квалификацию, трудовой опыт, связи и знания об экономической деятельности. Более высокий уровень образования женщин (60,1 % специалистов с высшим и средним образованием)³ дал женской группе потенциальные возможности для освоения новой сферы деятельности.

Вхождение в рынок труда (получение работы) создает для женщин большие препятствия. Не все рабочие места им доступны, не все вакансии им предоставляются. Общественное мнение фиксирует гендерное неравенство среди безработных, где женщин — более 70 %⁴. Такой высокий удельный вес женщин-безработных — результат не только структурной экономической перестройки, но и следствием ненормально высокого уровня занятости женщин в советской экономике. По семейным обстоятельствам не все женщины трудоспособного возраста могут работать в народном хозяйстве, но почти 80 % их работало⁵. Естественно, часть женщин была занята на таких рабочих местах, где не требовалась полная трудовая отдача, составляя тем самым скрытый резерв рабочей силы. Это было удобно для самих женщин (такой труд они могли сочетать с домашними обязанностями), для предприятий, раздувающих штаты и получающих для этого финансирование, и для государства, не выплачивающего пособия по безработице и не создающего системы частичной занятости.

Оплата труда пока в меньшей степени, чем получение работы, ограничивает возможности женщин. 7,5 баллов почти соответствуют данным о соотношении доходов рабочих-женщин к доходам рабочих-мужчин (70 %) ⁶. Несмотря на принцип равной оплаты за равный труд, гендерное неравенство существует,

поскольку доступ женщин к высокооплачиваемым рабочим местам и должностям затруднен их более низкой квалификацией и патриархальными общественными взглядами. С усилением рыночных преобразований и сужением спроса на рынке труда стелень гендерного неравенства в оплате труда возрастает.

Продвижение по службе или вертикальная мобильность — сфера занятости, где женщины сталкиваются с наибольшими ограничениями. Об этом свидетельствуют не только результаты социологического опроса (5 баллов), но и статистические данные о численности женщин в сфере политической деятельности. Общественное мнение фиксирует наибольшее неравенство возможностей женщин и мужчин в политике, отражая объективные и субъективные проблемы продвижения женщин, а также характер политической деятельности. Структура государственных учреждений, не имея достаточных стимулов к эффективной деятельности, воспроизводит особый механизм вертикальной мобильности кадров. Вместо принципа карьеры, продвигающего наиболее компетентные кадры, доминирует принцип иерархического торга, из-за которого дискриминации подвергаются специалисты-мужчины и двойной дискриминации специалисты-женщины.

По сравнению с вертикальной мобильностью и политикой бизнес оказывается более равноправной и справедливой сферой деятельности. Относительно высокий балл равенства возможностей мужчин и женщин (6,3 балла) в бизнесе свидетельствует о том, что здесь способности индивида оцениваются более адекватно и меньше зависят от пола. Бизнес по сравнению с вертикальной мобильностью и политикой выступает более демократичной сферой деятельности, несущей новые экономические и культурные традиции.

Отношение к предпринимательству женщин неоднозначно. Одни совершенно нейтрально относятся к этому явлению или уважительно оценивают активность женщин. Другие считают необходимым оказывать особую государственную поддержку предпринимательству женщин на том основании, что они имеют более низкий социальный статус, заняты менее квалифицированным трудом и владеют меньшей долей собственности. Но, во-первых, бизнес — не сфера социальных благостей, где государство может отдавать предпочтения одним перед другими. Если такое предположить, то приоритет женского предпринимательства над мужским приведет к всеобщему «женскому» предпринимательству (у бизнесменов есть жены и тещи, и они переоформят фирмы на их имена). Во-вторых, государственная социальная поддержка женщин-предпринимателей будет относиться не к социально уязвимым группам (одиноким матерям и т. п.), а к слою богатых женщин. В бизнесе государственная поддержка нужна тем, кто начинает заниматься мелким бизнесом. В таком случае она распространяется и на мужчин, и на женщин. В-третьих, радикальные феминисты, выступающие за всеобщую поддержку женщин, смешивают правила функционирования семьи и общества. Считая женщин хранительницами семейных правил и традиций, они думают, что общественная поддержка женщин поможет изменить общество, придав ему гуманный, семейный характер. Но общество развивается по иным законам, чем семья, поэтому нельзя переносить нормы и правила одной сферы в другую. Об этом предупреждает Фридрих Хайек: «Если бы нам приходилось однозначно, ничем не смягчая и не корректируя, переносить правила микрокосма (т. е. малой группы... скажем наших семей) на макрокосм (на более широкий мир нашей цивилизации), к чему нас нередко подталкивают наши инстинкты и sentimentальные порывы, то мы разрушили бы макрокосм. Вместе с тем если бы мы всегда применяли правила расширенного порядка в нашем более интимном кругу общения, то мы бы уничтожили его. Следовательно, мы должны научиться жить в двух мирах одновременно»⁷.

¹ См.: Женщины Республики Беларусь (Статистический материал). Мн., 1993. С. 172.

² Там же. С. 15; Employment in Europe 1991. Luxemburg, 1991. P. 143.

³ См.: Женщины Республики Беларусь. С. 12.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Там же. С. 3, 15.

⁶ См.: Голоденко В., Страхова Е. // ЭКО. 1990. № 8. С. 57—58.

⁷ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М., 1992. С. 36.

В. М. ХОМИЧ

ОСУЖДЕНИЕ БЕЗ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ КАК МЕРА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ, СОДЕРЖАНИЕ

Осуждение без назначения наказания как форма реакции на совершенное преступление известна нашему уголовному законодательству давно. Статья 48, ч. 2 УК Беларуси 1960 г. предусматривает: лицо, совершившее преступление, может быть по приговору суда освобождено от наказания, если в дальнейшем безупречным поведением и честным отношением к труду это лицо ко времени рассмотрения дела в суде докажет, что оно уже не может считаться общественно опасным. В этом случае суд выносит обвинительный приговор без назначения наказания. После вступления приговора в силу, как это ни странно, все уголовно-правовые последствия совершенного осужденным преступления прекращались. Если быть точным с правовой точки зрения, то заканчивалось собственно применение уголовной ответственности, которая в таких случаях сводилась только к факту осуждения (вынесению обвинительного приговора). В соответствии с п. 1 ст. 54 УК 1960 г. вынесение обвинительного приговора на основании ч. 2 ст. 48 УК не порождало для осужденного после вступления такого приговора в законную силу режима осуждения (судимости). Уголовная ответственность ограничивалась только сугубо риторическим (оценочно-осуждающим) актом осуждения. Такая урезанность уголовной ответственности — следствие неопределенности в принадлежности рассматриваемой нормы к соответствующему институту уголовного права.

Если строго логически исходить из системы УК 1960 г. и места в ней анализируемой нормы, то следовало бы признать, что ч. 2 ст. 48 УК предусматривает и закрепляет одну из возможных форм освобождения виновного в преступлении от наказания. На самом же деле здесь проявился феномен уголовной ответственности без применения наказания, который, будучи до конца непонятым как разработчиками УК, так и законодателем, без всяких на то оснований был «привязан» к институту освобождения от наказания. В силу несовершенства законодательного оформления в целом института уголовной ответственности в УК 1960 г. осуждение без назначения наказания (ч. 2 ст. 48) в теории, да и в деятельности судебных органов, рассматривалось как форма освобождения осужденного от наказания. Если учесть, что уголовная ответственность обычно отождествлялась с наказанием, то само освобождение от наказания (без определенных обязательств осужденного оправдывать своим поведением отпущенное ему «прощение») не могло восприниматься осужденным как факт возложения на него уголовной ответственности, направленной на предупреждение его новых преступлений. Правда, в законе оговаривалось, что такое освобождение от наказания по приговору суда допускается, если виновный после совершения преступления примерным поведением и честным отношением к труду доказал свою лояльность и более не может считаться общественно опасным. Обстоятельства эти действительно веские, но психологически они не поддаются точной и адекватной проверке в суде и поэтому не могут служить основанием для снятия с виновного всех правовых последствий совершенного им преступления. Психологически всякий нарушитель закона, если для него это пока единственный эпизод в жизни, будет пытаться наряду с самооправданием заглаживать своим поведением негативный резонанс своего поступка. Не исключено, что это может быть сделано без искреннего

раскаяния, а только ради того, чтобы добиться прощения. Допустимо ли в таких случаях после вынесения обвинительного приговора без наказания считать виновного в преступлении не имеющим судимости?

Исключение судимости в указанных случаях устраняет возможность рассматривать новое преступление, вскоре совершенное таким лицом, как повторное. В случае же совершения впервые таких преступлений, как кража (ч. 1 ст. 87 УК), умышленное легкое телесное повреждение (ч. 1 ст. 110 УК), хулиганство (ч. 1 ст. 201 УК), применение ч. 2 ст. 48 УК даже при наличии смягчающих обстоятельств весьма проблематично, поскольку уровень рецидива этих преступлений достаточно высок. Отсюда ч. 2 ст. 48 УК 1960 г. на практике применялась крайне редко. Применению этой нормы препятствовало и то обстоятельство, что в диспозиции данной нормы не указывалось на степень опасности преступления, совершение которого служило бы основанием для применения ч. 2 ст. 48 УК. Очевидно, это также было сделано не случайно. В судебной практике, поскольку не было ясности в применении данной нормы, она была, по существу, забыта, хотя в контексте оснований применения ч. 2 ст. 48 УК лицо, совершившее преступление, могло быть сочтено утратившим общественную опасность, если: 1) совершенное преступление не представляет значительной опасности и 2) после совершения преступления прошло достаточное время, чтобы на основе оценки поведения лица к моменту вынесения приговора сделать вывод о его неопасности для общества. Что касается первого условия, то его содержание вполне понятно, хотя высказывалось мнение, что освобождение от наказания в порядке ч. 2 ст. 48 УК может иметь место и при совершении преступлений более высокой степени общественной опасности и даже тяжких. В проекте Уголовного кодекса это условие сформулировано следующим образом: «Если в процессе судебного рассмотрения уголовного дела лица, совершившего преступление, не являющееся тяжким, ...» (ст. 69). Таким образом, осуждение без назначения наказания возможно только при совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности, или менее тяжких преступлений. Даже при тех новеллах в понимании содержания уголовной ответственности, которые, по предложению автора, приняты в проекте УК, осуждение без назначения наказания оправдано и допустимо только при совершении преступлений, опасность которых незначительна и с учетом личности виновного позволяет прогнозировать возможность ресоциализации без применения наказания, но посредством установления режима контролируемого испытания осужденного.

Много вопросов вызывает второе условие, которое без существенных изменений воспроизведено и в проекте УК: осуждение без назначения наказания возможно, если будет признано, что безупречным поведением после совершения преступления это лицо доказало, что не является более общественно опасным. В этом случае суд с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления может вынести такому лицу обвинительный приговор без назначения наказания. Парадокс в том, что уголовной ответственности подвергается виновный в преступлении, который к моменту рассмотрения дела в суде не может быть сочтен опасным для общества (?) — таково требование анализируемого условия. Если это действительно так, то привлечение к уголовной ответственности излишне, поскольку целью ответственности является ресоциализация виновного, представляющего общественную опасность в связи с совершенным преступлением. Ответственность применяется за прошлое преступление (это ее основание) и в целях исключения возможности осужденного совершать новые преступления в будущем. В проекте УК закрепляется положение, что осуждение без наказания применяется, если будет установлено, что к моменту рассмотрения дела в суде виновный более не может быть сочтен опасным для общества. Это значит, что та социально-значимая и прогнозируемая цель, которая обосновывает необходимость и оправдывает применение к виновному в преступлении уголовной ответственности, уже достигнута: непонятно только, каким образом. Если предположить, что уголовная ответственность в данном случае должна решать общепреventивную задачу и в этом, дескать, находить свое оправдание, то с этим можно было бы согласиться, став на позицию приоритета государственных интересов над человеческими. Между тем достигнутый уровень цивилизации не позволяет сегодня решать исконно государственную задачу (предупреждение преступности) путем ущемления гарантий свободы и прав человека, хотя бы и виновного в совершении преступления. Для нас это обстоятельство пока новое и мы пока только ощущаем его призрачное дыхание, не видя в нем нашего спасения. Разве не странным сегодня видится нам призыв москвичей в дни октябрьских событий выйти на улицу и защищать свое государство, хотя должно быть наоборот. Современная западноевропейская доктрина уголовного права в обосновании уголовной ответственности исходит из цели индивидуальной превенции и ресоциализации виновного, приведения его в безопасное для общества состояние. Поэтому в изложенном виде второе условие осуждения без назначения наказания выглядит весьма уязвимым и в теоретическом плане.

Есть и другая неразрешимая проблема в такой формулировке данного условия. Вряд ли на основе поведения виновного до суда возможно сделать вывод о его социальной неопасности в будущем. Состояние виновного, предшествующее ожиданию суда, который призван решить его участь в контексте возможной ответственности, вряд ли может быть адекватным материалом, постулирующим вывод суда о социальной неопасности виновного. По крайней мере, решение суда не может основываться на обстоятельствах, достоверность которых сомнительна.

Наконец, уголовная ответственность как наиболее суровая форма государственного воздействия не единственная в системе видов правовой ответственности. Более того, сам уголовный закон допускает возможность освобождения от уголовной ответственности в случаях, когда в ее применении нет необходимости. И такая возможность предусматривается частью второй ст. 75 проекта УК (освобождение от уголовной ответственности в силу утраты лицом общественной опасности): «Лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, может быть освобождено судом от уголовной ответственности, если после совершения преступления оно искренне раскаялось, явилось с повинной и принятыми этим лицом мерами наступление вредных последствий было предотвращено или причиненный вред заглажен». Условия применения ст. 75 УК по своей сути тождественны условиям, указанным в ст. 69 УК (ч. 2 ст. 48 УК 1960 г.). В обоих случаях лицо, совершившее преступление, ко времени рассмотрения дела в суде не может быть более сочтено общественно опасным. Но в одном случае оно привлекается к уголовной ответственности, а в другом суд освобождает виновного от уголовной ответственности. Между тем если лицо, совершившее преступление небольшой общественной опасности, к моменту рассмотрения дела в суде не может быть более сочтено опасным для общества, оно должно освобождаться по общему правилу от уголовной ответственности. Однако заметим, что в случае, предусмотренном ст. 75 УК, суд приходит к такому выводу в силу обстоятельств вполне репрезентативного поведения виновного: виновный явился с повинной, искренне раскаялся и предотвратил наступление вредных последствий или возместил причиненный вред. Эти обстоятельства в совокупности с иными могут свидетельствовать об утрате виновным общественной опасности. При полной уверенности суда в этом он может принять решение об освобождении виновного от уголовной ответственности. Если у суда нет такой уверенности, то виновный должен быть привлечен к уголовной ответственности. Другое дело, какой должна быть уголовная ответственность в таких случаях. Очевидно, что она должна быть справедливой и достаточной для решения целей индивидуальной превенции и ресоциализации виновного. И в этом смысле осуждение без назначения (применения) наказания — минимально возможная мера уголовной ответственности в системе форм ее реализации, предусмотренных проектом УК, который закрепляет достаточно дифференцированную систему мер воздействия уголовной ответственности. В ее основе лежит факт осуждения совершившего преступление, создающий для осужденного состояние его подответственности (принуждения) и испытания, что, с одной стороны, само по себе является важным ресоциализирующим фактором, а, с другой, только на основе и в режиме осуждения возможно применение конкретных мер уголовно-правового воздействия, имеющих самостоятельное значение, в частности назначенного судом наказания.

С учетом сочетания осуждения с другими мерами воздействия, имеющими самостоятельный характер, ст. 41 проекта УК Беларуси устанавливает следующие возможные формы реализации уголовной ответственности: а) осуждение с применением назначенного наказания (подчеркнем, что это наиболее репрессивная форма проявления уголовной ответственности, когда осуждение соединяется с реальным применением назначенного по приговору суда наказания); б) осуждение с отсрочкой применения назначенного наказания; в) осуждение с условным неприменением назначенного наказания; г) осуждение без назначения наказания — уголовная ответственность, содержание мер воздействия которой ограничивается осуждением совершившего преступление лица в качестве преступника.

В течение срока судимости осужденный находится в особом правовом состоянии по отношению к государству — в состоянии режима испытания — искупления вины. В течение этого времени государству вправе и обязано осуществлять активную ресоциализацию осужденного и последний не может уклоняться от этого, поскольку в течение срока осуждения (судимости) находится в режиме подответственности органу, исполняющему меры воздействия (ресоциализации) уголовной ответственности.

В системе мер воздействия уголовной ответственности осуждение — не просто акт государственной негативной оценки преступления и лица, его совершившего, а акт, порождающий определенное правовое состояние осужденного, которое длится в течение строго установленного УК времени. Состояние судимости выражает возможность государства применять и осуществлять меры испытания в

отношении осужденного, а осужденный, в свою очередь, обязан пройти такое испытание. Одним из элементов правового предупреждения осужденного о том, что состояние осуждения есть форма реализации его уголовной ответственности, является положение, в соответствии с которым совершение осужденным нового преступления позволяет суду рассматривать его как повторное и учитывать как отягчающее уголовную ответственность обстоятельство. Но дело не только в этом. В течение срока осуждения за умышленное преступление лицо, имеющее судимость, не только состоит на учете, но за ним может осуществляться профилактическое наблюдение. Это положение чаще всего воспринимается как посягательство на права человека путем закрепления в законе возможности осуществлять слежку за осужденным. Для такого утверждения действительно есть известные основания, пока органы уголовного сыска и органы исполнения мер уголовного-правового воздействия едины. В нашем же понимании меры уголовной ответственности, назначенные судом, должны исполняться собственным аппаратом гуманитарных органов, осуществляющим принуждение особого рода: направленное на обеспечение режима реализации уголовной ответственности. Безусловно, что исполнение таких мер уголовной ответственности, которые связаны с изоляцией осужденного от общества (лишение свободы, арест, ограничение свободы), требует значительно больше принуждения, чем профилактическое испытательное наблюдение за осужденным. Обеспечение охраны и безопасности мест лишения свободы, арестных домов должно осуществляться специальными военными подразделениями указанных карательных учреждений. Сами же органы (учреждения) исполнения мер уголовной ответственности должны относиться к системе учреждений Министерства юстиции. Исполнение мер уголовной ответственности должна стать прерогативой особых органов государства, деятельность которых не должна функционально зависеть от органов уголовного преследования. Органы же, контролирующие исполнение мер испытания и осуществляющие профилактическое наблюдение, должны функционировать как центры социальной реабилитации и помощи осужденным.

Чтобы эта работа была предметной и прогнозируемой, осужденный должен быть открытым для этого органа (его сотрудников). Профилактическое наблюдение, которое связано исключительно с фактом осуждения и осуществляется в течение всего срока судимости, должно быть обеспечено принуждением — определенными властно-обеспеченными обязанностями осужденного. Так, осужденный обязан: сообщать в орган испытания об изменении места жительства или работы, о выезде за пределы места жительства на длительный срок; не препятствовать посещению сотрудниками этого органа своего жилища; являться по вызову в этот орган для профилактической беседы. Эти обязанности осужденного имеют организационно-обеспечительный характер. Очевидно, что выполнение осужденным указанных обязанностей также требует своего обеспечения. И здесь самым крайним средством может быть только штрафная санкция, которая должна применяться к осужденному органом испытания за их нарушение. Осужденному должно быть предоставлено право обжаловать в суд наложение штрафа. При изложенной системе профилактического наблюдения оно не будет иметь ничего общего со слежкой за осужденным.

Таким образом, осуждение без назначения наказания — минимально допустимая форма реализации уголовной ответственности, когда лицо в течение срока судимости находится в состоянии (режиме) испытания и подотчетности органу государства, ведающему применением мер ответственности.

Совершенно очевидно, что уровень, степень, а следовательно, и продолжительность осуждения (время, необходимое для ресоциализации виновного с учетом применяемой меры воздействия уголовной ответственности и опасности совершенного преступления) должны зависеть от государственной оценки опасности совершенного преступления. Так, в соответствии со ст. 80 проекта УК Беларуси при осуждении виновного без назначения наказания за преступление, не представляющее большой общественной опасности, осужденный находится в таком состоянии в течение одного года с момента вступления обвинительного приговора в силу и три года — при осуждении за менее тяжкое преступление.

Представляется, что сроки судимости как при осуждении с применением назначенного наказания, так и при осуждении без назначения наказания должны быть не столь длительными, как это предусмотрено проектом УК. По нашему мнению, ч. 1 ст. 80 УК Беларуси («Погашение судимости») могла бы быть изложена следующим образом:

Судимость погашается: 1) в отношении осужденного за преступление, не представляющее большой общественной опасности, по истечении одного года после отбытия основного и дополнительного наказания; 2) в отношении осужденного за менее тяжкое преступление — по истечении двух лет после отбытия основного и дополнительного наказания; 3) в отношении осужденного за тяжкое преступление — по истечении трех лет после отбытия основного и дополнительного наказания; 4) в отношении осужденного за особо тяжкое преступление —

по истечении пяти лет после отбытия основного и дополнительного наказания; 5) в отношении осужденного с отсрочкой исполнения наказания — со дня вступления в законную силу определения суда об освобождении осужденного от наказания; 6) в отношении осужденного с условным неприменением наказания — по истечении испытательного срока, если назначенное наказание не было приведено в исполнение; 7) в отношении осужденного без назначения наказания — по истечении одного года после вступления приговора в силу за совершение преступления, не представляющего большой общественной опасности, и двух лет — менее тяжкого преступления.

И. В. КУЧВАЛЬСКАЯ

ПРИМЕНЕНИЕ ШТРАФА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Совершенствование системы уголовных наказаний в рамках принятой концепции судебно-правовой реформы видится в расширении применения мер, не связанных с лишением свободы. Особенно перспективным и действенным видом наказания в этой связи представляется штраф. Его достоинства уже давно отмечены правоприменительными органами зарубежных государств: Англии, США, Франции, Японии, в которых по статистическим данным штраф назначается судами более чем за 90 % преступлений. Преимущества штрафа в системе наказаний несомненны с позиций принципов гуманизма и экономии уголовной репрессии. Штраф не влечет за собой отрицательного эффекта пребывания осужденных в условиях мест лишения свободы, не требует больших затрат на исполнение. Более того, штраф служит существенным источником пополнения государственного бюджета. Так, только по Гомельской области по приговорам народных судов за 1991 г. взыскано штрафов на сумму 454.920 руб. Такое наказание избрано в отношении 1030 лиц, что составляет около 18 % осужденных. За 1992 г. в этом же регионе на сумму 955.384 руб. оштрафовано 874 человека, что составляет около 13 % осужденных.

Однако наши суды редко применяют этот вид наказания и даже просматривается тенденция к сужению сферы его применения, хотя в концепции судебно-правовой реформы предлагается всемерно расширять сферу применения штрафов в судебной практике.

Такое положение объясняется целым рядом причин как объективных, так и субъективных. К последним можно отнести все еще непреодоленный стереотип мышления о буржуазности, социальной несправедливости этого наказания — тяжкого для бедного и легкого для богатого. Разрушить его можно установлением рационального дифференцированного механизма исчисления штрафных санкций, позволяющего избрать такие размеры, которые были бы в одинаковой степени ощутимы для лиц разного состояния.

Еще одним сдерживающим фактором, на наш взгляд, является конкуренция штрафа с исправительными работами без лишения свободы, которым суд в свете лозунга «воспитание трудом» отдавал, и пока отдает, предпочтение. Так, в 1991 г. по Гомельской области к исправительным работам без лишения свободы осуждено около 26 % общего количества осужденных, в 1992 г. — около 24 %. Удельный же вес исправительных работ без лишения свободы в сравнении с практикой применения штрафа за этот же период намного выше. Видимо, в условиях спада производства и развала экономики можно ожидать его снижения и соответственно укрепления позиций штрафа как вида уголовного наказания.

Следующим обстоятельством можно назвать и недостаточно продуманную разработку этого института в законодательстве, особенно вопросов, касающихся применения штрафа в качестве дополнительного наказания, назначения штрафа в соответствии со ст. 42 УК при переходе к более мягкому наказанию; установления размеров штрафа, соразмерных тяжести преступления и личности виновного, его материальным возможностям; обеспечения принудительного исполнения штрафа при уклонении от его уплаты.

За период с 1985 г. по настоящее время нам не удалось обнаружить в практике судов Гомельской области ни одного случая назначения штрафа в качестве дополнительного наказания. Собственно, этого и следовало ожидать, поскольку такое дополнительное наказание предусмотрено санкцией только одной статьи Особенной части Уголовного кодекса. Зато такое «гуманное» дополнительное наказание, как конфискация имущества, продолжая революционные традиции, «украшает» очень многие санкции УК Беларуси.

Во всем цивилизованном мире конфискация имущества используется очень редко и в самых крайних случаях. В наших условиях эта практика может и должна утвердиться через более широкое применение штрафа в качестве дополнительного наказания к таким основным наказаниям, как лишение свободы (за тяжкие корыстные преступления), лишение права занимать определенные должности и

заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы и арест. В сравнении с конфискацией имущества штраф серьезно выигрывает как с позиций гуманизма, так и простоты исполнения. Тем более, что в случае добровольной уплаты его фактически происходит та же конфискация имущества, но в очерченных судом пределах суммы штрафа. В практике исполнения приговоров народными судами Гомельской области положение со штрафами следующее: около 97 % приговоров в 1992 г. исполнено в срок и это при полном отсутствии возможности принудить нежелающего в законном порядке уплатить штраф. Кстати, из числа приговоренных к штрафу неработающие составляют около 15 %. При выборочной проверке исполнения приговоров этим контингентом лиц в нескольких районных судах г. Гомеля выяснилось, что у них процент исполнения даже выше — около 98. Причем в подавляющем большинстве случаев штраф уплачен добровольно и сразу после вступления приговора в законную силу. В основном проблемы с уплатой штрафов возникают, когда дело касается лиц цыганской национальности, которые всячески уклоняются от этого наказания.

Наиболее часто штраф назначается за кражу государственного имущества, как мелкую, так и в значительных размерах (ст. 94 и 87 ч. 1 УК), хищение государственного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением (ст. 91 ч. 1 УК), обман покупателей и заказчиков (ст. 153 ч. 1 УК), изготовление, хранение или сбыт крепких спиртных напитков домашней выработки (ст. 155 ч. 1 УК), получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения (ст. 156¹ УК), нарушение правил торговли (ст. 156² УК), хулиганство (ст. 201 ч. 1 УК), нарушение правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее причинение потерпевшему менее тяжкого телесного повреждения (ст. 206 ч. 1 УК).

Что же касается применения штрафов, предусмотренных ст. 42 УК при переходе к более мягкому наказанию, то в Гомеле происходит это довольно часто — около 15 % осужденных штраф был назначен как раз в соответствии со ст. 42. Обосновывая такие решения, суды чаще всего приводят следующие доводы: необходимость возмещения причиненного ущерба; чистосердечное раскаяние и признание вины; совершение преступления впервые. Очевидно, назрела необходимость увеличения количества статей Особенной части, предусматривающих штраф в качестве меры наказания альтернативно с другими видами, в частности — за корыстные насильственные и все неосторожные преступления.

Однако как бы тщательно не были выверены санкции статей Уголовного кодекса, реальная жизнь всегда будет преподносить непредусмотренные случаи. И, конечно, не исключены такие случаи даже при совершении тяжких преступлений, когда требуется выход за рамки нижней границы санкции статьи и применение штрафа было бы вполне справедливым наказанием. Упорядочить такие ситуации следует не запретом применения штрафа или исключением таких преступлений из сферы действия ст. 42 УК, а установлением гибкого механизма исчисления размеров штрафа, адекватного тяжести совершенного преступления и личности виновного. К сожалению, действующая система исчисления штрафов далека от совершенства. Исчисление штрафа в минимальных заработных платах, введенное в УК в последнее время, является, безусловно, более прогрессивным по сравнению с системой исчисления штрафа в твердых денежных суммах, но не решает всех проблем.

Возьмем, к примеру, ст. 150⁵ УК, гласящую, что срыв возмещения затрат кредитору путем сокрытия, сбыта или уничтожения имущества в крупном размере предпринимателем или субъектом хозяйствования наказывается лишением свободы до двух лет, исправительными работами на тот же срок или штрафом (от пяти до пятисот минимальных заработных плат — ч. 2 ст. 30 УК). Для коммерсанта, имеющего доход, далеко превосходящий максимальные размеры штрафа, такое уголовное наказание едва ли достигнет цели и будет стимулировать исполнение обязательств. Получая огромные суммы кредитов и пуская их в выгодный оборот, новоявленные бизнесмены не боятся штрафов, величинной даже в трехзначные минимальные заработные платы. Мы уже не говорим о применении штрафа, в порядке ст. 42 УК, за квалифицированные виды хозяйственных преступлений с миллиардными суммами наживы. Разве можно игнорировать такие ситуации? Почему бы наряду с исчислением в минимальных заработных платах для корыстных преступлений не предусмотреть штраф в размере двух- или трехкратном сумме получения наживы или причиненного ущерба?

Как уже отмечалось, сегодня отсутствует и действенный механизм принудительного исполнения штрафа. Так, ч. 3 ст. 30 УК предусматривает: «В случае злостного уклонения лица от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, осужденный несет ответственность в соответствии со ст. 181¹ настоящего Кодекса» (такое деяние наказывается лишением свободы на срок до одного года). Но это не снимает проблемы обеспечения взыскания штрафа.

Уголовное законодательство практически во всех цивилизованных странах предусматривает замену штрафа при уклонении от его уплаты лишением свободы. Возражения при этом обычно сводятся к тому, что в этом случае нарушаются права осужденного. Однако уклонение от добровольного исполнения приговора должно обеспечиваться государственным принуждением и, безусловно, большими для осужденного лишениями. Ведь речь идет об уклонении от исполнения уголовного наказания в виде штрафа. Конечно, целесообразно предусмотреть возможность отсрочки или рассрочки исполнения наказания по уважительным причинам, а в определенных случаях и освобождения от него, но в законном порядке и при взвешенном подходе к решению каждого случая.

Правильное и продуманное разрешение этих вопросов в новом УК будет способствовать повышению эффективности и расширению сферы применения штрафа.

В. В. МАРЧУК

КРЫМІНАЛЬНА-ПРАВОВАЯ СРОДКІ, ЯКІЯ ЗАБЯСПЕЧВАЮЦЬ ВЫКАНАННЕ МЕР КРЫМІНАЛЬНА-ПРАВОВОГА ЎЗДЗЕЯННЯ Ў ПРАЕКЦЕ КРЫМІНАЛЬНАГА КОДЭКСА БЕЛАРУСІ

У сакавіку 1993 г. на сесіі Вярхоўнага Савета Беларусі ў першым чытанні быў ухвалены праект Крымінальнага кодэкса Беларусі (КК). У праекце КК прадстаўлена новая крымінальна-прававая дактрына, якая была сфармулявана на падставе кардынальных палітычных і эканамічных змяненняў у грамадстве і дзяржаве, дасягненняў юрыдычнай навукі і судовай практыкі. У праекце КК Беларусі найшоў сваё адлюстраванне і новы падыход у частцы крымінальна-прававога рэгулявання ўхілення ад адбывання асуджаным, вызначаных яму судом мер крымінальна-прававога ўздзеяння.

Так, у праекце КК шырай прадстаўлена сістэма норм, якія ўстанаўліваюць крымінальную адказнасць за ўхіленне ад адбывання пакарання. З улікам новай канцэпцыі сістэмы пакаранняў у праекце адзначаны наступныя віды ўхілення ад адбывання пакарання: уцёкі з месца пазбаўлення волі або з-пад варты (арт. 184 дзеячага КК Беларусі); ухіленне ад адбывання пакарання ў выглядзе пазбаўлення волі (арт. 184-1 дзеячага КК Беларусі); ухіленне ад адбывання пакарання ў выглядзе абмежавання свабоды (у дзеючым КК — няма); ухіленне ад адбывання пакарання ў выглядзе арышту (у дзеючым КК — няма); ухіленне ад адбывання пакарання ў выглядзе прапушчэння работ (у дзеючым КК — няма); невыкананне прыговору суда аб пазбаўленні права займаць пэўную пасаду або займацца пэўнай дзейнасцю (арт. 184-2 дзеячага КК Беларусі); ухіленне ад выплаты штрафа (арт. 181-1 дзеячага КК). Такім чынам, ухіленне ад пэўных відаў пакарання, па праекту КК, прызнаецца злачынствам.

Крымінальная адказнасць за ўхіленне ад адбывання пакарання, пададзеная ў праекце КК, абумоўлена тым, што такія дзеянні маюць высокую грамадскую небяспеку. Ухіленне ад выканання вызначанага прыговарам пакарання перашкаджае нармальнаму ажыццяўленню правасуддзя, забяспячэнню агульнай і спецыяльнай прэвенцыі, падрывае аўтарытэт суда, наносіць значную шкоду справе барацьбы са злачыннасцю. Устаноўленне крымінальнай адказнасці за ўхіленне ад адбывання пакарання вырашае многія крымінальна-прававыя, крымінальна-выканаўчыя і крымінальна-працэсуальныя праблемы, якія маюць месца ў дзеючым заканадаўстве.

Падтрымліваючы прагрэсіўныя палажэнні праекта, накіраваныя на рэгуляванне крымінальна-прававых адносін, якія ўзнікаюць у выніку ўхілення ад адбывання пакарання, тым не менш, на наш погляд, трэба адзначыць непаўнату і незавершанасць урэгулявання данай сферы адносін. Так, у праекце КК Беларусі крымінальная адказнасць не прадугледжана за ўхіленне ад адбывання ўсіх пакаранняў, якія вызначаны гэтым дакументам. Калі разглядаць такія асноўныя віды пакаранняў, як накіраванне ў дысцыплінарны батальён, абмежаванне па службе, абмежаванне свабоды вольнага часу ненаўналетняга, то бачна, што ў выпадку ўчынення асуджаным ухілення ад іх выканання, па зместу праекта, крымінальная адказнасць не наступае.

Калі аўтары праекта кіраваліся тымі меркаваннямі, што накіраванне ў дысцыплінарны батальён і абмежаванне па службе падобныя па сваёй юрыдычнай прыродзе адпаведна такім пакаранням, як пазбаўленне волі і прапушчэння работ, то ў судовай практыцы ў выпадках ухілення ад абмежавання па службе і ад адбывання пакарання ў дысцыплінарным батальёне гэта прывядзе да прымянення аналогіі закона, якая, як вядома, крымінальным правам забаронена. Накіраванне ў дысцыплінарны батальён і абмежаванне па службе як пакаранні маюць сваю спецыфіку і, па сэнсу праекта КК, з'яўляюцца самастойнымі відамі

пакаранняў. Але, улічваючы тое, што накіраванне ў дысцыплінарны батальён і абмежаванне па службе па свайму зместу і карнаму патэнцыялу сапраўды адпавядаюць пазбаўленню волі і папраўчым работам, думасіцца, што крымінальную адказнасць за ўхіленне ад іх немэтазгодна прадугледжваюць у асобных нормах праекта. Дастанкова будзе ў дыспазіцыі норм праекта, якія прадугледжваюць адказнасць за ўцёкі і ўхіленне ад адбывання папраўчых работ, унесці адпаведныя дапаўненні.

Норму праекта, якая прадугледжвае адказнасць за ўцёкі, можна сфармуляваць у наступнай рэдакцыі:

«Артыкул... Уцёкі з месца пазбаўлення волі або з-пад варты.

Уцёкі з месца пазбаўлення волі, дысцыплінарнага батальёна, папярэдняга зняволення або з-пад варты караюцца пазбаўленнем волі на тэрмін да 5 год».

Аналагічным чынам можна вырашыць пытанне і аб адказнасці за ўхіленне ад абмежавання па службе:

«Артыкул... Ухіленне ад адбывання пакарання ў выглядзе папраўчых работ або абмежавання па службе.

Злоснае ўхіленне ад адбывання пакарання ў выглядзе папраўчых работ або абмежавання па службе караецца арыштам на тэрмін да 6 месяцаў, або пазбаўленнем волі на тэрмін да 1 года».

Як вядома, крымінальная адказнасць па агульнаму правілу наступае пры дасягненні асобай 16-гадовага ўзросту. Пры прыцягненні непаўналетняга да крымінальнай адказнасці следчыя органы і суд, безумоўна, павінны з асобай увагай адносіцца да яго асобы і абставін учынення злачынства. Але тым не менш у суда заўжды павінна быць магчымасць прымяніць больш строгае пакаранне і да непаўналетняга, які злосна ўхіляецца ад выканання пастановаў суда, у тым ліку ў выпадку ўхілення ад абмежавання свабоды вольнага часу. Таму лагічным было б паяўленне ў праекце КК нормы наступнага зместу:

«Артыкул... Ухіленне ад адбывання пакарання ў выглядзе абмежавання свабоды вольнага часу непаўналетняга.

Злоснае ўхіленне ад адбывання пакарання ў выглядзе абмежавання свабоды вольнага часу непаўналетняга караецца штрафам, або папраўчымі работамі на тэрмін да 1 года, або арыштам на тэрмін да 3 месяцаў».

Не знайшло выразнага адлюстравання ў праекце і пытанне аб ухіленні ад выканання дадатковых пакаранняў. У літаратуры ўжо выказвалася думка аб тым, што «пастанова па пытаннях аб адказнасці за ўхіленне ад адбывання такіх відаў пакарання, як пазбаўленне воінскага ці спецыяльнага звання, канфіскацыя маёмасці — беспрадметна, паколькі выкананне гэтых відаў пакарання ажыццяўляецца насуперак волі асуджанага»¹. Думаецца, што гэта не зусім так. Выкананне любога пакарання заўжды ажыццяўляецца «насуперак волі асуджанага». Як правільна адзначаў Н. А. Стручкоў, прымяненне пакарання заўсёды мае два бакі: выкананне пакарання і адбыццё яго асобай, якая здзейсніла злачынства. Пад выкананнем пакарання маецца на ўвазе дзейнасць папраўча-працоўчай устаноў і іншых дзяржаўных органаў, на якія ўскладзены абавязкі выконваць прадпісанні прыгавору. Сам жа асуджаны не можа выконваць пакаранне, ён адбывае яго, ажыццяўляе пэўныя паводзіны, якія прадпісаны законам і прыгаворам. Пад адбываннем пакарання трэба разумець усведамленне кары асуджаным, падпарадкаванне праваабмежаванням².

Адносна такога пакарання, як пазбаўленне воінскага ці спецыяльнага звання, з меркаваннем С. І. Зельдава, мабыць, можна згадзіцца. Але ў адносінах да гэтага пакарання, думаецца, пытанне трэба ставіць па-іншаму: ці павінна гэта пакаранне наогул уваходзіць у сістэму пакаранняў? Мы лічым, што немэтазгодна ставіць пад сумненне бытую дзейнасць асобы, якая учыніла злачынства. Гэта супярэчыць мэтам пакарання, прынцыпам яго вызначэння.

Што тычыцца канфіскацыі маёмасці, то ўхіленне ад адбывання гэтага віду пакарання нярэдка адбываецца ў практычным жыцці. І норма праекта, у якой прадугледжана адказнасць за прысваенне, адчужэнне, растрату, псаванне або ўгойванне апісанай або арыштаванай маёмасці асобай, якой гэта маёмасць даручана, — не выключае адказнасці за ўхіленне ад пакарання ў выглядзе канфіскацыі маёмасці. Аднак з пункту гледжання саставу ўхілення ад адбывання пакарання ў выглядзе канфіскацыі маёмасці, у гэтай норме прыкметы саставу вылучаны не зусім выразна. Напрыклад, па сэнсу нормы суб'ектам гэтага злачынства можа быць асоба, «якой маёмасць даручана». Але не заўсёды арыштаваная маёмасць даручаецца асобе, якая здзейсніла злачынства. А паколькі суб'ектам ухілення ад адбывання любога пакарання можа быць толькі асоба, якая асуджана да гэтага пакарання, то выпадкі ўхілення, калі асуджанаму маёмасць не была даручана, не будуць падпадаць пад састаў злачынства, які адзначаны разглядаемай нормай праекта.

Прыкладам нарматыўнага рэгулявання гэтага пытання з'яўляецца, у прыватнасці, адна з норм Крымінальнага кодэкса Францыі. У ч. 3 арт. 43-6 гэтага кодэкса гаворыцца аб тым, што любая асоба, якая знішчыла, схавала, або імкнулася

знішчыць або сваваць прадметы, якія належаць канфіскацыі, караецца турэмным зняволеннем³.

Мы лічым, што ўхіленне ад адбывання пакарання ў выглядзе канфіскацыі маёмасці магчыма толькі асобай, якая асуджана да гэтага пакарання і перашкаджае выкананню прыговору. У гэтым сэнсе ў пракце КК неабходна прадугледзець норму наступнага зместу:

«Артыкул... Перашкада выкананню пакарання ў выглядзе канфіскацыі маёмасці. Перашкада выкананню пакарання ў выглядзе канфіскацыі маёмасці караецца штрафам».

Неабходна таксама адзначыць, што ў дыспазіцыях норм праекта па-рознаму адлюстраваны характар ухілення ад пэўных відаў пакарання. Адносна такіх відаў пакарання, як папраўчыя работы і абмежаванне свабоды, караецца толькі зламыванае ўхіленне ад іх выканання. Але адносна выканання іншых відаў пакарання злучаным прызнаецца ўхіленне. Зразумела, што гэтыя паняцці (ухіленне і злоснае ўхіленне) не ідэнтычныя. Канешне, Вярхоўны суд у адпаведных пастановах даць тлумачэнні, што трэба разумець пад ухіленнем, а што пад злосным ухіленнем. Але, думаецца, крываіналізаваць трэба толькі тыя факты (дзеянні) ухілення, якія носяць злосны характар. Гэта значыць, што паводзіны асуджанага выразна сведчаць аб тым, што ён ігнаруе пастановы суда і не збіраецца станавіцца на шлях выпраўлення. Вядома, што крываіналіна адказнасць за ўчыненне злачынства можа быць рэалізавана не толькі выпясеннем асобе абвінаваўчага прыговору з вызначаным адпаведнага пакарання, але і шляхам прымянення іншых мер крываіналіна-прававога ўздзеяння.

У сувязі з тым, што ў нормах праекта КК знайшоў сваё адлюстраванне новы навуковы падыход па пытаннях зместу і рэалізацыі крываіналіна адказнасці, іншыя меры крываіналіна-прававога ўздзеяння прадстаўлены ў пракце наступным чынам: меры крываіналіна-прававога ўздзеяння, якія абумоўлены пакараннем; асуджэнне без назначэння пакарання; прэвентыўны нагляд за асуджаным.

Меры крываіналіна-прававога ўздзеяння, якія абумоўлены пакараннем, у пракце прадстаўлены адтэрміноўкай выканання і ўмоўным яго непрымяненнем. Трэба адзначыць, што адпаведныя нормы маюцца і ў дзеючым КК (арт. 43 — умоўнае асуджэнне і арт. 44-1 — адтэрміноўка выканання прыговору). Выкананне гэтых мер крываіналіна-прававога ўздзеяння забяспечваецца тым, што суд на працягу тэрміну судзімасці мае магчымасць, якая прадугледжана законам, прымяніць пакаранне, якое было вызначана прыговарам. Невыкананне асуджаным абавязкаў, ускладзеных на яго судом, на працягу тэрміну адтэрміноўкі або выпрабавальнага тэрміну мае вынікам накіраванне асуджанага для адбыцця пакарання, якое было вызначана прыговарам суда. Такое ўздзеянне на асуджанага (у выпадку злоснага ўхілення) з'яўляецца крываіналіна-прававым: у адносінах да асуджанага ёсць магчымасць рэалізаваць пагрозу выканання вызначанага пакарання на працягу тэрміну асуджэння. Поруч з самім фактам асуджэння наяўнасць рэальнай магчымасці прымяніць вызначанае судом пакаранне стварае сістэму фактараў уздзеяння, з дапамогай якіх пры пазітыўных паводзінах асуджанага можна вырашыць задачу яго рэсацыялізацыі.

Асуджэнне без назначэння пакарання — гэта мера крываіналіна-прававога ўздзеяння, сутнасць якой заключаецца ў тым, што пры выпясенні абвінаваўчага прыговору пакаранне не назначаецца ў сувязі з тым, што на момант выпясення прыговору асоба не прадстаўляе небяспекі для грамадства. Пры гэтым на працягу тэрміну судзімасці асуджаны можа знаходзіцца пад прафілактычным наглядам. У пракце КК не агаворана, якімі сродкамі забяспечваецца адбыванне гэтай меры крываіналіна-прававога ўздзеяння. Думаецца, што ў выпадках невыканання асуджаным тых праваабмежаванняў, якія дапускаюцца пры асуджэнні без вызначэння пакарання, такія негатыўныя паводзіны ў сувязі з іх невялікай грамадскай небяспекай не павінны карацца.

Яшчэ адна мера крываіналіна-прававога ўздзеяння — прэвентыўны нагляд за асуджаным. Ухіленню ад гэтай меры крываіналіна-прававога ўздзеяння праект адводзіць дзве нормы, якія прадугледжваюць крываіналіную адказнасць за: 1) невыкананне патрабаванняў прэвентыўнага нагляду і 2) ухіленне ад прэвентыўнага нагляду.

Законам Рэспублікі Беларусь ад 23 красавіка 1992 г. «Аб унясенні змяненняў у некаторыя заканадаўчыя акты Рэспублікі Беларусь», арт. 194-1 КК, які прадугледжваў крываіналіную адказнасць за злоснае парушэнне правіл адміністрацыйнага нагляду, быў выключаны з крываіналінага кодэкса⁴. Ці не робім мы крок назад, ізноў крываіналізуючы падобныя дзеянні?

Думаецца, што ва ўмовах абвальнага росту злачыннасці яшчэ рана весці размову аб адмене прэвентыўнага нагляду. Але калі прэвентыўны нагляд будзе насіць толькі фіскальны характар з боку органаў яго ажыццяўляючых і не будзе дададзены мерамі, якія з'арыентаваны на сацыяльную адаптацыю асобы, наўрад ці ён будзе прыносіць патрэбны эфект.

У заключэнне падкрэслім, што нормы новага крымінальнага кодэкса, у тым ліку і нормы, якія прадугледжваюць крымінальную адказнасць за злоснае ўхіленне ад мер крымінальна-прававога ўздзеяння, павінны базіравацца на глыбокім даследаванні прычын і ўмоў, якія параджаюць негатыўныя формы паводзін выкарыстанні дасягненняў правазнаўства і судовай практыкі. Толькі тады крымінальны кодэкс будзе для праваахоўчых органаў тым эфектыўным інструментам, які так патрэбен для паспяховай барацьбы са злочыннасцю.

¹ З е л ь д о в С. И. // Совершенствование правовых основ уголовного судопроизводства. Ярославль, 1988. С. 127.

² Гл.: С т р у ч к о в Н. А. Курс исправительно-трудового права: Проблемы общей части. М., 1984. С. 48.

³ Гл.: Уголовное право Франции. М., 1984. С. 23.

⁴ Ведымадзі Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. 1992. № 15. Арт. 255.

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ (публікацыі і пераклады)*

Часопіс працягвае знаёміць сваіх чытачоў з дакументамі палітычных партыяў. У гэтым нумары друкуецца першая праграма Партыі Беларускай хрысціянскай дэмакратыі. Пад яе ўплывам знаходзілася значная частка беларусаў-кітолікаў, якія яшчэ ў 1915 г. аб'ядналіся і разгарнулі работу па стварэнню сваёй палітычнай партыі — Хрысціянскай злучнасці. На яе аснове ў 1917 г. і была ўтворана БХД. Па сваёму саставу гэта была партыя беларускай інтэлігенцыі і духавенства, уваходзілі ў яе памешчыкі, буржуазія, кулацтва. Выступаючы за незалежнасць беларускай дзяржавы, яны прытрымліваліся палонафільскага напрамку. У 20—30-я гады дзейнічала на тэрыторыі Заходняй Беларусі. З мэтай большага ўплыву і на праваслаўных беларусаў у студзені 1936 г. была перайменавана ў Беларускае нацыянальнае аб'яднанне (БНА). Існавала да 1939 г.

Друкаваны орган — газета «Крыніца», а з 1926 г. — «Беларуская крыніца».

ПРАГРАМА УСТАВЫ ХРЫСЦІЯНСКАЙ ДЭМАКРАТЫЧНАЙ ЗЛУЧНАСЦІ БЕЛАРУСАЎ¹

Дэмакратыя па-грэцку значыць тое, што па-беларуску народаўласць: уласць народу над сабою самім. Праз народ разумеюцца тут шырокія масы чалавечага роду, а праз уласць: кіраванне сваёю доляй на сваё супольнае шчасце. У аснове дэмакратыі ляжаць дзве думкі, як бы пружыны: высокая вага кожнай людскай асобы і роўнае права ўсіх чыста людзей да шчаслівага існавання.

Ня трэба вялікай дальназоркасці, каб заўважыць у гісторыі факт, што чалавецтва пасоўваецца наперад у кірунку дэмакратычным, то значыць, што шырокія масы народныя што раз больш і больш здабываюць сабе права ва ўсіх галінах жыцця.

Папулярызаванне навукі, здабычы працоўнага люду, дробных народаў — сведчаць аб гэтым німала. Але рух дэмакратычны ні адным плыве руслам. Шмат ён мае кірункаў і шмат адзевае формаў. Найважнейшых кірункаў ёсць два: дэмакратыя сацыяльная і дэмакратыя хрысціянская. Кожная з гэтых дэмакратыяў мае свой светагляд, свае прынцыпы, сваю праграму. Абе дзве маюць аднакавыя мэты: дабро мас народных, але не абедзве туды ідуць адной дарогай, абедзве прызнаюць факт, што чалавецтва хворае і што яго трэба лячыць, але не абедзве тыя ж самыя прыпісваюць лекі. Дэмакратыя хрысціянская прынцыпы свае бярэ з хрысціянскага светагляду і на аснове гэтых прынцыпаў будзе сваю праграму. Лініі гэтай праграмы абрысаваны былі ясна і выразна папешам Лявонам XIII у г. 1891 і 1901 у лістах «Regum novarum» і «Craves de communi». Сягоння ва ўсіх бальшых гаспадарствах Еўропы існуюць сувязі** хрысціянскай дэмакратыі і маюць агромны ўплыў на кірунак жыцця грамадзянскага. У Польшчы існавала тожэ сувязь Х. Д. у Варшаве яшчэ перад вайной. У Расеі зараз па першай рэвалюцыі заснавалася Х. Д., шкада, што толькі сярод саміх каталікоў, і з'езд дэлегатаў у Петраградзе 14—16 лютага 1918 г. сведчыў аб вялікім распаўсюджанні гурткоў Х. Д. Дужа добра і моцна стаяла сувязь Х. Д. «Лучнасць» у Петраградзе, у Мінску завязаўся беларускі гурток Х. Д. 4 верасня 1918 г. Праграма яго напісана на аснове тэорыі і практыкі Хрысціянскай дэмакратыі на ўсім свеце.

Вось яе нарыс:

I. Агульныя прынцыпы

1) Хрысціянская дэмакратыя ёсць грамадзянская сувязь, што хоча завесці пад на свеце на аснове хрысціянскай і дэмакратычнай справядлівасці, роўнасці, міласці і свабоды. З натуры сваёй Х. Д. ёсць эвалюцыйная, надпалітычная, міжнародная, надстанова.

* Раздзел вядзе прафесар У. К. Коршук.

** Відаць, маюцца на ўвазе партыйныя аб'яднанні. — Рэд.

2) Х. Д. змагаецца перад усім з капіталізмам, у котрым бачыць адну з найважнейшых прычын беднасці і нэнды працоўным мас і хоча завесці такі лад, каб кожнаму чалавеку магчыма было сваёю працай здабыць сабе хлеб патрэбны і карыстаць з усяго культурнага багацця. Х. Д. проціў усякіх прывілеяў класавых.

3) Х. Д. прызнае права існавання, развіцця і кіравання сабой хоць найменшага народу кожнага і ўважае разумны і справядлівы патрыятызм за важную пружыну ў жыцці людскім. З'езд Х. Д., адбыты 14—16 лютага 1918 г. у Петраградзе, заявіў, што ў адносінах да малых народаў як Літва, Латвія, Беларусь, Украіна трэба стаяць на грунце поўнага іх самаазначэння.

II. Х. Д. і рэлігія

Хрысціянская дэмакратыя прызнае рэлігію за найважнейшую падставу існавання людскага, без каторай няпоўным і неспакойным было б жыццё як аднаго чалавека, так і ўсіх народаў. Х. Д. маець тое глыбокае перакананне, што вядомая арганізацыя праўдзівай рэлігіі — касцёл каталіцкі — мае сілу ня толькі збаўляць душы людскія, але і запэўніць поступ праўдзівы* і шчасця на зямлі цэламу чалавецтву.

Дзеля таго Х. Д., будучы проціў усякіх агранічэнняў рэлігійных у гаспадарстве, але хочучы запэўніць свабоду касцёлу каталіцкаму, жадае:

1) Каб касцёл прызнаваўся за інстытуцыю суверэнную, каторая кіруецца сваімі ўставамі.

2) Каб касцёл не агранічваўся ў правах і не прыціскаўся ўрадам.

3) Каб касцёл быў у праве мець багацце як рухоме, так і нерухоме.

4) Каб гаспадарства адшкадала касцёлу ўсе крыўды, каторыя зрабіла, касуючы маёмасць касцёльнаю.

5) Каб касцёл мог адкрываць ахронкі, школы, рознымі спосабамі вясці асвету і кіраваць усім гэтым.

6) Каб мог адкрываць і шырыць каталіцкія кляштары.

7) Каб былі капеланы для школ, войска, балыніц і дамоў працы.

8) Каб культ рэлігіі можна было спраўляць свабодна.

9) Каб аб падставах жыцця каталіцкага можна было свабодна гаварыць і праводзіць іх у жыццё, як каждага чалавека, так і цэлага грамадзянства.

10) На Беларусі Х. Д. «Злучнасць» ставіць сабе спецыяльную мэту: зблізіць усіх каталікоў і праваслаўных і аб'яднаць іх у аднэй веры з рознымі абрадамі.

III. Сям'я і школа

Прызнаючы хрысціянскую сям'ю за падставу ўсёй цывілізацыі і лёсаў людскіх, і бачучы ў гэі інстытуцыі натуральную, а не выніковую з права людскога (і дзеля таго незаступімую), Х. Д. дамагаецца каб рэлігія, законы, эканомія, жыццё сацыяльнае ішлі да ўмацавання, а не ослаблення сям'і хрысціянскай.

Дзеля гэтага Х. Д. жадае:

1) Каб права цывільнае не нарушыла сталасці і неразлучнасці малжонства.

2) Каб не было малжонстваў мешаных.

3) Каб права не гвалціла перакананняў рэлігійных і абычаяў сям'і каталіцкай. Апрыч гэтага, Х. Д. хоча:

4) Абараняць дзяўчат ад распутнікаў праз устанаўленне кар на іх.

5) Змагацца з публічнай распустай, закладаючы дамы працы і паправы.

6) Караць тых лекараў і лекарак, каторыя робяць практыкі, згубныя для матак і дзяцей.

7) Стварыць правадўства фабрычнае, каторае забяспечвала б утрыманне сям'і.

8) Закладаць кватэры для работнікаў, кіруючыся вымаганнямі маральнасці і гігіены.

9) Устраіваць для работнікаў у месцах сады, злучоныя з цэнтрамі фабрычнымі трамваямі.

10) Устанавіць строгія правы для шынокоў і месцаў, прызначаных на публічныя гульні.

11) Увясці праўную плату сямейным, каторай хваціла б на ўтрыманне ня толькі работніка, але і яго сям'і. Ва ўсім тым, што датычыць навукі і адукацыі ў школах, Х. Д. трымаецца таго погляду, што школа ёсць далейшы працяг сям'і і дзеля чаго бацькі разам з вучыцелямі думваюць, як весці адукацыю. Урад жа, забочычыся аб пашырэнні асветы паміж грамадзян, ёсць толькі памочнікам бацькоў, або заступае іх там, дзе бацькі сваіх абавязкаў выпайніць ня могуць, або ня хочучь.

З гэтай прычыны Х. Д. дабіваецца каб:

1) Увясці паўшэчнае пачатковае навучанне ў роднай мове, не ўстанаўліваючы абавязку ўчыцца ў школах урадавых.

2) Зраўняць школы прыватныя, хрысціянскія са школамі ўрадовымі ў правах і дапамогах грашовых.

* Так ў гэксце арыгінала. Мабыць, трэба зруzumець — праўды. — Рэд.

3) Увясці навуку рэлігіі каталіцкай ва ўсе школы ўрадавыя і прыватныя на роднай мове моладзі.

4) Дамагацца, каб школьная адукацыя дзяцей вялася паводлуг маральнасці хрысціянскай.

IV. Уласнасць

Х. Д. прызнае, што прыватная ўласнасць ёсць падставай цывілізацыйнага поступу грамадзянства. Не працівічыся, каб уласнасць памалу пераходзіла ў формы калектыўныя, як напр., манаполіі розныя і кааперацыі, Х. Д. жадае, каб уласнасць прыватная як такаява усё-такі не касавалася. Разам з гэтым Х. Д. пераканана, што ўласнасць прыватная, даючы ня толькі правы, але і накладаючы абавязкі грамадзянскія, памагае да выраблення ў людзях ініцыятывы і самадзельнасці.

Х. Д. рупіцца, каб як найшырэйшыя слаі працоўнікоў мелі свае ўласныя варштаты працы і дамагаецца:

1) Каб закладаліся цэнтральныя работніцкія банкі, работніцкія кааператывы, злучнасці працы і другія арганізацыі.

2) Каб бедныя людзі маглі здабываць сабе кватэры, варштаты і г. д. за пазычаныя ў гэтых банках грошы.

3) Там, дзе работнікі наймаюцца, каб гаспадар дзяліўся з імі даходамі.

4) Каб можна было свой маёнтак апісаць каму, або дараваць.

У справе зямельнай Х. Д. жадае:

1) Каб была падзелена казённая зямля паміж беззямельнымі і малазямельнымі з мэтай стварэння малой уласнасці. Гэты падзел маюць зрабіць мясцовыя самаўпраўленні, маючы на ўвазе ўсіх заінтэрасаваных, а такжа меншасці народныя і рэлігійныя.

2) Агранічыць вялікую ўласнасць прыватную, аблажыўшы яе вялікімі падаткамі.

3) Паднясці і падвышыць культуру зямельную дапамогамі ўраду, праводзячы чугункі, дарогі бітвы і т. д.

4) Паднясці культуру хлебарабаў адкрыццям для ніх школаў, разводзячы гаспадарствы прыкладныя, робячы выставы.

У адносінах да капіталу Х. Д. ставіць сабе мэтай:

1) Змагацца з капіталізмам ва ўсіх яго формах і не адкідаючы капітал, самому лучыць яго з працай у адніх руках.

2) Зрэфармаваць правы аб таварыствах акцыйных, сіндыкатах і трэстах.

3) Змагацца з усякай спекуляцыяй на біржы і ў гандлю.

У адносінах да падаткаў Х. Д. радзіць:

1) Завясці падаткі ад даходаў і капіталаў непрадукцыйных.

2) Скасаваць цяжкія падаткі на жыўнасць і малыя спадкі ў простаі лініі.

Навогул навука Х. Д. ёсць, каб усе рэформы, што да ўласнасці прыватнай, вяліся эвалюцыйна, згодна з падаткамі, справядлівасці грамадзянскай, а таксама эканоміі народнай.

V. Праца

Х. Д. прызнае працу за найважнейшую падставу жыцця людскага і поступу яго як матэрыяльнага, так і духоўнага. Прыдаючы такое высокае значэнне працы, Х. Д. трымаецца таго погляду, што праца мусіць зрабіць шчаслівым жыццё працаўніка і яго сям'і і не павінна быць такою, каторая б псавала здароўе яго. Баронячы працоўны люд, Х. Д. жадае справядлівага права, каторае б:

1) Устанавіла міністэрства працы.

2) Азначыла мінімум платы сямейнай, пачынаючы ад работ публічных.

3) Адзінакавую плату за такую самую працу для мужчын і кабет.

4) У нядзелю і святкі адпачынак для ўсіх.

5) Максімум гадзін працы.

6) Каб не працавалі ў начы апрача там, дзе гэтага ня можна скасаваць.

7) Каб маткі не працавалі на фабрыках і каб праца дзяўчат была агранічана.

8) Каб дзеці да 14 гадоў саўсім не працавалі і агранічыць працу малалетніх ад 14 да 18 г.

9) Забараніла працаваць моладзі і кабетам там, дзе гэта шкодзіла б іх здароўю.

10) Плаціць і ў часе хваробы, а таксама цяжарным 4 тыдні перад і 6 пасля полягу.

11) Каб работнік меў запамову тады, калі ня мае працы, або ня можа працаваць па хваробе і старасці.

12) Каб быў інспектар фабрычны.

13) Каб у школах учылі розных рамёслаў.

14) Каб работнікі маглі арганізавацца сяабодна. Наогул Х. Д. жадае ад права абароны і арганізацыі працы, каб людзі шанавалі працу і разумна працавалі.

VI. Народ і гаспадарства

Х. Д. бачыць у падзеле людзей на народы апеку божыю над людзьмі і прызнае, што мова ёсць недатыкальны скарб кожнага грамадзяніна, без каторага няма культуры духоўнай і матэрыяльнай людзей. Паводлуг Х. Д., кожны народ мае права свабодна развіваць формы жыцця свайго народнага і патрыятычнага. Х. Д. мае перакананне, што не народ для гаспадарства, але гаспадарства патрэбна для пажытку і бяспечнага жыцця народу. Дзеля таго жадае, каб справы народныя вышэй ставіліся як палітычныя, з другой стараны, аднак Х. Д. агульнае дабро людзей ставіць вышэй, як інтарэсы якога-небудзь народу і хоча, каб палітыка кіравалася справядлівацю грамадзянскай і міжнароднай. У граніцах кожнага гаспадарства Х. Д. жадае:

1) Каб усе народы мелі роўныя правы і каб лучыліся з якім-небудзь гаспадарствам толькі на засадзе дабравольнай лучнасці.

2) Каб было роўнае права ў адносінах да мовы ўсіх народаў ва ўсіх урадах гаспадарства.

3) Каб права для ўсіх было роўнае, ня гледзячы на народ, рэлігію і г. д.

4) Каб было мець паўшэчнае справядлівае галасаванне.

5) Каб была устаноўлена бесплатная публічная парада адвакацыйная.

6) Каб была недатыкальнасць асобы грамадзяніна, яго кватэры, уласнасці і карэспандэнцыі.

7) Каб праведзена вольнасць слова, друку і сувязей але з тым, каб кожны адказваў перад судом за шкадлівую для грамадзянства, ці каго-небудзь работу, агітацыю, а такжа прэсу.

8) Каб усе, каторыя знаходзяцца на службе публічнай, адказвалі перад судом.

9) Увядзенне самаўраду гміннага і правінцыяльнага.

10) Што датычыць айчыны сваёй — Беларусі — Х. Дэмакратычная Злучнасць Беларусі жадае, каб яна была цэлай, непадзельнай і вольнай.

11) Каб на Беларусі была роўнасць і свабода грамадзянская і запэўнены правы народных меншасцяў.

12) Каб сойм вольнай Беларусі, каторы будзе выдаваць правы, быў выбраны на аснове справядлівага, паўшэчнага галасавання і каб толькі ён меў права сказаць слова аб урадзе і яго воле на Беларусі і аб адносінах да другіх гаспадарств².

¹ Ustava i prahrama Chryscyanskay Demakratychnay Zlucznasci Bielarusau. Miensk, 1920. S. 8—15.

² Па тэхнічных умовах лацінка арыгінала заменена кірыліцай, ліквідаваны разнабой у напісанні абрэвіятуры Х. Д. Тэкст у рэдкалегію даставіла А. М. Васільева.

НОВАЕ Ў ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

Е. А. КЕЧИНА

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Современная статистика дает представление о различных сторонах жизни общества, изучение которых в рамках социологического исследования имеет большое теоретическое и практическое значение. При правильном использовании статистических данных результативность и эффективность социологического исследования значительно увеличиваются, повышается качество социологической информации, ее описательная и эвристическая ценность.

Однако статистические данные как источник социологической информации пока еще не в полной мере используются социологами. Основными причинами этого являются, во-первых, недостаточная осведомленность социологов о наличии статистических показателей, относящихся к изучаемой проблеме, во-вторых, трудности интерпретации количественной статистической информации, в-третьих, незнание источников статистической информации.

Все эти причины легко устранимы при реализации комплекса мероприятий методического и методологического характера, направленных на совершенствование системы преподавания этого предмета в высшей школе при подготовке специалистов социологического профиля.

Надо отметить, что учебные пособия по экономической статистике, социальной статистике, социально-экономической статистике в основном предназначены для экономистов, инженеров различных отраслей, а не для представителей общественных наук. Это выражается в том, что в учебных пособиях и другой литературе по статистике приводятся методики расчета всевозможных показателей, но нет сведений о том, как именно применить эти данные в социологических исследованиях. Также еще немного работ по источниковедению, дающих точные адреса источников статистической информации.

Поэтому подход к обучению социологов этой дисциплине должен быть несколько иным, чем при подготовке экономистов, статистиков, инженеров и представителей других специальностей. Особенности изучения статистики студентами-социологами выражаются в следующем.

Социолог должен иметь представление об отраслях социальной и экономической статистики, о системе показателей статистики для того, чтобы выбрать показатели, нужные ему при решении какой-либо задачи, т. е. просто знать о том, что существуют показатели, дающие определенную характеристику объекту социологического исследования, иными словами, что уже имеется информация об объекте исследования. Использование подходящих статистических показателей позволяет, например, не включать в программу исследования показатели, уже содержащиеся в статистической отчетности; дает возможность сопоставить результаты социологических исследований с материалами ведомственного учета и статистики.

Надо отметить, что к уже имеющимся статистическим показателям постоянно добавляются новые, отражающие новые явления в жизни общества. Так, можно отметить появление и развитие таких новых отраслей статистики, как статистика личности, статистика менеджмента, изменение содержания политической статистики и т. д. Все это необходимо учитывать при преподавании статистики студентам-социологам.

Социолог должен уметь правильно интерпретировать имеющиеся статистические данные, следовательно, знать виды, общие принципы построения, методику расчета важнейших статистических показателей и индексов. Интерпретация показателей — очень важный этап анализа статистической информации, и от

правильности этой интерпретации зависит и правильность выводов, сделанных на ее основе. Особенность статистических показателей в том, что они всегда конкретны, им соответствуют определенные методики расчета, и без точных знаний о них, лишь с помощью интуиции или общих представлений о явлении, очень сложно их проанализировать и эффективно использовать. При этом важно знать не только методики расчетов статистических характеристик, т. е. способы получения числовой информации, но и качественные характеристики статистических показателей.

Известно, что показатели социальной и экономической статистики имеют качественную, количественную, временную и пространственную определенности, т. е. абстрактных показателей в статистике не существует. Знание качественной определенности показателя не менее важно, чем его количественной характеристики. К примеру, знание объема валового национального продукта — важнейшей характеристики состояния экономики страны — ничего не дает без знания того, что именно понимается под понятием «валовый национальный продукт». Или важнейшее и часто применяемое в социологических исследованиях понятие «реальные доходы населения», изучаемое в динамике, обязательно должно быть правильно понято использующим его исследователем. И в качестве такого примера можно рассмотреть любой статистический показатель.

Знание видов статистических показателей также чрезвычайно важно для социолога. В статистике выделяют следующие виды показателей: абсолютные, средние, относительные, индексы. Абсолютные показатели — это просто числа, характеризующие объем некоторой совокупности (например, рождаемость — это число родившихся на определенной территории за определенный период; объем основных фондов — это их стоимость на определенный момент времени на некотором предприятии и т. п.). Для их вычисления не надо применять никаких формул. Средние вычисляются с помощью специальных методов статистического анализа. Индексы — это, пожалуй, самый сложный вид статистических показателей, характеризующий явления и процессы в динамике и использующийся при сравнениях. Методы построения индексов разнообразны и часто являются итогом сложных математических исследований. Для социолога же наиболее интересными будут относительные величины, получаемые с помощью всевозможных соотношений абсолютных показателей. К примеру, доступность библиотек — это отношение числа библиотек на определенной территории к численности населения на этой территории, умноженное на 10 тыс., т. е. число библиотек на 10 тыс. человек. Если поменять местами числитель и знаменатель (отношение численности населения к числу библиотек), то получим количество людей, приходящихся на одну библиотеку. Итак, на основе двух абсолютных показателей (число библиотек, численность населения) получены два относительных показателя, с разных сторон характеризующих библиотечную сеть и ее доступность для населения.

Знание основных принципов построения относительных показателей дает социологу возможность самому получать показатели, характеризующие изучаемое им явление, но которых нет в статистической отчетности. Особенно широки возможности конструирования таких показателей в социальной статистике.

Знакомство с различными типами и разновидностями показателей, характеризующих одно и то же явление, дает возможность выбрать статистические данные наиболее соответствующие целям и задачам исследования.

Предположим, социолог изучает проблемы воспроизводства населения, эффективность мер демографической политики или другую сходную проблему. Естественно, что он начнет работу с анализа показателей рождаемости. Таких показателей несколько. Для начала можно ознакомиться с абсолютным показателем рождаемости. Но такой показатель в общем случае не пригоден для сравнения. Тогда можно использовать общий коэффициент рождаемости — число родившихся на тысячу человек населения за определенный период на определенной территории. Однако этот показатель является самой грубой оценкой рождаемости. Он не показывает, в каких именно возрастных группах населения родилось больше детей, кроме того, он учитывает все население (мужчин, детей, людей пожилых возрастов). Если использовать этот коэффициент при сравнениях, то результат может быть неверным, ибо на общий коэффициент рождаемости сильное влияние оказывает структура населения по возрасту и полу. Существует коэффициент, который избавлен от влияния структуры населения по полу. Это специальный коэффициент рождаемости — число родившихся на тысячу женщин в репродуктивном возрасте (от 15 до 49 лет). Этот показатель является более информативным для исследователя, однако он зависит от возрастного состава женщин. Чтобы устранить и этот недостаток, статистика рассчитывает так называемые повозрастные коэффициенты рождаемости: число родившихся на тысячу женщин определенной возрастной группы (от 15 до 19 лет, от 20 до 24 лет, до 25 до 30 лет и т. д.). Эти показатели дают более подробную характеристику рождаемости и поэтому более пригодны для исследования проблем воспроизводства населения. Но кроме них, в зависимости от целей и задач социологического

исследования, можно использовать и другие статистические характеристики рождаемости: брутто- и нетто-коэффициенты воспроизводства населения, коэффициенты рождаемости для сельского и городского населения, коэффициенты брачной и внебрачной рождаемости, рождаемость у женщин с различным уровнем образования, уровнем доходов, различными профессиями, занятиями и т. д. Все эти показатели определяются статистикой и являются ценнейшей информацией для социолога.

При обучении социологов статистике возникает вопрос: в каком объеме нужна им статистика, какие именно отрасли статистики необходимо изучать, каким надо уделить особое внимание, а с какими лишь ознакомиться.

Прежде чем перейти к этому вопросу, надо дать краткую характеристику основным частям современной социальной и экономической статистики. Традиционно статистика рассматривалась как совокупность трех наук: демографической, экономической и социальной статистики. Основа демографической статистики — статистическое исследование населения. В последнее время демографическая статистика все чаще рассматривается как часть социальной статистики. Экономическая и социальная статистики, имея разные предметы исследования, все же не имеют резкой границы. Эта граница условна, и в различных работах направления исследования социальной и экономической статистик различаются. Наиболее ярким примером этого является статистика труда (в нее входят статистика рабочей силы и использования рабочего времени, статистика производительности труда, статистика оплаты труда). Эта отрасль находится как бы на стыке экономической и социальной статистик, так как помимо чисто экономических факторов на движение рабочей силы, на производительность труда влияют и социально-психологические факторы, а оплата труда, являясь результатом экономической деятельности человека, оказывает сильное влияние на его образ и уровень жизни. К числу отраслей статистики, которые трудно причислить только к экономической или только к социальной, относятся и статистика трудовых ресурсов, статистика окружающей среды и т. д.

Поэтому при обучении студентов-социологов статистике, конечно, нельзя рассматривать отдельно социальную и отдельно экономическую статистику, хотя наиболее применимыми в социологических исследованиях являются материалы социальной статистики. Социальную и экономическую статистику надо изучать в совокупности и взаимосвязи. Не случайно сейчас статистические показатели, как правило, не рассматриваются по отдельности, а изучаются как элементы системы статистических показателей, описывающих различные стороны жизни общества. Система показателей социальной и экономической статистик состоит из подсистем показателей, относящихся к различным отраслям и подотраслям статистики. Системный подход позволяет дать комплексную оценку процесса или явления, определить логические и количественные связи между показателями. Построение такой системы показателей — основная методологическая проблема современной статистики. Наиболее интересна именно статистика связей между социальными и экономическими показателями, раскрывающая механизмы и закономерности взаимосвязей между различными сторонами жизни общества.

Еще одним аргументом, подтверждающим необходимость достаточно глубокого изучения экономической статистики, является то, что социальная статистика в качестве своих основных показателей использует и показатели экономической статистики. Так, к обобщающим показателям уровня жизни относятся показатели национального дохода, объема розничного товарооборота, объема основных производственных фондов и другие. Другое дело, каким отраслям экономической и социальной статистики надо уделить особое внимание именно при подготовке социологов.

При изучении экономической статистики целесообразно изучить обобщающие показатели деятельности экономической сферы: национальное богатство, совокупный общественный продукт, валовый национальный продукт, национальный доход. Без знания этих показателей эффективный анализ процессов, происходящих в социальной сфере, часто не возможен. Кроме того, социолог должен быть знаком с основными понятиями статистики финансов и хорошо ориентироваться в показателях статистики труда (если отнести ее к экономической статистике). Иначе говоря, социолог должен быть ознакомлен с основными понятиями экономической статистики, использующимися и в социальной, применяющимися при внутренних и международных сравнениях. Изучение же более специальных отраслей (статистики промышленности, сельского хозяйства, строительства и т. п.) и их подотраслей не обязательно. Если данные этих статистик в дальнейшем понадобятся исследователю, то, зная основные принципы построения и виды статистических показателей, он может более углубленно разобраться в них самостоятельно.

Изучать социальную статистику предпочтительнее по таким направлениям: статистика социально-демографической структуры населения, статистика доходов и уровня жизни населения, статистика изучения процессов развития личности, статистика реализации творческого потенциала личности¹.

Основной задачей при изучении социальной и экономической статистики студентами-социологами является выработка системного подхода к исследованию явлений и процессов, умение использовать статистические показатели для представления картины функционирования экономической и социальной сферы общества, понимание их взаимосвязи.

Помимо изучения самих показателей социологу для работы необходимо иметь представление и об источниках статистических данных. Эти источники многообразны — от статистической отчетности отдельных предприятий, организаций до статистической информации по большим территориям, отраслям, стране в целом; материалы переписей. Информация о таких источниках — важный элемент обучения студентов-социологов, потому что незнание и в силу этого недоступность источников статистических материалов препятствует их применению в социологических исследованиях.

В процессе проведения занятий по статистике у студентов-социологов необходимо уделять внимание не только методикам исчисления статистических показателей, но и показывать, в каких видах социологических исследований могут применяться те или иные статистические материалы, как статистические данные могут быть использованы на различных этапах проведения социологического исследования. Материалы статистики позволяют провести анализ общих тенденций и закономерностей изучаемого явления; определить круг задач, нуждающихся в социологическом анализе; выдвинуть и обосновать ряд новых научных гипотез, подлежащих проверке в процессе социологического исследования; рассчитать объем выборки для организации конкретного социологического исследования.

Такие занятия эффективнее всего проходят в форме семинаров с использованием конкретных примеров социологических исследований по различным направлениям. В процессе проведения занятий по применению статистических материалов в социологии желательно сделать акцент на проблемах региональной и международной статистики, сравнимости статистических показателей в пространстве и во времени.

В заключение подчеркну, что данные социальной и экономической статистики являются фундаментом социальной информации. Достоинствами статистической информации являются ее объективность, сплошной характер сбора данных. Статистическая информация «надёжна, инвариантна по отношению к исследователю и исследуемому явлению»², характеризует масштабы и динамику социальных явлений, дает обобщающее представление о всевозможных общественных процессах. В силу этого применение статистических данных в качестве источника социологической информации повысит эффективность и надежность результатов работы социолога. Именно этим объясняется важность и необходимость углубленного изучения курса социальной и экономической статистики студентами-социологами.

¹ См.: Социально-экономическая статистика: современные проблемы. Л., 1991.

² Система показателей социальной статистики: концепция, методология, практика. М., 1991. С. 27.

У. П. Крук. **Сялянскі рух на Беларусі, 1864—1900 гг.** / Пад рэд. М.В. Біча. Мн.: Навука і тэхніка, 1993. 175 с.

Разглядаемая манаграфія прысвечана актуальнай, але ў той жа час яшчэ мала распрацаванай тэме. Даследаванне ўяўляе сабою першую ў беларускай гісторыяграфіі абагульняючую працу, у якой дасягнута колькасная і якасная характарыстыка аграрнага руху ў парэформены перыяд. Шырока выкарыстоўваючы апублікаваныя матэрыялы, дакументы архіваў Рэспублікі Беларусь і краін блізкага замежжа, перагледаны друк, а таксама спецыяльную літаратуру, аўтар, на наш погляд, здолеў раскрыць перадумовы сялянскага руху, паказаць яго характар і віды, інтэнсіўнасць, дынаміку і гістарычнае значэнне.

Добрае уражанне выклікае першы раздзел, у якім пераканаўча аналізуецца сацыяльныя і эканамічныя прычыны сялянскага руху, асаблівасці развіцця капіталізму ў сельскай гаспадарцы. Аўтар правільна зазначае, што ў аграрных адносінах парэформеннай Беларусі першароднае значэнне мела пытанне аб землеўладанні, формах зямельнай уласнасці, размеркаванні ўгоддзяў паміж грамадскімі групамі і класамі. Менавіта ад іх у значнай ступені залежыў характар сацыяльна-эканамічнага развіцця беларускай вёскі. Шмат увагі надаецца і рэшткам феадалізму, падаткаваму ўціску, беспраўю сялянства, што таксама ўплывала на змест іх барацьбы за «зямлю і волю».

Цэнтральнае месца ў манаграфіі займаюць непасрэдна пытанні сялянскага руху на Беларусі ў 1864—1900 гг. Яго асветленне заснавана на падставе аналізу фактычнага матэрыялу, абагульнення і апрацоўкі статыстычных дадзеных па розным метадыкам. Вынікам гэтай карпатлівай працы з'явіліся арыгінальныя тэблыцы, у якіх змешчаны новы і вельмі важны статыстычны матэрыял пра сялянскія хваляванні, грунтоўна паказаны віды сялянскага руху, а таксама міжсялянскія сутыкненні на зямельных пытаннях. Аўтар падлічыў, што ў разглядаемы час у сялянскім руху Беларусі пераважала ўсё ўзрастаючая барацьба за зямлю і ў цэлым ён меў выразную антыпамешчыцкую накіраванасць. На другім месцы знаходзіліся выступленні супраць улад, многія з якіх былі выкліканы несправядлівасцю прыгонніцкіх паземельных адносін. Але зусім мала было выступленняў супраць капіталістычнай эксплуатацыі. Прычына гэтага бачыцца ў тым, што разлажэнне сялян было яшчэ не настолькі глыбокім, каб абумовіць шырокае развіццё

барацьбы ўнутры самога класа і таму, змагаючыся з памешчыкамі, яны дзейнічалі як адзінае цэлае.

Вартасцю разглядаемай манаграфіі з'яўляецца і тое, што сялянскі рух у ёй пададзены ў цеснай сувязі з сацыяльна-эканамічным і палітычным развіццём краіны.

Безумоўна, што не ўсе пытанні гэтай складанай праблемы атрымалі поўнае і ўсебаковае асветленне, у шэрагу выпадкаў манаграфія перагружана статыстычным матэрыялам, а прыклады сялянскіх выступленняў занадта распісаны. Трэба было б больш аргументавана растлумачыць, што замінае дакладна назваць лічбу сялян, якія былі ахоплены рухам.

Тым не менш знаёмства з кнігай дазваляе зрабіць выснову, што перад намі сур'ёзнае і арыгінальнае даследаванне. Яно вызначаецца навізнаю, насычана багатым фактычным матэрыялам і будзе карысным усім, хто цікавіцца гісторыяй Бацькаўшчыны.

В. Р. Рудкін,
У. А. Сосна,
Ю. Л. Казакоў

Е. В. Пиульский. **Политология: Тексты лекций в 2 частях.** Гродно: Гродненский государственный ун-т им. Я. Купалы. Ч. I. 1992. 50 с.; Ч. II. 1993. 60 с.

Паліталогія пакуль што новая вучэбная дысцыпліна ў вышэйшых навучальных установах Рэспублікі Беларусь. Выкладанне яе звязана з шэрагам сур'ёзных цяжкасцей, і ў першую чаргу з адсутнасцю вучэбных і вучэбна-метадычных дапаможнікаў. Таму выданне тэкстаў лекцый па паліталогіі дацэнта кафедры філасофіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы Я. В. Півульскага актуальнае і своечасовае.

Вучэбны дапаможнік П. В. Півульскага складаецца з дзвюх частак і ўключае 11 тэм. Структура іх грунтуецца на вопыце стварэння замежных падручнікаў па паліталогіі (у прыватнасці Рэспублікі Польшча) і адпавядае мэтам дыдактычнага працэсу.

Усе тэмы лекцый напісаны на падставе найпоўшай як беларускай, так і замежнай грамадска-палітычнай літаратуры, з добрым веданнем зместу прадмета, на высокім метадычным і тэарэтычным узроўні. Каштоўным з'яўляецца і тое, што ў тэкстах лекцый не толькі выкладаюцца галоўныя праблемы палітычнай навукі, але даюцца спасылкі на літаратуру, якая арыентуе чытача на самастойныя наглыблены падыход

да вивучэння той альбо іншай праблемы. Не абыйдзены аўтарам і дыскусійныя праблемы паліталогіі.

Асабліва ўдала, на наш погляд, выкладзены тэмы «Улада ў палітыцы», «Суб'екты палітыкі», «Палітычная дзейнасць», «Грамадскія арганізацыі і аб'яднанні», «Палітычнае лідэрства», «Палітычная культура». Зразумела, што некаторыя пытанні тэорыі і практыкі палітычнай навукі ў вянкі шэрагу прычын (у тым ліку і невялікага аб'ёму вучэбнага дапаможніка) разгледжаны менш грунтоўна. Але ў такім выпадку аўтар адрасуе студэнтаў да адпаведнай грамадска-палітычнай літаратуры, з якой можна атрымаць больш змястоўнае тлумачэнне той ці іншай праблемы.

Рэцэнзуемая праца, апрабаваная шматгадовай дыдактычнай практыкай аўтара, пакідае вельмі добрае ўражанне. Разам з тым некаторыя тэмы не атрымалі ў дапаможніку дастаткова поўнага асвятлення. Гэта тычыцца перш за ўсё лекцыі «Партыі і партыйныя сістэмы», дзе не знайшлі адлюстравання апошнія падзеі ў палітычным жыцці Беларусі.

Значным недахопам з'яўляецца і адсутнасць у выданні тэмы, прысвечанай гісторыі сусветнай і нацыянальнай палітычнай думкі. Гэтыя недахопы трэба ліквідаваць пры перавыданні тэкстаў лекцый.

У цэлым вучэбны дапаможнік, кіруючай ідэяй якога з'яўляецца аналіз метадаў і сродкаў «палітычнага рэгулявання палітычнага жыцця», заслугоўвае пазітыўнай адзнакі і можа быць эфектыўна выкарыстаны ў дыдактычным працэсе. Ён будзе каштоўным пры вивучэнні палітычнай навукі не толькі для студэнтаў Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта, але і для студэнтаў іншых навучальных устаноў рэспублікі.

**В. Ф. Шалькевіч,
А. Д. Кішкевіч**

Randel Helms. Cospel fictions. Prometheus Books, Buffalo; New-York. 1989. 154 p.

Книга профессора Аризонского университета Р. Хелмса «Божественные чудеса» посвящена анализу истоков религиозного сознания, обращение к которым является весьма актуальным в изучении оснований формирования человеческой духовности и ее роли в современных цивилизационных процессах. Своей проблематикой данная работа обогащает исследование в области мифологии и теологии, представляя собой конкретизацию исследовательского метода Р. Бульмана.

Нетрадиционный подход к изучению христианской духовности помогает автору углубиться в историю создания христианских трудов, успешно применяя метод литературно-художественного анализа в исследовании мифологических образов. При этом он широко использует работы античных мыслителей, таких как Плутарх, Плиний и др. Им показано, что теологическая духовность евангелий связана с отказом от языческой религиозности с ее обычаями принесения в жертву животных для умиротворения богов. Это создавало предпосылки для формирования особого менталитета, который исключает злобу, вражду, насилие и предлагает иные мировоззренческие и ценностные установки человеческого сознания, включающие идеи примирения, сопереживания, милосердия. Эта жизненная практика нашла письменное отражение в теоретических поучениях, хотя интуитивно образный метод мышления постигался и использовался через литературные способы и средства выражения.

Для специалистов, работающих в области философии религии, может представлять интерес проводимая в рецензируемой работе идея о том, что, описывая жизнь Иисуса, Матфей знал работы Марка и опирался на них. Профессор Р. Хелмс демонстрирует глубокое знание истории евангелий, рассматривая их как составную часть мировой литературы. Поставив своей целью выявить содержательные компоненты евангелий и их динамику, он показывает, что если в первых трех евангелиях верование как альтернатива рациональному осмыслению бытия предшествует чудесам, то в евангелии от Иоанна чудеса предшествуют верованию, привлекая внимание к феномену Иисуса и осуществлению его миссии в этом мире.

Интерес представляют проведенные автором корреляции между европейской и восточной культурными традициями, которые позволяют вскрыть механизмы формирования отдельных мифов и легенд под влиянием индийской религии.

Широкое использование Р. Хелмсом оригинальных источников, их глубокий теоретический анализ, авторская интерпретация исследуемой проблематики, несомненно, привлекают внимание не только философов-религиоведов, но и всех, кто интересуется проблемами духовной культуры, истоками и механизмами ее формирования.

**Я. С. Яскевич,
Л. Ф. Кузнецова**

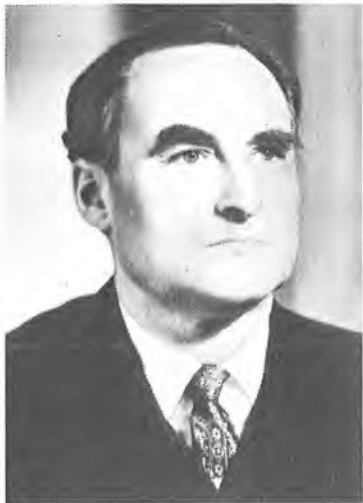
Нашы юбіляры

Сёння назва нашай рубрыкі палкам адпавядае яе зместу: юбіляраў у нас ажно чатыры. Усім ім споўнілася па 70 гадоў, усе яны вядомыя беларускія навукоўцы, усе ў свой час былі членамі рэдкалегіі нашага часопіса, а М. В. Навучыцель і цяпер уваходзіць у склад гэтага грамадскага фарміравання.

Рэдакцыя часопіса шчыра віншуе юбіляраў і жадае ім шчасця, здароўя, творчых поспехаў.

АНДРЭЙ ВАСІЛЬЕВІЧ ДУЛАЎ

Доктар навук, прафесар кафедры крыміналістыкі юрыдычнага факультэта Андрэй Васільевіч Дулаў нарадзіўся ў Ленінградзе. З пятнаццаці гадоў пачаў працаваць электрамонтэрам на заводзе. Дабравольцам народнага апалчэння ён абараняў родны горад у гады Вялікай Айчыннай вайны. Пасля атрымання цяжкага ранення пачаў працаваць следчым, затым старшым следчым пракуратуры, завочна вучыўся ў Ленінградскім юрыдычным інстытуце, які скончыў у 1950 г. У 1952—1955 гг. Андрэй Васільевіч — аспірант гэтага інстытута. У 1955 г. абараніў кандыдацкую дысертацию. Працаваў загадчыкам лабараторыі, выкладчыкам кафедры крыміналістыкі Ленінградскага ўніверсітэта.

У 1958 г. А. В. Дулаў па конкурсу заняў пасаду дацэнта ў Беларускам дзяржаўным ўніверсітэце, дзе і працуе да гэтага часу. У 1964 г. абараніў доктарскую дысертацию, у 1966 — атрымаў званне прафесара. З 1972 па 1990 г. загадваў створанай па яго ініцыятыве кафедрай крыміналістыкі.

За гады працы ў БДУ стаў вядомым вучоным у краіне і за яе межамі. Ён падрыхтаваў 32 кандыдаты юрыдычных навук. Тры з іх ужо абаранілі доктарскія дысертаты. Прафесар А. В. Дулаў вызначаецца разнастайнасцю навуковых інтарэсаў. Істотны ўклад унесены ім ў развіццё тэорыі судовай экспертызы. Па гэтай праблеме ім апублікаваны тры манаграфіі. Новыя навуковыя напрамкі даследаваны А. В. Дулавым і ў крыміналістыцы, што адлюстравана ў манаграфіях «Тактыка следчых дзеянняў» (1973), «Тактычныя аперацыі пры расследаванні злачынстваў» (1979), «Выкарыстанне карэляцыйных залежнасцей пры расследаванні крадзяжоў» (1983), «Расследаванне злачынстваў службовых асоб» (1985).

Значную ўвагу прафесар А. В. Дулаў удзяляе распрацоўцы праблем прафілактыкі злачынстваў, юрыдычнай асветы, маральна-прававому выхаванню.

Андрэй Васільевіч стварыў і чытаў упершыню ў былым СССР два новых вучэбных курсы для юрыстаў — «Юрыдычная этыка» і «Судовая псіхалогія». Па гэтых дысцыплінах ім апублікаваны дзве манаграфіі, вучэбны дапаможнік і шэраг артыкулаў.

Баявыя і працоўныя заслугі А. В. Дулава адзначаны двума ордэнамі, чатырнаццацю медалямі, Ганаровымі граматамі Вярхоўнага Савета, Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь і рэктарата БДУ.

Калектыву кафедры крыміналістыкі, калегі і вучні, студэнты юрыдычнага факультэта БДУ шчыра віншуюць Андрэя Васільевіча з юбілеем і жадаюць яму моцнага здароўя, шчасця, новых творчых поспехаў.

АЛЯКСАНДР СЯМЁНАВІЧ КЛЯЎЧЭНЯ

Вядомы беларускі вучоны і педагог, доктар філасофскіх навук, прафесар кафедры гісторыі філасофіі і логікі Белдзяржуніверсітэта Аляксандр Сямёнавіч Кляўчэня нарадзіўся ў 1924 г. у шматдзетнай сям'і селяніна-беларуса ў вёсцы Дзяніскавічы Ганцавіцкага раёна Брэсцкай вобласці. Пачатковую адукацыю атрымаў у польскай школе. У гады Вялікай Айчыннай вайны змагаўся з нямецка-фашысцкімі захопнікамі, спачатку ў антыфашысцкім падполлі, а потым у радах беларускіх партызан. З восені 1944 — у Савецкай Арміі. Удзельнічаў у баявых аперацыях на Заходнім, а потым Усходнім франтах. Вайну закончыў у Японіі.

У 1949 г. А. С. Кляўчэня паступіў у Белдзяржуніверсітэт на аддзяленне філасофіі, пасля заканчэння якога быў рэкамендаваны ў аспірантуру. Паспяхова закончыў аспірантуру і быў прызначаны на кафедры гісторыі філасофіі і логікі для выкладчыцкай дзейнасці. За гады працы ва ўніверсітэце ў творчых зносінах з такімі вядомымі філосафамі старэйшага пакалення, як І. М. Лушчыцкі, В. І. Сцяпанюў, Г. А. Левін і інш., атрымаў ўсебаковае развіццё прыродных здольнасці А. С. Кляўчэні як даследчыка і педагога.

Ён паспяхова абараніў кандыдацкую (1959) і доктарскую (1970) дысертацыі, атрымаў вучоныя званні дацэнта і прафесара (1972), вырас да буйнога высокакваліфікаванага спецыяліста ў галіне гісторыі сусветнай і нацыянальнай філасофіі.

А. С. Кляўчэня надрукаваў звыш 100 навуковых прац, у тым ліку манаграфіі «Грамадска-палітычныя і філасофскія погляды Адама Міцкевіча», «Стэфан Руднянскі (3 гісторыі марксісцка-ленінскай філасофскай думкі ў Польшчы)», «Светапогляд Уладзіслава Спасоўскага», «Нарысы па гісторыі марксісцка-ленінскай філасофскай думкі ў Польшчы». Ён з'яўляецца таксама аўтарам шэрагу калектыўных манаграфій і зборнікаў.

Пад яго кіраўніцтвам і пры непасрэдным удзеле былі падрыхтаваны вучэбныя дапаможнікі па логіцы («Зборнік практыкаванняў па логіцы» выйшаў трэцім выданнем), а таксама бібліяграфічны ўказальнік «Філасофская навука Савецкай Беларусі».

У апошнія гады прафесар А. С. Кляўчэня сканцэнтравані свае сілы на вывучэнні гісторыі нацыянальнай філасофіі. Яго талент вучонага праявіўся асабліва ярка пры даследаванні яе ранняга перыяду, прадстаўленага Ефрасінняй Полацкай, Кірылам Тураўскім, Кліментам Смаляцічам. Ён падрыхтаваў да друку манаграфія «Кірыла Тураўскі: Ля вытокаў беларускай культуры».

Пад кіраўніцтвам і пры непасрэдным удзеле А. С. Кляўчэні падрыхтаваны першы варыянт калектыўнай працы «Гісторыя беларускай філасофіі: Хрэстаматыя», які ў 1994 г. атрымаў грант Фонда Сораса.

За гады працы ва ўніверсітэце А. С. Кляўчэня падрыхтаваў і прачытаў шэраг самастойных арыгінальных акадэмічных курсаў і спекурсаў па логіцы, гісторыі сусветнай і нацыянальнай філасофіі. Сёння ён адзіны ў рэспубліцы спецыяліст, які чытае курс лекцый па гісторыі беларускай філасофіі. Неаднаразова А. С. Кляўчэню запрашалі для чытання лекцый па гісторыі філасофіі ў Ягелонскі (Кракаўскі), Варшаўскі, Камагуэйскі (Куба) і іншыя замежныя ўніверсітэты.

Значныя заслугі А. С. Кляўчэні ў падрыхтоўцы нацыянальных кадраў у галіне гуманітарных навук. Пад яго кіраўніцтвам абаронена 29 кандыдацкіх і 5 доктарскіх дысертацый.

А. С. Кляўчэня актыўна ўдзельнічае ў грамадскім і палітычным жыцці. З 1974 па 1987 г. ён з'яўляўся загадчыкам кафедры гісторыі, філасофіі і логікі БДУ, уваходзіў у склад рэдкалегіі «Весніка БДУ». У 1973 г. кіраваў кафедрай філасофіі ІПК пры Белдзяржуніверсітэце. У цяперашні час ён — член спецыялізаванага Савета БДУ па абароне доктарскіх дысертацый.

Навуковая, педагагічная, адміністрацыйная, грамадска-палітычная дзейнасць А. С. Кляўчэні адзначана шасцю медалямі, дзвюма Ганаровымі граматамі Вярхоўнага Савета БССР, граматамі мінвузаў СССР і БССР, знакам «Выдатнік народнай адукацыі».

Калегі і шматлікія вучні горача віншуюць Аляксандра Сямёнавіча з юбілеем і жадаюць яму моцнага здароўя, шчасця і новых творчых поспехаў.

У. Ф. Беркаў,
В. Ф. Шалькевіч

Доктар эканамічных навук, прафесар кафедры эканамічных тэорый Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны Міхаіл Веньямінавіч Навучыцель нарадзіўся ў г. Іркуцку, тут жа скончыў сярэдняю школу. Працоўны шлях пачаўся ў жніўні 1942 г. са службы ў радах Савецкай Арміі. Пасля дэмабілізацыі закончыў Іркуцкі фінансаво-эканамічны інстытут (1951), а потым завочна Іркуцкі дзяржаўны ўніверсітэт (1953). У 1959 г. аспірант эканамічнага факультэта МДУ імя М. В. Ламаносава паспяхова абараніў кандыдацкую дысертацыю, з 1969 г. ён — доктар эканамічных навук, з 1970 г. — прафесар кафедры палітычнай эканоміі Іркуцкага інстытута народнай гаспадаркі, дзе працаваў з 1951 г. і прайшоў шлях ад загадчыка кабінета палітычнай эканоміі да прарэктара па навуковай рабоце. У 1971 г. запрошаны на кафедру палітычнай эканоміі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта, дзе працягвае плённа працаваць і сёння. Са снежня 1971 па 1989 г.

займаў пасаду прарэктара па навуковай рабоце. Сёння М. В. Навучыцель — прафесар кафедры эканамічных тэорый.

Міхаіл Веньямінавіч — вопытны і патрабавальны педагог, аўтарытэтны настаўнік студэнцкай моладзі, таленавіты даследчык і арганізатар навукі. За час работы прарэктарам ўніверсітэта ён унёс значны ўклад у арганізацыю фундаментальных і прыкладных даследаванняў, стварэнне новых навуковых устаноў, павышэнне ролі навукі ў падрыхтоўцы навукова-педагагічных кадраў. Курс, што чытае М. В. Навучыцель, нязменна прыцягвае ўвагу студэнтаў.

Сфера навуковых інтарэсаў М. В. Навучыцеля — эканамічная тэорыя і гісторыя эканамічных вучэнняў. Ён апублікаваў звыш 150 навуковых работ, у тым ліку 12 манаграфій і брашур, а таксама больш за 20 вучэбных дапаможнікаў, у тым ліку такія актуальныя сёння і карысныя не толькі студэнтам, як «Гісторыя эканамічных вучэнняў» (Мн., 1983) і «Рынкавая эканоміка: тэорыя і практыка» (Гомель, 1994). Міхаіл Веньямінавіч падрыхтаваў 21 кандыдата і 3 дактароў навук.

Актыўна ўдзельнічае ў грамадскім жыцці: выбіраўся дэпутатам Гомельскага абласнога і раённага Саветаў народных дэпутатаў, членам выканкома Цэнтральнага раёна Гомеля, з'яўляўся членам рэдкалегіі вылавецтва «Вышэйшая школа» (Масква), членам навукова-метадычнага савета Мінасветы Беларусі, а цяпер — член рэдкалегіі «Весніка БДУ».

Ратная і навуковая педагагічная праца, а таксама грамадская дзейнасць М. В. Навучыцеля адзначаны ордэнам Вялікай Айчыннай вайны II ступені, 10 медалямі, ганаровымі граматамі Прэзідыума Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. Ён удастоены ганаровага звання «Заслужаны работнік вышэйшай школы Рэспублікі Беларусь», узнагароджаны знакам «За выдатныя поспехі ў рабоце», ганаровымі граматамі Міністэрства народнай адукацыі.

Сардэчна віншuem М. В. Навучыцеля з юбілеем і жадаем добрага здароўя, шчасця, новых творчых поспехаў.

Доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст рэспублікі Васіль Фёдаравіч Чыгір нарадзіўся і вырас у в. Лешня Капільскага раёна Мінскай вобласці ў сялянскай сям'і. У гады Вялікай Айчыннай вайны выпускнік сярэдняй школы В. Ф. Чыгір змагаўся з нямецка-фашысцкімі захопнікамі спачатку ў партызанскім атрадзе, а затым ў Савецкай Арміі. За мужнасць і гераізм узнагароджаны ордэнам Айчыннай вайны II ступені і медалямі. Пасля цяжкага ранення на фронце ён дэмабілізаваўся з арміі і некаторы час працаваў бухгалтарам калгаса, а затым (у кастрычніку 1945 г.) паступае ў Мінскі юрыдычны інстытут, па заканчэнні якога залічваецца ў аспірантуру. Паспяхова абараніўшы кандыдацкую дысертацыю, В. Ф. Чыгір працуе ў тым жа інстытуце выкладчыкам, а з 1956 г. — дацэнтам кафедры грамадзянскага права і працэсу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У 1970 г. ён абараняе доктарскую дысертацыю ў галіне грамадзянскага права. З мая 1971 г. В. Ф. Чыгір узначальвае кафедру грамадзянскага права і кіруе ёю больш за 20 год. На працягу дзесяці гадоў (з кастрычніка 1973) ён быў дэканам юрыдычнага факультэта.

За 45 гадоў педагогічнай і навуковай дзейнасці В. Ф. Чыгір унёс вялікі ўклад у падрыхтоўку юрыдычных і навуковых кадраў. Ім апублікавана больш за 200 навуковых прац, сярод якіх вядомыя манаграфіі, падручнікі і вучэбныя дапаможнікі. Кола навуковых інтарэсаў Васіля Фёдаравіча вельмі шырокае, але перш за ўсё ён вядомы як буйны спецыяліст у галіне жыллёвага права. В. Ф. Чыгір прыняў актыўны ўдзел у распрацоўцы новых Канстытуцыі, Грамадзянскага і Жыллёвага кодэксаў Рэспублікі Беларусь.

Пад кіраўніцтвам прафесара Чыгіра выкананы і абаронены шэраг кандыдацкіх і доктарскіх дысертацый па грамадзянскаму і жыллёваму праву.

Педагогічную і навуковую дзейнасць В. Ф. Чыгір паспяхова спалучае з грамадскай працай: шмат гадоў запар ён выбіраўся старшынёй прафсаюзага камітэта ўніверсітэта, аказвае навуковую і практычную дапамогу ў рашэнні складаных пытанняў Вярхоўнаму Суду, Вышэйшаму Гаспадарчаму Суду, Мініюсту, Пракуратуры і іншым органам.

Актыўная педагогічная, навуковая і грамадская дзейнасць В. Ф. Чыгіра адзначана высокімі ўрадавымі ўзнагародамі, у тым ліку ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга, медалямі, Ганаровымі граматамі. Яму прысвоена высокае званне «Заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь».

І сёння Васіль Федаравіч Чыгір поўны творчай моцы і энергіі. Ён бадзёры, мэтанакіраваны, настойлівы ў рашэнні пастаўленых задач. Пажадаем жа яму моцнага здароўя, новых поспехаў у педагогічнай, навуковай і грамадскай дзейнасці, шчаслівага і светлага асабістага жыцця.

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Менькоўскі В. І.</i> Гістарычнаму факультэту — 60 год	3
<i>Багдановіч А. Г.</i> Ідэя нацыянальнай дзяржаўнасці ў праграмах ліберальна-буржуазных партый Беларусі (сакавік—кастрычнік 1917 г.)	5
<i>Загорульскі Э. М.</i> Історические связи Западной Руси со Скандинавией	8
<i>Сурта Е. П.</i> Галло-франкская церковь и римские епископы (конец V—VII вв.)	11

ФІЛАСОФІЯ

<i>Король Д. Ю.</i> Опыт исследования поэтики экзистенциальных форм раннего немецкого романтизма	14
<i>Бобко А. И.</i> О диалектическом характере совпадения логики и метафизики у Гегеля	17
<i>Луцок Л. Ф.</i> Понятие экосистемы и его методологический статус	20
<i>Янчук Е. И.</i> Системная методология и стили мышления в химии	23
<i>Карнов В. А.</i> Изоморфизм двух систем (междисциплинарный синтез на базе системного подхода)	26
<i>Лойко Л. Е.</i> К вопросу о функциях методологических исследовательских программ в историческом познании	30

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Сословская Е. Л.</i> Политическая теория международных отношений	34
<i>Малевиц Ю. И.</i> Принципы защиты прав человека во внешнеполитической доктрине администрации Ричарда Никсона	37
<i>Лашина С. В.</i> Социологическое познание в системе современной науки	39

ЭКАНОМІКА

<i>Крыштафовіч А. Н.</i> Экономическое значение использования новой информационной технологии в деятельности фирм	44
<i>Базылева М. Н.</i> Мотивация и стимулирование труда в системе менеджмента	46
<i>Грязнова Л. Н.</i> Бизнес женщины в Беларуси	49

ПРАВА

<i>Хомич В. М.</i> Осуждение без назначения наказания как мера уголовной ответственности: проблемы регламентации, содержание	52
<i>Кучвальская И. В.</i> Применение штрафа в судебной практике	56
<i>Марчук В. В.</i> Крымінальна-прававыя сродкі, якія забяспечваюць выкананне мер крымінальна-прававога ўздзеяння ў пракцые крымінальнага кодэкса Беларусі	58

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ

(публікацыі і пераклады)

Праграма уставы Хрысціянскай Дэмакратычнай Злучнасці Беларусаў	62

НОВАЕ ў ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

<i>Кечина Е. А.</i> Проблемы изучения социальной и экономической статистики при подготовке специалистов социологического профиля	66

РЭЦЭНЗІІ

<i>Рудкін В. Р., Сосна У. А., Казакоў Ю. Л., У. П. Крук.</i> Сялянскі рух на Беларусі, 1864—1900 гг.	70
<i>Шалькевіч В. Ф., Кішкевіч А. Д., Е. В. Пикульский.</i> Политология: Тексты лекций в двух частях	70
<i>Яскевич Я. С., Кузнецова Л. Ф.</i> Randel Helms. Cospel fictions	71

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

<i>Андрэй Васільевіч Дулаў</i>	72
<i>Аляксандр Сямёнавіч Кляўчэня</i>	73
<i>Міхail Веньямінавіч Навучыцель</i>	74
<i>Васіль Фёдаравіч Чыгір</i>	75

УКАЗАЛЬНИК

артыкулаў, апублікаваных у «Весніку Беларускага дзяржаўнага
універсітэта», серыя 3 (гісторыя, філасофія, паліталогія,
сацыялогія, эканоміка, права) у 1994 г.

НАШЫ ЛАЎРЭАТЫ

Кошелев В. С. Проблемы генезиса партийной системы в странах Востока в конце XIX — начале XX в. (на примере Египта) 1 3

ГІСТОРЫЯ

Аблова Н. Е. Проблема Китайско-Восточной железной дороги в международных отношениях на Дальнем Востоке в конце второй мировой войны 2 20

Багдановіч А. Г. Ідэя нацыянальнай дзяржаўнасці ў праграмах ліберальна-буржуазных партый Беларусі (сакавік—кастрычнік 1917) 3 5

Бригадин П. И. Думская тактика партии эсеров 2 5

Давідовіч А. В. Грамадзянскі і творчы лёс З. Х. Жылуновіча ў кантэксте таталітарнага скажэння нацыянальна-культурнай палітыкі (канец 20 — сярэдзіна 30-х гадоў) 2 10

Еўтухоў І. А. Прынцып усваявання ў раннеарыянскай канцэпцыі чалавека 1 21

Загорулскі Э. М. Исторические связи Западной Руси со Скандинавией 3 8

Кісялёў В. К. Разведвальная дзейнасць партызан Беларусі ў ітгарэсах фронту (чэрвень 1941 — ліпень 1944 г.) 1 7

Котаў А. І. Аднаўленне і развіццё сістэмы гандлёвага абслугоўвання сельскага насельніцтва Беларусі ў пасляваенны перыяд (1944—1950) 1 16

Кутузава П. А. 3 гісторыі фарміравання партыйнай сістэмы ў Расіі (1917—1918) 1 10

Лазько Р. Р. «Ягелонская ідэя» ў палітыцы Польскай Рэспублікі ў міжваенныя гады 2 15

Малюжін А. І. З'яўленне хрысціянства ў Брытаніі 2 26

Менькоўскі В. І. Гістарычнаму факультэту — 60 год 3 3

Мячышка І. І. Абрадавая сімволіка і старажытная свядомасць 1 19

Паўлаў У. П. Навуковыя і навукова-педагагічныя супрацоўнікі — удзельнікі патрыятычнага падполля ў гады Вялікай Айчыннай вайны 2 3

Сосна У. А. Саслоўная структура феадальна-залежнага сялянства Беларусі ў першай трэці XIX ст. 1 14

Сурта Е. Н. Галло-франкская царковь і рымскі епіскапы (канец V—VII вв.) 3 11

Хоціна А. І. Да пытання аб канцэпцыі нацыянальна-культурнага будаўніцтва ў 20—30-я гады 2 13

Шаўрук И. В. Специальные экономические зоны в КНР 2 24

ФІЛАСОФІЯ

Бекус Н. Э. Символ в системе культуры 1 24

Бобко А. И. О диалектическом характере совпадения логики и метафизики у Гегеля 3 17

Дожижкова Р. Н. Проблема амбивалентности техники 1 31

Зеленков А. И. Философия и перспективы развития современного методологического сознания 2 29

Карнов В. А. Изоморфизм двух систем (междисциплинарный синтез на базе системного подхода) 3 26

Кораль Д. Ю. Опыт исследования поэтики экзистенциальных форм раннего немецкого романтизма 3 14

Лойка А. І. Ідэя М. Гусоўскага і актуальныя праблемы сучаснага тэхнагеннага свету 1 28

Лойка Л. Е. К вопросу о функциях методологических исследовательских программ в историческом познании 3 30

Луцук Л. Ф. Понятие экосистемы и его методологический статус 3 20

Румянцева Т. Г., Баранчик Ю. В. «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна как философский текст 1 34

Сидорская И. В. Типы коммуникации в истории культуры 2 36

Фурс В. В. Мишель Фуко: поиск модели познающего субъекта 2 33

Янчук Е. И. Системная методология и стили мышления в химии 3 23

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

Белякович Н. М. Сацыяльныя адносінны: сутнасць і структура 1 37

Елсуков А. Н. Социологическая мысль Беларуси: этапы становления и развития. Роль Белгосуниверситета в возрождении социологии 2 43

Ланина С. В. Социологическое познание в системе современной науки 3 39

Малевиц Ю. И. Принципы защиты прав человека во внешнеполитической доктрине администрации Ричарда Никсона 3 37

Мельников А. П. Проблемы политологии в работе Т. Гоббса «Левнафан» 2 40

Сословская Е. Л. Политическая теория международных отношений 3 34

Терещенко О. В. Классификация социологических объектов методами многомерного статистического анализа 2 49

Титаренко Л. Г. Тенденции изменения ценностных ориентаций молодежи 2 46

ЭКАНОМІКА

<i>Базылева М. Н.</i> Мотивация и стимулирование труда в системе менеджмента	3 46
<i>Грязнова Л. Н.</i> Бизнес женщины в Беларуси	3 49
<i>Давыденко Л. Н., Максимович Г. В.</i> Промышленная политика и ее структура	2 58
<i>Жибутева Е. А., Адамович Т. И.</i> Проблема определения малой страны	1 43
<i>Крыштафович А. Н.</i> Экономическое значение использования новой информационной технологии в деятельности фирм	3 44
<i>Научитель М. В., Сорвинов Б. В.</i> Леворадикальная экономическая доктрина Германии (критический аспект)	1 46
<i>Сильванович В. И.</i> Развитие отношений собственности в аграрном секторе экономики в условиях перехода к рынку	2 56
<i>Цеханович Т. Ф., Белоглазова Т. М.</i> Классификация видов рынка и анализ их динамики	2 53
<i>Шмыгова Л. И.</i> Структура рынка ценных бумаг и условия его формирования	1 40

ПРАВА

<i>Бибило В. И.</i> Судебное усмотрение	1 54
<i>Данилевич А. А.</i> Частнопредупредительная функция судебной речи	1 57
<i>Кучвальская И. В.</i> Применение штрафа в судебной практике	3 56
<i>Марчук В. В.</i> Кримінальна-прававая сродкі, якія забяспечваюць выкананне мер кримінальна-прававога ўздзеяння ў практыцы кримінальнага кодэкса Беларусі	3 58
<i>Савченко М. И.</i> Некоторые вопросы международного транспортного права	1 59
<i>Тиковенко А. Г.</i> Проблемы договорного государственного властвования на современном этапе	1 51
<i>Третьякова И. П.</i> Право на землю для строительства и обслуживания жилого дома	2 64
<i>Хомич В. М.</i> Осуждение без назначения наказания как мера уголовной ответственности: проблемы регламентации, содержание	3 52
<i>Чичурина О. А.</i> Некоторые вопросы подведомственности трудовых споров в судебной практике	2 61

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ (публікацыі і пераклады)

Праграма Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў	1 62
Вильгельм Кубе и нацистская оккупационная политика в Белоруссии 1941—1943 гг.	1 66
Праграма уставаў Хрысціянскай Дэмакратычнай Злучнасці Беларусі	3 62

НОВАЕ ў ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

<i>Годунов В. Н., Дулов А. В.</i> О проблемах подготовки юридических кадров в Республике Беларусь	2 69
<i>Карако П. С.</i> Экологическое сознание и его место в системе форм общественного сознания (в помощь преподавателю философии)	1 75
<i>Кечина Е. А.</i> Проблемы изучения социальной и экономической статистики при подготовке специалистов социологического профиля	3 66

ХРОНІКА

<i>Клюня В. Л., Ермалович Л. П.</i> Актуальные проблемы экономической теории и практики в условиях перехода к рыночным отношениям	2 73

РЭЦЭНЗІІ

<i>Вабішчэвіч А. М. К.</i> Gromótka. Białorusini w II Rzeczypospolitej	2 77
<i>Зайцева Л. Л. М. И.</i> Пастухов. Реабилитация невиновных: Основы правового института	2 79
<i>Казакоў Ю. Л.</i> 3 гісторыі палітычных партый	2 75
<i>Карлюк А. С.</i> Философия	2 78
<i>Коршук В. К.</i> Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Ч. II: Материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь	2 76
<i>Рудкін В. Р., Сосна У. А., Казакоў Ю. Л., У. П. Крук.</i> Сялянскі рух на Беларусі, 1864—1900 гг.	3 70
<i>Шалькевіч В. Ф., Кішкевіч А. Л., Е. В. Пилульский.</i> Политология: Тексты лекций	3 70
<i>Яскевич Я. С., Кузнецова Л. Ф.</i> Randel Helms. Cospel fictions	3 71

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Андрэй Васільевіч Дулаў	3 72
Аляксандр Сямёнавіч Кляўчэня	3 73
Міхаіл Венямінавіч Навучыцель	3 74
Васіль Фёдаравіч Чыгір	3 75
Сцяпан Яфімавіч Ягчанка	1 80

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3, № 3, 1994

Издательство «Университетское».
220048, Минск, проспект Машерова, 11. Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Редактор *А. А. Сычю*
Малодшы рэдактар *Г. М. Добыш*
Мастацкі рэдактар *В. А. Ярмоленка*
Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Набор і вёрстка выкананы на выдавецка-рэдакцыйнай сістэме «Саюз».

Здадзена ў набор 10.10.94. Падпісана да друку 17.11.94. Фармат
70×108¹/₁₆. Папера афсет. Друк афсет. Ум. друк арк. 7,0. Ум. фарб.-адб.
7,35. Ул.-выд. арк. 9,03. Тыраж 950 экз. Заказ 1047. Цана 500 р.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.
Выдавецтва «Універсітэцкае». 220048, Мінск, праспект Машэрава, 11.

Друкарня выдавецтва «Беларускі Дом друку».
220013, Мінск, праспект Ф. Скарыны, 79.

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ

1. Статьи представляются в редакцию, напечатанными на пишущей машинке через два интервала.
2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц машинописного текста, включая приложения.
3. К статье должны быть приложены: рекомендация кафедры, рецензия и сведения об авторе (место работы, должность, адрес, рабочий и домашний телефоны).
4. Формулы и буквенные обозначения необходимо аккуратно и разборчиво вписать в два экземпляра от руки темными чернилами и разметить карандашом: греческие буквы обвести красным карандашом: латинские подчеркнуть волнистой чертой; прописные — двумя черточками снизу ($\underline{\underline{A}}$), строчные — двумя черточками сверху ($\overline{\overline{a}}$). Следует различать буквы O прописную, o строчную, 0 ноль, для чего буквы O и o подчеркивают двумя черточками, ноль отмечают квадратной скобкой снизу ($\underline{\underline{O}}$, $\underline{\underline{o}}$, $\underline{\underline{0}}$). Необходимо различать в написании буквы I (эль), e, а также I и J (йот), для чего I пишут, как римскую единицу, подчеркивая ее двумя черточками снизу.
5. Рисунки (не более 3 для статьи и не более 2 для краткого сообщения) представляют в двух экземплярах в виде графиков, схем, фотографий отдельно от текста; фотографии, отпечатанные на глянцевой бумаге с накатом, должны иметь четкое и контрастное изображение. Чертежи и схемы выполняют тушью на плотной бумаге или кальке 150x200 мм. На обороте карандашом необходимо указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка.
6. Таблицы и подписи к рисункам следует печатать на отдельных листах. Кривые на рисунках нумеруются арабскими цифрами, которые расшифровываются в подписях к рисункам. Представление одного и того же материала в виде таблиц и рисунков не допускается. Места для таблиц и рисунков необходимо указать на полях рукописи.
7. Список литературы дается в конце статьи на отдельном листе и оформляется следующим образом:
 - а) для книг: фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, год издания, страницы;
 - б) для журнальных статей: фамилия и инициалы автора, принятое сокращенное название журнала, год издания, том, номер выпуска, страницы. В списке литературы не должно быть работ, на которые нет ссылок в тексте статьи.
8. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации и авторефераты не допускаются.
9. В случае возвращения статьи автору для доработки первоначальный текст статьи необходимо вернуть в редакцию. При задержке статьи автором на месяц и более первоначальная дата поступления не сохраняется.
10. Корректурa статьи с исправлениями ошибок типографии за подписью автора должна быть через три дня после ее получения возвращена в редакцию. Изменения и дополнения как в тексте, так и в рисунках, таблицах не допускаются.
11. Авторы несут ответственность за достоверность и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, собственных имен географических и других названий, а также за разглашение сведений, не подлежащих открытой публикации.
12. Редакция оставляет за собой право производить редакционные изменения и сокращения рукописей.